

В. И. Фрейдзон

Д а л м а ц и я
в хорватском
национальном
возрождении XIX в.

К истории югославизма и его неудачи

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики

В. И. Фрейдзон

**Далмация
в хорватском национальном
возрождении XIX в.**

К истории югославизма и его неудачи

Москва
1997

Центральной темой книги является югославизм – система идей реального или потенциального национального (вариант: наднационального) единства южных славян. На материале истории Далмации, части Республики Хорватия, прослежена роль югославизма при решении некоторых общих для хорватов и сербов задач (ликвидации господства итальянского языка и чиновничества в Далмации), а также временно – для ускорения национальной консолидации хорватов. Вместе с тем отмечена противоречивость югославизма, посредством которого не были решены кардинальные проблемы, связанные с формированием югославянских наций. Тем самым указано на корни межнациональных конфликтов на Балканах.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Т. М. Исламов

Рецензенты:
доктор исторических наук И. С. Достян
кандидат исторических наук Л. В. Кузьмичева

ISBN 5-7576-0052-7

© Институт славяноведения и
балканистики РАН

Введение

Далмация – солнечный край, узкая полоса на побережье Адриатического моря и множество островов* – пережила полную драматизма историю. Она получила известность только в XX в., когда туризм в Европе начал приобретать более широкие масштабы, а в полной мере стала “раем для туристов” после второй мировой войны, когда массовый туризм превратился в важнейшую отрасль экономики. Вместе с ним впервые на далматинскую землю пришло материальное благополучие, продолжавшееся до войны 1991 г.

В XIX – начале XX в. Далмация являлась бедной неграмотной страной – самой отсталой провинцией Австро-Венгрии. В 70-х годах XIX в. население ее на 82% состояло из католиков, которые к началу XX в. сложились в часть хорватской нации (в состав католического населения кроме хорватов входили и несколько тысяч итальянцев), на 17% из православных (сербов)**, 1% составляли прочие. Ряд приморских городов (Задар, Шибеник, Дубровник) были почти сплошь католическими***. Общая численность населения в 1874 г. превысила 457 тыс. человек. Таким образом, австрийская провинция Далмация имела смешанное югославянское население, которое – при наличии разных говоров (преобладала “икавица”, наряду с ней была распространена “иекавица”****) – за редким исключением говорило на штокавском диалекте хорватского (или сербского) языка, литературное оформление которого произошло во второй половине XIX в.

Данная работа посвящена периоду так называемого национально-го возрождения в Далмации и борьбы за воссоединение Далмации с

* Наибольшая ширина Далмации – 74 км (в районе Сплита), наименьшая в Боке – 4 км (под Дубровником); протяженность австрийской Далмации (с островами) – 461 км.

** Православное население было сосредоточено преимущественно в Боке Которской, где составляло 78% жителей (16 тыс. человек), и на севере Далмации.

*** В Дубровнике после 1848 г. образовалась значительная группа сербов-католиков, что было вызвано как традицией связей с сербскими областями Балканского полуострова, так и влиянием сербского национального движения (в Сербии, Воеводине, Боснии, Черногории).

**** Например, “река” произносится “rúka” (икавица) или “rieка” (иекавица).

Хорватией и Славонией* . Вслед за изложением основной темы следует Заключение – схематический обзор событий до начала первой мировой войны. В распоряжении автора имелась основная хорватская литература вопроса (но, к сожалению, не вся) и большая часть опубликованных источников; в российских библиотеках отсутствует важнейший из таких источников – печать национального движения (газеты), а стенограммы далматинского провинциального собрания (сабора), действовавшего с 1860 г., представлены незначительно. Что касается архивных материалов, то нами были изучены донесения российских консулов из Дубровника (Рагузы) за ряд лет.

Далмация исторически была связана как с Италией, так и со своим материковым тылом – Боснией и Герцеговиной, в небольшой мере – с Хорватией и Славонией, а также с Венгрией, Сербией, Воеводиной и Черногорией, наконец, с австрийской частью монархии Габсбургов в целом.

События, происходившие в Австро-Венгрии и на Балканах, межнациональные конфликты, то разгоравшиеся, то затихавшие здесь, находили отклик в Далмации.

В географическом и социально-культурном отношении Далмация являлась для Австрийской монархии “посторонней” (балканско-средиземноморской) областью. Она выходила далеко за пределы Центральной Европы, горных хребтов, окаймлявших старинные владения Габсбургов (Альпы, Судеты, Карпаты), и являвшейся осью этих владений долины Дуная. Далмация в 1814–1918 гг. так и не стала органичной частью империи. Она являлась областью контактов разных цивилизаций (средиземноморской, балканскоосманской и в лице австрийской власти и установленного ею устройства – центральноевропейской). С другой стороны, владение стратегически важной приморской полосой толкало имперские власти к более прочному обеспечению своих позиций на Адриатике и Балканском полуострове – к захвату Боснии и Герцеговины (1878 г.), которые в еще большей степени остались совершенно чуждой для Австро-Венгрии христианско-мусульманской балканской областью и усугубили внутреннее неравновесие государства. Но основной причиной экспансии Габсбургов было стремление овладеть выходом к Эгейскому морю и морским путем на Ближний Восток.

* Так как Далмация является частью Хорватии (Республики Хорватия), то формулировка о “восоединении Далмации с Хорватией” неточна. Поэтому мы пишем о восоединении (или соединении) Далмации с “собственно Хорватией”. При этом в данной работе понятия “собственно Хорватия” и “Хорватия и Славония” применяются как тождественные (хотя вообще под “собственно Хорватией” можно также понимать только историческую территорию вокруг Загреба, так называемую кайкавскую Хорватию, ядро хорватских земель).

То обстоятельство, что Далмация переживала национальное возрождение примерно на двадцать лет позднее собственно Хорватии (области Загреба), ставило ее идейное развитие под влияние этого хорватского центра (ядра) и ускоряло его. В начале XX в. Далмация уже не только не отставала, но в чем-то (в национально-радикальных идеях) вышла на первый план в общенациональном масштабе.

Так как новая история Далмации неразрывно связана с формированием хорватской и сербской наций, основному материалу предпосланы очерки этого процесса (у сербской нации – лишь частично – в пределах монархии Габсбургов).

Труд посвящен маленькой Далмации, но в ней отражались идеологические и политические процессы, протекавшие не только в сербском и хорватском регионах, но в южнославянском мире в целом (куда входили как Словения, так и – в основном до освобождения страны от османского господства, в 1878 г. – Болгария: мы имеем в виду, что идеологи единения южных славян в политическом и культурном отношении включили в эту общность и болгар). Поэтому ознакомление с событиями в идейно-политической сфере в Далмации немало дает для понимания общепалканских проблем.

Эти проблемы, в свою очередь, затрагивают интересы стран Центральной Европы, Европы в целом и всего международного сообщества.

Автор полагает, что книга привлечет внимание славистов и всех читателей, интересующихся историей южнославянских народов. Ведь после сочинения Л. В. Березина, со времени выхода которого прошло более века¹, на русском языке не было опубликовано исследований, специально посвященных истории Далмации.

Часть первая

Очерк формирования хорватской и сербской наций в пределах монархии Габсбургов

1.

Общее представление о нациях Центральной Европы

Нация – общность людей, складывающаяся в условиях формирования общества нового времени, его социальной структуры, культуры и самосознания. Для капиталистического способа производства характерен нарастающий темп развития информационных связей (глубинной их основой является рынок), преодолевающих прежние локальные (областнические) рамки и распространяющихся прежде всего на массу единопольного или близкородственного населения (в некоторых случаях, если пределы этих интенсивных связей шире, создаются благоприятные условия для ассимиляции соседних этносов). Нет оснований сводить национальные процессы к чисто экономическому фактору. Вектор этих процессов определяется воздействием комплекса причин, включая историко-политические и культурные традиции и условия. Наиболее существенной из этих причин, по-видимому, является социальный интерес ведущих активных сил этноса. Иначе невозможно объяснить, почему, например, немцы разных государств Священной империи составили единую нацию вопреки религиозным различиям, а у единопольных южных славян возникло несколько наций (более того, католическое население исторической земли Хорватии, родственное по языку словенцам-католикам – имеется в виду кайкавский диалект, – не составило с ними единой нации, но объединилось с югославянами-католиками, говорящими на ином, штокавском, диалекте).

Итак, нация возникает во вполне определенную эпоху (перехода к капитализму и его утверждения), “на пересечении” или как следствие сочетания двух комплексов факторов – социальных и этнокультурных как этносоциальная общность. Поэтому, анализируя некоторые черты процесса формирования наций в Центральной Европе, следует сосредоточить внимание на двух указанных комплексах.

Типологию процесса определяет прежде всего принадлежность этноса к определенному региону Европы. Специфика исторического региона определяется длительным совместным проживанием разных этносов в неких сходных социальных, политических и культурных условиях (и эволюцией этих условий). Поэтому в сущности регионом в изучаемую эпоху, и даже шире – в XVI – начале XX в. является не Центральная Европа вообще, а восточная ее часть (монархия Габсбургов, Польша, возможно, восток Германии) – Ostmitteleuropa, характеризующаяся наличием феодальной зависимости крестьянства, ликвидированной в XIX в., многонациональным составом населения, более или менее успешным развитием капитализма в XVIII–XIX вв. Другие регионы Европы – Юго-Восточная Европа (точнее, европейские владения Османской империи), Западная Европа, запад Центральной Европы, Средиземноморская Европа, Северная Европа, Восточная Европа.

В монархии Габсбургов в XVIII–XIX вв. происходил процесс развития буржуазного общества (т. е. складывания капиталистического рынка и классов нового времени – буржуазии и рабочего класса, а также интеллигенции из старых феодальных сословий – дворян, мещан, крестьян), имел место промышленный переворот, в 60х годах XIX в. сложились основы конституционного порядка (хотя и не было национального и политического равноправия). Вся это уже с последних десятилетий XVIII в. определило такие формы общественного (национального) движения, как научные кружки, исследования языка и истории, просветительство, постепенное становление школы, театра, издание научных журналов, организация общественно-политических клубов (“читален”) и издательских обществ на родных языках (славянские матицы), выпуск политических газет, возникновение легальных политических течений и партий и пр. В кризисные периоды (особенно в 30–40-е годы XIX и начале XX в.) существовали и национально-революционные движения. Такова общественная атмосфера, в которой формировались нации; она существенно отличалась, например, от условий османского владычества в Юго-Восточной Европе с его отсутствием элементарных предпосылок для промышленного развития и гражданской безопасности. Но она отличалась и от ситуации в Западной Европе (Великобритания, Франция и др.), где в условиях длительного развития мощного рынка и личной свободы крестьян стала возможной языковая (но далеко не всегда этнокультурная) ассимиляция малых этносов. Условия региона Ostmitteleuropa предопределили определенный тип процесса формирования наций.

В рамках же самого региона Ostmitteleuropa наиболее существенным для типологической характеристики национальных процессов был такой фактор, как социальная структура этносов в эпоху позднего фео-

дализма. Во всех, точнее почти во всех, землях монархии Габсбургов имелось землевладельческое дворянство – полнокровный господствующий феодальный класс, однако у некоторых народов это было национальное (по языку, традициям, сознанию и устремлениям) дворянство (итальянцы, венгры, хорваты, не говоря уж о господствовавшем народе – австрийских немцах), на этнической же территории других народов дворянство принадлежало к иному этносу – таковы чехи, словенцы, словаки, почти все румыны (кроме Буковины), сербы, часть хорватов, западные украинцы. Первую группу мы называем народами с полной структурой позднефеодального общества, вторую – с неполной структурой.

Социальные и государственно-политические условия, а также культурные традиции этих групп были разные (хотя и внутри каждой группы различия были значительны, ведь каждая нация в мире прошла свой неповторимый путь). Прежде всего, в первом случае основной двигатель экономического прогресса – национальная буржуазия формировалась как из плебейской (торгово-ремесленной и крестьянской) среды, так и из господствующего класса (процесс обуржуазивания дворянства), т. е. “снизу” и “сверху”, тогда как во втором случае – только “снизу”. Ясно, что это сказывалось на идейных традициях и реальных интересах разных слоев формировавшейся буржуазии, накладывало печать на политическую жизнь и национальную культуру.

Далее, народы первой группы, как правило, не только более прочно сохраняли политические традиции, но и обладали определенными формами государственности. Это положительно воздействовало на развитие национального самосознания. Национальное движение народов этой группы либо на новой идейной основе непосредственно продолжало политическую борьбу, которая уже имела место в прежнюю, феодальную, эпоху (поляки, венгры), либо очень быстро переходило к политическим формам (хорваты в собственно Хорватии). Ведь для этого были благоприятные условия: политически опытное дворянство, наличие выборных форумов (государственное собрание в Венгрии, сеймы в Польше, сабор в Хорватии). Подобных условий не было у народов второй группы. Все они находились в состоянии административно-политической раздробленности. У некоторых из них вообще не имелось политической традиции (словенцы, словаки) и даже сознания этнической общности (последнее относится и к хорватам, которые в давние времена утеряли политическую целостность этнической территории, да и дворянство сохранилось в основном в одной из исторических областей – Хорватии, т. е. области вокруг Загреба).

Государственная автономия, охватывавшая в сущности всю (или почти всю) этническую территорию, резко ускорила складывание венгерской нации; живая память о недавно существовавшем объединенном

национальном государстве воздействовала аналогичным образом на процесс развития общего самосознания поляков после разделов Польши. Все эти политические и идеологические обстоятельства связаны с полной структурой позднефеодалного общества.

Имелись и варианты, которые можно назвать промежуточными. Так, у сербов Австрийской монархии вплоть до того времени, когда “эстафету” приняла национальная интеллигенция, связанная с растущей буржуазией, национально-культурную и политическую традицию отстаивала православная церковь. К тому же она являлась крупным феодальным землевладельцем и поэтому смогла получить из рук Габсбургов в свое ведение сербскую национально-культурную автономию (конец XVII в.). Другой случай – сохранение (хотя и ставшей формальной в XVII–XVIII вв.) автономии Чешского королевства; практически символами этой автономии владела немецкоязычная богемская аристократия (прежде всего речь идет о сословном сейме), но тем не менее чешская государственная традиция сохранялась, и это – в новых условиях – способствовало интенсивному развитию чешского национального самосознания.

При всех различиях между первой и второй группой темп формирования нации зависел от интенсивности развития новой “полной” социальной структуры, т. е. структуры буржуазного общества. В этом отношении чехи находились впереди других народов государства Габсбургов, уступая лишь австрийским немцам.

Далее, типологически различным являлся национальный процесс у народов, входивших в состав одного многонационального государства или двух (а то и нескольких) государств. Примеры последнего варианта – национальное развитие поляков (все части формировавшейся нации – в составе чуженациональных держав), румын, сербов (часть народа в составе национального государства, составлявшего ядро нации – Сербии, другая часть в монархии Габсбургов, третья – в Османской империи).

Невозможно согласиться с встречающимися в литературе утверждениями, что польская нация после разделов Речи Посполитой “исчезла”, хотя, действительно, целостной нации, т. е. целостного этносоциального организма, не стало. Необходимо видеть процесс, протекавший в этих неблагоприятных условиях. Так, во всех трех частях разделенной Польши в XIX – начале XX в. продолжала формироваться социальная структура польского буржуазного общества (т. е. польская этносоциальная структура), интенсивно развивалась общенациональная культура и польское самосознание, общенациональный характер приобрели политические связи. Нельзя утверждать также, что внутренние экономические связи, значительно ослабевшие, полностью прервались (хотя их поддержание определялось политикой держав, поделив-

щих Польшу, и было крайне затруднено). Конечно, наличие межгосударственных границ, разделявших этнос, в некоторых случаях приводило к его распаду, но это было обусловлено недостаточно развитым и прочным национальным самосознанием. В Польше, наоборот, шел процесс его консолидации, что проявлялось в различных формах движения за воссоединение страны. Такие части этноса, усилия которых направлены на восстановление его как единого целого, мы называем “парциальными этносоциальными организациями”, “парциальными нациями”. Вне учета нациообразующих процессов, протекавших в парциальных нациях, невозможно понять факт быстрого завершения формирования нации после политического объединения этнической территории. Дело в том, что почти все компоненты нации до этого объединения уже созрели. Вместе с тем, по нашему мнению, не следует впадать в другую крайность и утверждать, что та же польская нация сформировалась в XIX в.: для этого не было одного важного условия – единого этнополитического организма. Аналогично обстояло дело с сербской нацией, этническая территория которой до 1918 г. вообще никогда не была объединена.

Что касается неполноправных наций, входивших в одно государство и в основном сформировавшихся в его составе (венгры, чехи, словенцы, хорваты), то мы полагаем, что для окончательного завершения этого процесса требовалось либо достижение полного национальнополитического равноправия (венгры в Австро-Венгрии), либо создание национальных государств (или федерации их, например, в составе послевоенной Чехословакии). Впрочем, эта проблема достойна обсуждения.

Среди проблем периодизации процесса складывания наций остановимся на двух – определении исторического рубежа завершения процесса хотя бы в основном и определении исторических рамок так называемого национального возрождения, как по традиции условно называют особый период (и процесс) в истории народов с неполной структурой позднефеодального общества (либо, как это было с хорватами, при наличии на части территории национального дворянства), из-за неблагоприятных исторических условий не обладавших к началу складывания нации общетническим самосознанием. Во всех случаях имеются в виду народы, пережившие упадок национальной культуры (прежде всего – языка) или вообще не имевшие значительной политической и культурной традиции*.

Национальное возрождение – тенденции в сфере языка, культуры и вообще общественной жизни народов – это комплекс явлений, рас-

* Нельзя путать национальное возрождение с европейским Возрождением (Ренессансом). Кроме того, традиция использования понятия “национальное возрождение” поддерживается не всеми исследователями и вообще не обязательна.

считываемых нами в тесной связи с общеисторическим, прежде всего социально-экономическом процессом (т. е. переходом от феодализма к капитализму). Содержание и результаты национального возрождения – качественное изменение этнического самосознания большинства населения¹. Мы имеем в виду не только оттеснение на второй план областного (локального) самосознания, вытеснение его сознанием принадлежности к нации в целом, но и созревание новой системы ценностей, в центре которой находятся национальные интересы и аргументы в их защиту. Наряду с изменившимися объективными условиями фактором этого процесса являлась активная целенаправленная деятельность формировавшейся национальной интеллигенции в сферах языка, литературы, науки, других областях культуры. Наконец, политики. Свидетельством завершения национального возрождения является создание основы системы национальной культуры нового времени (но это не единственное свидетельство).

Периодизация общеисторического процесса в регионе и национальных процессов у разных народов совпадать не может. Но изучение конкретного исторического материала дает основания считать, что в общем и целом в Австрийской империи именно революция 1848–1849 гг. (и ее последствия) явилась тем центральным событием, перед которым или вскоре после которого у большинства народов завершилось национальное возрождение. В этот период, в частности, почти у всех народов возникли городские центры общенационального значения и обозначились области, где национальный процесс протекал наиболее интенсивно, где зарождались национальные движения, области, ставшие центром притяжения национальной периферии. Мы называем такие области национальным ядром (Чехия с Прагой у чехов, Хорватия с Загребом у хорватов, Крайна с Любляной у словенцев, у сербов – Воеводина с Нови Садом в Австрийской империи и княжество Сербия и т. д.).

Содержанием следующего за национальным возрождением периода было завершение процесса формирования наций (хотя бы “в основном”).

Критерий полноты новой этносоциальной структуры (наличие национальных интеллигенции, торгово-промышленной буржуазии и рабочего класса) является одним из наиболее важных при определении хронологического рубежа завершения в основном процесса складывания наций. Поэтому можно полагать, что чешская нация в основном сформировалась в 70-х годах XIX в., а, например, хорватская – в первой четверти XX в. и т. д. Там же, где указанная полнота достигнута не была (например у лужицких сербов), нация вообще не сформировалась. Характерно, что именно к отмеченному времени у разных народов уже имелась более или менее развитая система национальной культуры – другой важнейший критерий завершения процесса².

2.

Хорваты

Процесс складывания хорватской нации был исключительно сложным ввиду целого ряда обстоятельств. Хорватская этническая территория была раздроблена, и во второй половине XVIII в. ее отдельные части входили в состав владений Венеции (Далмация, часть Истрии), Дубровника (эти территории были присоединены к Австрии после наполеоновских войн), монархии Габсбургов: Хорватия и Славония – автономная часть Венгерского королевства, а также отдельные другие территории в составе Венгрии, часть Военной границы, управлявшаяся до 1871 г. австрийским военным ведомством и после демилитаризации (1871 г.) присоединенная к Хорватии в 1881 г. В конце XIX – начале XX в. в состав хорватского народа вошла часть населения Боснии и Герцеговины, отторгнутых Австро-Венгрией у Османской империи в 1878 г. Таким образом, все административные единицы (общим числом семь), где формировалась хорватская нация, с 1878 г. находились в составе Габсбургской монархии, но вплоть до ее развала они не были связаны между собой в административном отношении*. После образования Югославии небольшая часть Далмации и Истрия были оккупированы Италией и освобождены только во время второй мировой войны.

Отдельные части складывавшейся нации различались по истории, традициям, имели разную социальную и экономическую структуру. Так, национальный класс феодалов-дворян имелся только в собственно Хорватии (классически феодальная область Загреб), в соседней Славонии крупные помещики были венграми, немцами и др., в Далмации и Истрии, с распространенными там отношениями клоната, горожане-землевладельцы были итальянцами или итальянизированными, в Боснии господствовавший класс составляли мусульмане. На Военной границе крестьянство держало землю на условиях поголовной военной службы. В Хорватии и Славонии действовали представительное собрание (сабор) и, как и во всей Венгрии, избираемые органы областного (комитатского) самоуправления, которые до 1848 г. имели сословный дворянский характер. Их решения вступали в силу только с санкции императора (он же – венгеро-хорватский король). Исполнительную власть здесь возглавлял бан (наместник), назначаемый императором.

Формирование хорватского национального сознания осложнялось тем, что почти повсеместно на указанных территориях южнославянское

* Восточный край территории с хорватским большинством до войны 1991 г. находился на западе Срема, тогда как центр и восток Срема имели сербское большинство населения.

население принадлежало к разным религиям (католицизму, православию, а в Боснии и Герцеговине еще и к мусульманству). Это смешение произошло вследствие османского нашествия на Балканы. Среди православного населения сохранялись традиции былой сербской государственности, в XVIII–XIX вв. утвердилось сербское национальное самосознание. В хорватскую же нацию постепенно сплачивались католики. Процесс этот, однако, не был прямолинейным. Так, в католическом Дубровнике долгое время сохранялось сербское самосознание, в Хорватии же имелись православные, даже священники, считавшие себя хорватами. При этом термин “хорват” долгое время означал вообще жителя Хорватии – католика и православного, – т. е. имел территориальный (локальный) смысл.

В XVIII в. южные славяне-католики, в среде которых начался процесс формирования хорватской нации, не имели единого письменного и разговорного языка. Они пользовались тремя диалектами, наиболее распространенным и богатым из которых был “штокавский” → на нем говорили почти во всех хорватских землях, кроме центральной (“кайкавской”) хорватской области – собственно Хорватии, а также во всех сербских землях, в Черногории, Боснии и Герцеговине. Таким образом, именно население центральной хорватской области (несколько более полумиллиона человек) по своему языку отличалось от большинства формировавшейся нации. Чакавский диалект сохранился на небольшой приморской территории и на островах.

Наконец, католическая церковь, как организация международная, наднациональная долгое время не играла национально-консолидирующей роли у хорватов. Хорватская католическая церковь, находясь в католическом же австрийском государстве, не противостояла этому государству и не противопоставляла ему неполноправный хорватский народ. Имеется в виду церковь как организация, а не отдельные проповедители, представители духовенства.

Со второй половины XVIII в. в сфере культуры, языка, а затем и общественной жизни медленно нарастали изменения, свидетельствовавшие о консолидации хорватского этноса. В образованных кругах усиливается интерес к жизни народа, его культуре и прошлому. Уже в 1747 г. далматинец Ф. Грабовац (1697–1749) призывал к “единению хорватов” для борьбы за свободу, за что был брошен венецианскими властями в тюрьму¹. Предпринимались попытки обращения к широким слоям народа. Далматинский францисканец А. Качич-Миошич издал для народного чтения поэму “Приятный разговор славянского народа” (1756), в которой прославлял борьбу против османского нашествия (о значении этого произведения еще будет сказано). Славонец М.А. Релько-

вич, офицер, побывавший в прусском плену, в брошюре “Сатир” (1762) с просветительским пафосом писал об отсталости быта и нравов, равнодушии к родному языку в Славонии (которая лишь несколько десятилетий перед этим освободилась от османов). Он же издал “Славонскую грамматику” (1767)². Релькович еще был “славонцем” – до распространения в Славонии хорватского национального самосознания оставалось около столетия. Т. Брезовачкий (1757–1805) в своих драмах вывел на сцену представителей разных слоев тогдашнего общества (дворян, мещан, студентов, офицеров)³.

В кайкавскую Хорватию постепенно все более проникал штокавский диалект. В хорватских землях несколько раз выходили учебники родного языка – как кайкавские, так и штокавские (на латинском, немецком и родном языках). Переводились произведения иностранной литературы, делалось это, по словам одного автора, из любви к родине и ее славному языку.

Пропаганда хорватского языка оживилась в противовес прокламированной в 1790 г. в Венгрии программе мадьяризации управления, просвещения и всей общественной жизни Хорватии и Славонии. Уже в 1792 г. Т. Брезовачкий в латинских стихах призывал защищать “хорватское имя и хорватский народ”.

Со времени Иосифа II в Хорватии и Славонии возросло число начальных школ, в которых преподавание велось на родном языке. В латинских гимназиях и загребской высшей школе (академии) допускались факультативные занятия хорватским языком, и они охотно посещались. В пользу родного языка приводились различные аргументы. В 1796 г. житель г. Карловаца, крупного речного порта, Й. Шипуш обосновывал необходимость создания стандартного письменного языка интересами торговли зерном⁴. (Характерно, что название собственного народа ему еще не было ясно, он писал: “наш славный народ”)⁵.

Определенный толчок национальному чувству дали революция во Франции, затем наполеоновские войны, в частности оккупация французами Далмации, части Хорватии, Военной границы и словенских земель (1805–1813). Французские власти отменили сословные привилегии, издавали хорватскую газету. Но после восстановления австрийской власти в хорватских землях не было ни одной газеты или журнала, выходивших на родном языке, хотя попытки такого рода предпринимались.

В первой трети XIX в. продолжавшееся оскудение дворянства, рост торговли, первые зачатки мануфактур, недовольство крестьянства, бунты, которые временами приобретали угрожающий характер, наконец, политическая обстановка в Европе и, в частности, в Венгрии, и продолжавшиеся попытки венгерских властей навязать стране венгер-

ский язык в качестве официального – все это побуждало не только выходцев из разночинской среды, но и представителей господствующего класса задумываться о будущем.

В 1813 г. епископ Врховец просил местных священников записывать “народные слова”, полагая, что “источник силы языка” – в простом народе. В 1815 г. А. Миханович выступил с призывом “писать на родном языке”, доказывая, что только так можно овладеть высотами культуры и воспитать молодежь в патриотическом духе. При этом он ссылался на историю английского, французского и других языков⁶. В 1826 г. славонский священник А. Филипович в обращении к “настоящим славонцам” писал о необходимости “вспомнить о нашем славном языке, славной родине и древнем любимом народе” и учредить общество для издания “славонских книг”⁷. В 1830 г. сын аптекаря Л. Гай в своей кайкавской брошюре призвал южных славян, пишущих латиницей, покончить с разнобоем в правописании. Понимание необходимости унификации письменного языка все более проникало в среду учителей, духовенства, чиновников, студентов, наконец, дворянства.

В 1831 г. преподаватель академии М. Смодек приступил к чтению на латыни курса хорватского языка, что было радостно встречено студентами. В 1835 г. А. Мажуранич начал регулярное преподавание хорватского языка и литературы в загребской гимназии. В 1832 г. впервые один из депутатов выступил на хорватском языке в саборе.

Существенной чертой национально-интеграционной идеологии хорватов, в особенности на ранней стадии складывания нации, являлся югославизм – представление о национальном единстве южных славян, во всяком случае, пропаганда этой идеи. Развитие этой концепции стимулировалось рядом обстоятельств.

На большей части территории формирования хорватской нации, как отмечалось, проживало совместно или попеременно католическое и православное население, несмотря на наличие диалектов в целом близкое по языку (сербский и хорватский языки), к этой области с северо-запада примыкали словенские земли с населением, близким по языку кайкавским хорватам.

В эпоху позднего феодализма экономические, торговые связи соединяли обширные южнославянские территории – от южной Венгрии (Воеводина) через Славонию, Хорватию, Военную границу до побережья Адриатики и Словении (и далее шли пути в Австрию, Италию, Германию). К этому рынку (хлеб, скот и др.) примыкали также Сербия и Босния. Вплоть до проведения железных дорог важнейшей для южных славян торговой артерией был путь по рекам Дунаю, Саве, Купе, далее товары перевозились гужевым транспортом к портам Адриатики.

Географическая разбросанность хорватских земель (они представляли собой сравнительно узкую полосу от Срема до Дубровника) затрудняла их экономическое сплочение. Торговые связи, например, Хорватии с Крайной и другими словенскими территориями или хорватской Славонии с сербской Воеводиной были более интенсивными, чем между хорватскими землями – собственно Хорватией и Далмацией или Истрией. Медленно и с трудом складывавшиеся внутрихорватские экономические связи переплетались со связями южнославянскими, развивались в их рамках. Это не могло не сказаться на социальных интересах, а в определенной (впрочем, ограниченной) мере и на этнических представлениях некоторых кругов, прежде всего торговой буржуазии и связанных с ней образованных людей.

В 1832 г. граф Я. Драшкович опубликовал трактат “Диссертация”⁸. Он пояснял, что выступил с сочинением на родном языке, чтобы показать, “что у нас есть национальный язык”, на котором можно выразить любую сокровенную мысль – плоды “сердца и ума”. Автор избрал штокавский диалект, на котором говорила масса южных славян вне собственно Хорватии. Сочинение Драшковича содержало национальную – социальную и политическую – программу дворянства, склонного к ограниченным реформам. Драшкович уже начал отходить от строго сословных феодальных воззрений на народ, хотя и не выступал против феодального строя. Он призывал дворян отдавать силы просвещению народа, проявлять к крестьянам человеколюбие, взять на себя часть налогов, ослабить сословные перегородки, предоставлять доступ в дворянскую среду выдающимся представителям простонародья. Так он стремился смягчить общественные противоречия, не покушаясь на основы существующего порядка. Здесь же Драшкович, прямо указывая, что следует действовать “по примеру венгров”, выдвинул программу создания в рамках монархии Габсбургов и с центром в собственно Хорватии (Загребе) обширного государства, в состав которого вошли бы территории с населением, говорящим на “нашем языке” и близком ему (словенские земли). Он надеялся на включение Боснии и Герцеговины в состав этого государства, которое автор называл “Иллирийским королевством”.

Термин “иллирийский” для обозначения населения, говорившего на штокавском диалекте, и самого этого языка традиционно применялся в Австрии.

К середине 30-х годов в собственно Хорватии, наиболее развитой в социальном и политическом отношении хорватской области, созрели общественные и идейно-политические условия для организованного национального движения. Его социальной основой стала часть небогатого дворянства и торговых кругов, интересы которой выражала фор-

мировавшаяся национальная интеллигенция, светская и духовная. Эта интеллигенция по своему происхождению была преимущественно “мещанской”, городской, в меньшей мере дворянской и крестьянской. Характерно, в частности, изменение к этому времени социального состава учащихся Загребской академии, поскольку подлинным творцом “национальной идеологии” была интеллигенция, питомником которой и являлась академия. Среди ее студентов в 1791–1795 гг. дворяне составляли 31%, а в 1826–1830 гг. – только 6%, тогда как горожан в это время было 62% и значительно увеличилась доля выходцев из крестьян⁹. Число слушателей академии с 1785 по 1828 гг. возросло с 93 до 686¹⁰.

Хорватское национальное движение в 1835–1847 гг. по основной его идее этнического единства южных славян, которых деятели движения называли иллирами, получило наименование иллиризма. Иллиризм созрел в условиях острого кризиса феодализма в Австрийской империи, когда стала очевидной перспектива коренных общественнополитических перемен во всей Европе. Часть хорватского дворянства стала задумываться о неизбежности социально-экономических реформ во избежание худшего. Но непосредственно иллиризм зародился как протест против мадьяризаторской политики.

Как движение общественно-политическое и культурное, иллиризм знаменовал важный этап в складывании хорватской нации. Произошел всплеск всей общественной жизни, подготовленный предыдущим развитием. Возник целый ряд учреждений национальной культуры – печать на штокавском диалекте (газета “Новине” и литературное приложение к ней), общество для издания книг на хорватском языке – “Иллирская матица” (1842), появилась публицистика, быстро развивалось художественное творчество (поэзия, театр), началось издание произведений литературы Дубровника XV–XVII вв. – классического наследия южных славян, открывались “читальни” – клубы, ставшие очагами национальной жизни.

Крупнейшим событием в области языка был переход деятелей иллиризма на штокавский диалект^{*}. Усилиями филологов и писателей совершенствовался национальный литературный язык: пополнялась его лексика, в 1845 г. в академии была основана кафедра родного языка и литературы. Но свой призыв к хорватским “дочерям” пользоваться родным языком граф Драшкович еще был вынужден опубликовать по-немецки (1839). На вечерах и балах стало принято говорить не по-немецки, а по-хорватски, здесь исполнялись народные песни, приобрела

^{*} Хотя хорватский литературный и разговорный язык формировался в дальнейшем на основе штокавского диалекта, элементы кайкавского и чакавского диалектов сохранились.

популярность национальная одежда. Хорватские писатели и филологи являлись вместе с тем идеологами движения (Л. Гай, И. Кукулевич, Б. Шулек, Л. Вукотинович и др).

Хорватские патриоты, фамилии которых звучали не по-хорватски, стали переводить их на родной язык: так, крупный деятель иллиризма литератор Фаркаш (венг. “волк”) стал Вукотиновичем (от хорв. “вук” – “волк”). Ассимилировались и отдельные представители других национальностей, захваченные потоком хорватского общественного движения: талантливый музыкант Фукс, полунемец-полухорват по происхождению, стал Ватрославом Лисинским и написал первую хорватскую оперу.

В 40-х годах развернулась политическая борьба иллирской группировки против сторонников теснейшего сближения Хорватии с Венгрией, в основном – части дворянства. В 1845 г. хорватский сабор поддержал политическую программу иллиризма: воссоединение Далмации с Хорватией, независимое от Венгрии хорватское правительство, учреждение научного общества и др.

Национально-буржуазная тенденция иллиризма сказалась во взглядах формировавшегося в 30–40-х годах его либерального крыла. Л. Вукотинович провозглашал, что в общественной жизни место аристократии должно занять “среднее сословие” – носители “чистой национальной жизни”. Незадолго до революции 1848 г. группа И. Мажуранича и Д. Кушлана мечтала о “распространении принципов конституционной монархии... на все население”, нацию эти деятели уже представляли как бессловное общество. Хотя большинство дворян – деятелей иллиризма твердили о заслугах дворянства перед народом, уже невозможно было ограничивать “нацию” благородным сословием.

Вообще, с середины 40-х годов, по мере нарастания предреволюционного кризиса, либералы стали смелее говорить о ликвидации феодальной зависимости крестьян, о создании бессловного сабора. В 1848 г. наиболее радикальные группы говорили об “ужасном слове – аристократия”, о беспощадном вековом угнетении помещиками народа. Впрочем, за исключением отдельных лиц, деятели иллиризма в 1848 г. не шли дальше принципа выкупа крестьянами своих повинностей.

Иллиризм заложил основу хорватской национальной культуры нового времени, резко ускорил формирование и распространение национального самосознания. Однако до 1848 г. его влияние в основном ограничивалось пределами собственно Хорватии.

В период иллиризма сложились основы хорватской национальной идеологии. Хотя хорватскую нацию во все большей мере составляли католики (количество православных хорватов и католиков-сербов в

XIX в. уменьшалось”), ни в одном из аспектов национальной идеи акцент на католицизме не ставился (см. ниже о “великохорватской” идее). Но в процессе нарастающего противостояния великосербской идее (также см. ниже) мысль о том, что католик обязательно хорват, занимала все более заметное место.

У сербов, хотя в жизни масс представление о национальном было связано с принадлежностью к православию, в великосербской наступательно-интеграционной идее, исходившей из того, что все, говорящие на “сербском” языке, являются сербами, связь с православием, естественно, не подчеркивалась.

Итак, хотя практически “размежевание” между двумя народами происходило в зависимости от религиозной принадлежности, национальные идеологи долго не включали веру в число основных характеристик своей нации. Но среди католического и православного духовенства мысль о неразрывности понятий “католик” и “хорват”, а также “православный” и “серб” существовала.

Наличие сплошной обширной территории с населением, говорившим на близких диалектах, уже в позднее средневековье стимулировало появление взгляда на южных славян как на единый народ (М. Орбини, П. Риттер, Ю. Крижанич). Особенно сильными югославистские представления были у литераторов – славян Далмации и Дубровника. Узкая прибрежная полоса, населенная славянами, тяготела к своему континентальному тылу (Боснии и другим землям), населенному “тем же народом”.

Чувства южнославянской общности поддерживались представлением о единстве судьбы южных славян, в прошлом обладавших собственными сильными государствами, а в XVI–XVIII вв. раздробленных и подвергавшихся политическому, социальному и культурному угнетению.

В эпоху складывания наций в хорватских землях в массе населения господствовало локальное сознание и существовали областные этнонимы (хорват, славонец, далматинец и пр.).

В XVIII – первой половине XIX в. население называло себя хорватами в основном в собственно Хорватии; и в части Далмации народ называл свой язык “хорватским” (“рвацки”), хотя здесь преобладало локальное самосознание, так как в позднее средневековье в условиях иноземного господства традиции хорватской этнической общности едва теплились. Между группами населения, принадлежавшими к разным ветвям христианства, антагонизма не было, но не было и чувства полного этнического единства. В этой обстановке идеологи хорватско-

* Исключение представлял Дубровник, где группировка сербов-католиков сохранялась во второй половине XIX в. (см. подробнее во второй части книги).

го национального движения с целью этнического сплочения всего населения Хорватии, Славонии и Далмации (“Триединого королевства”) предложили нейтральный этноним “иллиры”, нередко же называли южных славян просто “нашим народом”, а их язык – “нашим”, “народным”. Однако с самого начала идеологам иллиризма во главе с Л. Гаєм было ясно, что в среде южных славян кристаллизуются отличные от локальных национальные (“генетические”) общности и что этот процесс получает отражение в этнонимах “хорват”, “серб”, “словенец” (краинец), “болгарин”, жизнность которых уже было невозможно поставить под сомнение. Гай и другие деятели иллиризма лишь доказывали, что традиции и интересы южнославянских “племен” не противоречат друг другу и задача “племен”, по отдельности слабых, но вместе составляющих “тысячелетнюю народность”, состоит в том, чтобы сплотиться в политическом и культурном отношениях и, в конечном счете, создать единый народ.

В идейных построениях иллиризма не было четкости, но не следовало бы смешивать их (“ориентацию”, по словам хорватского историка¹¹) с национальным сознанием вообще, т. е. эти построения не могут служить доказательством того, что деятели иллиризма определенно считали этнической общностью основного уровня (т. е. нацией) южных славян в целом. Многое говорит в пользу иного вывода.

Прежде всего надо принять во внимание политическую (государственно-правовую) традицию хорватов. Как и в Венгрии, национально-консолидирующая идеология хорватов, т. е. прежде всего идеология дворянства и буржуазии, сложилась в процессе трансформации средневекового понятия “политической нации”, означавшей дворянский феодальный класс, господствовавший в Хорватии (*Natio Croatiae*). Но вместе с тем и этнокультурная традиция хорватов не прерывалась никогда, хотя и ослабела в период австрийского абсолютизма XVII–XVIII вв. Когда хорватское феодальное дворянство в 90-х годах XVIII в. оказалось перед угрозой ликвидации вековой автономии Хорватии (“муниципальных прав”) – эта угроза исходила от венгерской власти, – в системе аргументов хорватского дворянства имелись не только ссылки на историческое государственное право Хорватии, но и указание на то, что хорваты имеют свой (“хорватский”, “хорвато-славонский” или “хорвато-славонско-иллирийский”) язык, принадлежащий к семье славянских “наречий”, и что хорваты являются славянским “племенем”.

В новое время Хорватия все более рассматривалась даже феодальным дворянством не просто как наследница раннесредневекового королевства (центр которого находился в Далмации), но и как страна хорватского народа. В частности, тот факт, что кое-где в западных райо-

нах сохранялось католическое богослужение на старославянском языке, имелись старинные, напечатанные глаголицей церковные книги, свидетельствовал о самобытной национальной традиции. Еще в XVII в. хорватский язык использовался в документах и т. д.

Государственно-политическую традицию (“право”) хорватов дворянско-буржуазные деятели XIX в. восприняли от идеологии феодалов и переработали в своих целях. Конкретная государственно-политическая программа разных слоев и политических группировок была различной. Иллиры добивались прежде всего укрепления автономии Хорватии и Славонии, восстановления “Триединого королевства” – воссоединения Далмации с Хорватией. Но, как мы видели, Драшкович в своей программе (1832) шел значительно дальше. В своих мечтах от него не отставали Л. Гай и другие иллиры. Речь шла о программе укрепления и расширения хорватского государства либо под хорватским, либо под иллирским флагом, под тем же флагом в 1835–1847 гг. предпринимались усилия по развитию хорватской культуры и всей общественной жизни.

В интересах сплочения южных славян деятели иллиризма после 1835 г. стремились устранить из своих публичных выступлений все, что могло этому мешать: не только субэтнические наименования, но и подчеркивание религиозных различий, а подчас и идеи создания обширного хорватского государства. Но тенденции, противоречившие этой идеологической установке, не исчезли, они лишь временно были оттеснены на задний план.

Принадлежность к различным церквям – католической и православной – в тогдашних условиях освящала разные культурные и политические традиции и связи. Православная церковь держалась за традиции средневековой сербской государственности, отождествляла православие с принадлежностью к сербскому народу. В противовес этому, в условиях общности (или близости) языка с православными, католическое духовенство видело для себя опору в хорватском этносе, в пропаганде хорватского национального сознания. С другой стороны, в сознании крестьянства и мещанства собственно Хорватии и Далмации принадлежность к католицизму воспринималась как качество “своего” народа¹². Среди католиков всех хорватских земель постепенно распространялось хорватское национальное самосознание. Со временем, в XIX в., все больше обнаруживалось, что речь идет также о политической ориентации: приверженцы православия ориентировались на сербское государство, на Сербию с центром в Белграде, католики – на хорватское государство с центром в Загребе, которое до середины XIX в. почти никем еще не мыслилось вне монархии Габсбургов.

В этих условиях учение о том, что абсолютным, решающим фактором сплочения наций является общность языка, оказалось несостоя-

тельным – влияние идеи южнославянского национального единства не выходило за пределы части либеральных кругов и связанной с ними немногочисленной интеллигенции.

Религиозная принадлежность являлась наиболее четким разграничителем двух формировавшихся наций, в какой-то мере внешним, но в сущности отражавшим глубокие различия в истории народов, в их политических, идеологических и культурных ориентациях, определивших в конечном счете национальное самосознание. Вместе с тем периодически обострявшиеся межцерковные трения приобретали самостоятельное значение – усугубляли отчуждение между народами. Сторонники идеи единого южнославянского народа стремились противостоять представлению, что вера разделяет народы. Но проповедники словинства*, например, в Дубровнике, которые, казалось, были живым опровержением этого представления, считали себя католиками-сербам и свои взгляды распространить не могли. Не выдержали испытание временем и словинцы-католики, ставшие хорватами, наконец, словинцы-православные, никогда не отказывавшиеся от своего сербизма.

Югославицам долго были присущи представления, что только религиозные различия – результат греко-латинского раскола, за который славяне не могли нести ответственности – мешают их единению, что это препятствие внешнее, несущественное. Отсюда столь большое внимание проблеме сближения и единения церквей в 60-х годах. Когда усилия в этом направлении потерпели неудачу, по мере формирования хорватской и сербской наций главные идеологи югославизма, прежде всего Ф. Рачкий, осознавали, сколь многое разделяет оба народа – история, политика, культура... Понимание этого утвердилось лишь в 70–80-х годах.

Но представление о хорвато-сербской общности сохранилось – оно питалось родством или крайней близостью языка, мыслью об общности происхождения и наличии территорий со смешанным населением. Многие факторы побуждали выдвигать идею если не единства, то федерации югославян.

Возвращаясь к церковной проблеме, отметим, что пропаганда слияния церквей (и народов) в сущности являлась одной из форм хорватской национально-интеграционной идеологии. Подъем сербского югославизма, особо заметный в начале XX в., прежде всего служил сербским политическим целям. Деятельность югославистов не могла систематически осуществляться в югославянских национальных интересах. Таковых постоянных интересов не было. Имелись временные и

* “Словинство” на местном далматинском говоре означало “славянство”, но фактически имелось в виду южное славянство.

по содержанию ограниченные близкие интересы разных югославянских наций, и их удовлетворению служил югославизм. В этом причина как его живучести, так и ограниченности.

В конечном счете, в поляризации по конфессиям и упрочении этнических связей в рамках отдельных конфессий сказывались социально-политические интересы ведущих сил хорватского и сербского общества (у хорватов – дворянства и растущей буржуазии).

В рамках Австрийской империи наиболее рано и интенсивно внутринациональные связи – хорватские и сербские – развивались соответственно в собственно Хорватии с центром в Загребе и в южных районах Венгерского королевства – Воеводине (с центром в г. Нови Сад).

Пропаганда иллирийского национального единства не была принята ни сербами, ни словенцами, хотя определенное распространение в их среде эти идеи получили. Однако иллиризм способствовал ослаблению, размыванию локального сознания у католических южных славян, говоривших на разных диалектах хорватского языка, и подготовил торжество в их среде хорватского национального самосознания, которое упрочилось в 50–70-х годах XIX в. среди католиков Военной границы, Далмации, Славонии, с некоторым замедлением – в Истрии¹³. Вместе с этим распространился этноним “хорват”¹⁴. Местные наименования не исчезли, но их постепенно перестали противопоставлять этнониму “хорват”, который выдвигался в качестве основного. Локальные наименования, применявшиеся как этнические, уступали позиции не без борьбы, в 50–60-х годах еще выступали сторонники теорий “далматинского” и “славонского” народов.

Национальное самосознание утвердилось вместе с ростом политической активности населения (хотя отождествлять эти процессы нельзя). Так, политическая борьба в 60-е годы в связи с проблемой статуса Хорватии и хорватских земель в составе монархии Габсбургов (находившейся в процессе преобразования на основе австро-венгерского дуализма) дала значительный импульс развитию национального самосознания в среде городского населения¹⁵, тогда как крестьянство и, наконец, рабочие стали проявлять национально-политическую активность позднее.

Требование воссоединения хорватских земель, прежде всего присоединения Хорватско-славонской военной границы и Далмации, в 60-х годах стало постоянным не только в Хорватии, но и на Границе и в

* В 60-х годах галереи сабора, обсуждавшего политическое положение Хорватии, были полны публики. В 1867 г. в связи с введением дуализма и предстоящим восстановлением венгерской власти в Хорватии царил возмущение: “на улицах и площадях слышится единственный вопрос: что нового, что теперь будет?”¹⁵.

Далмации. Военная граница, как отмечалось, была демилитаризована в 1871 г. и присоединена к Хорватии и Славонии спустя десять лет. При этом население страны возросло с 1,1 до 1,8 млн человек. Воссоединение же Далмации в условиях австро-венгерского дуализма оказалось невозможным.

Кратковременный период революции 1848–1849 гг. явился историческим этапом в развитии нации и национального самосознания. Во всех органах местной власти в Хорватии и Славонии применялся родной язык, на нем выходили либеральные газеты, в которых относительно свободно обсуждались национальные, культурные и политические проблемы. Были выдвинуты программы национального суверенитета в рамках конституционного Австрийского государства, объединения южнославянских земель империи и федерализации монархии Габсбургов на базе этнического принципа¹⁶. Получали распространение и мысли о создании независимого южнославянского государства.

Ликвидация феодального строя стимулировала дальнейшее складывание нации, затянувшееся, однако, еще на много десятилетий ввиду трудностей, с которыми встретился процесс формирования буржуазного общества в хорватских землях.

После революции 1848–1849 гг. заметные сдвиги произошли в сфере культуры. И. Кукулевич, зачинатель хорватской исторической науки нового времени, основал “Общество югославянской истории” и начал издавать исторический “Архив” (1851), а позднее вместе с Ф. Рачким журнал “Книжевник” (1864). Он стремился наиболее “простым путем распространить знание отечественной истории в нашем народе”¹⁷, имея в виду южных славян в целом. Появились исследования по средневековой истории И. Кукулевича, Ф. Рачкого и др., в которых особое внимание уделялось борьбе хорватов за сохранение своей государственности, издавались сборники документов. С 60-х годов хорватский язык вновь (после 1848–1849 гг.) – сначала явочным порядком – стал официальным языком Хорватии и Славонии. Это было закреплено венгеро-хорватским соглашением 1868 г.

Постепенно, с 1870-х годов народный язык теснил итальянский в органах управления, судах и школах Далмации; в Истрии, однако, сильная итальянская буржуазия препятствовала этому.

Большие изменения произошли в организации науки и подготовке интеллигенции. В 1867 г. в Загребе была учреждена Югославянская академия наук и искусств с отделениями философии и права, историко-филологическим и естественно-математическим. Она приступила к изданию своих “Трудов” (Rad), в которых особенно большое место заняли исследования в области истории и языков южных славян. Это была первая за пределами России академия наук в славянских странах.

Академия установила научные связи с рядом зарубежных научных центров, прежде всего с Академией наук России. Крупнейшие русские ученые, в том числе Д. И. Менделеев, были избраны иностранными членами Югославянской академии.

В 1874 г. на базе старинной академии (высшей школы) в Загребе был открыт университет – первое учебное заведение такого ранга в югославянских странах. Были созданы также Общество испытателей природы и Археологическое общество, выпускавшие свои журналы.

В 60-х годах понятие “южнославянский народ” все более определенно приобретало наднациональное содержание (как совокупность родственных наций), хотя само использование этого термина свидетельствует о нечеткости этнической терминологии и некоторой нечеткости сознания. Все же утверждалось понимание того, что южное славянство состоит из самобытных родственных народов, имеющих круг общих или сходных интересов, существенных для совместной борьбы за освобождение и общее государство (югославизм). При этом либеральные идеологи югославизма, унаследовавшие некоторые взгляды периода иллиризма, продолжали пропагандировать не только политическое, но и культурное сближение, и даже идею слияния этих народов в отдаленном будущем. В политическом плане конечной целью сторонников югославизма (президент Югославянской академии историк Ф. Рачкий, епископ Й. Ю. Штросмайер) была южнославянская федерация, Югославское государство, хотя в практической политике либералов преобладала программа федерализации монархии Габсбургов (австро-славизм) и борьба за объединение хорватских земель и политическое равноправие Триединого королевства с Венгрией в рамках монархии.

Югославистская идеология у хорватов в сущности исходила из того, что южные славяне могут наилучшим образом отстаивать свои интересы, лишь тесно сотрудничая друг с другом. Уже в 1839 г. Л. Гай писал, что “сербское царство пало на Косове (битва с османами в 1389 г. – В. Ф.), а иллирское бы не пало”¹⁸.

В 1871 г. хорватская либеральная газета “Браник” так видела будущее хорватов: “Наши противники имеют достаточно забот с одним хорватским народом, что же будет, когда они встретятся со всем объединившимся южным славянством? Триединое королевство, самостоятельное и независимое, в единении и содружестве всего южного славянства – вот стержень политики Национальной партии”¹⁹. В единении (в 60–80-х годах XIX в. более четко – в союзе) с остальными южными славянами и в сотрудничестве всех славянских народов хорватские югослависты видели гарантию хорватских национальных интересов, развития своей нации.

Югославистская идея хорватов включала в себя принцип веротерпимости по отношению к православию. По свидетельству русского консула в Риеке (Фиуме), часть католического духовенства, особенно молодежь, в 1860-х годах, стремясь сгладить трения между католиками и православными, проповедовала “религиозный индифферентизм в национальном деле”²⁰. В 60–80-х годах Штросмайер добивался от Рима узаконения и расширения католического богослужения на старославянском языке, кое-где в Хорватии сохранявшегося со средних веков, переиздания старинных славянских глаголических церковных книг. Среди учащихся теологов было популярным требование отмены безбрачия. Все это, по мнению Штросмайера, Рачкого и их единомышленников, могло стать этапом к радикальному сближению католической и православной церкви и созданию единой автономной южнославянской церкви. Это рассматривалось хорватскими югославистами как средство культурной консолидации южных славян (“чтобы югославянский народ объединить в отношении веры”). Кроме того, сближение церквей в глобальном масштабе, казалось им, создало бы возможность для сотрудничества Ватикана с Россией в борьбе против османского владычества на Балканах²¹. Но, разочарованный позицией римской курии, Штросмайер пришел к мысли о необходимости “действенной автономии” хорватской церкви “от романизма”, способного “навсегда отколоть” хорватов от “наших братьев”²².

Наряду с югославизмом, который хотя и не был вполне свободен от умеренной великохорватской тенденции, но все же в разное время и с разной степенью последовательности пытался построить отношения между хорватами и сербами на основе компромисса, условия формирования хорватской нации вызвали к жизни так называемую великохорватскую идеологию (являвшуюся хорватским противовесом аналогичной великосербской идеологии).

Хотя католицизм объективно стал одной из существенных черт культуры и самосознания формирующейся нации (клерикальные деятели особенно это подчеркивали), часть национальных идеологов, опираясь на “историческое право”, считали хорватским по меньшей мере все южнославянское население Триединого королевства (католическое и православное) и, кроме того, в число хорватских земель по “историческому праву” и “естественному праву” (общий язык) включали Боснию с Герцеговиной. Идеологи “великохорватства” утверждали,

что хорватский народ состоит из “приверженцев трех вер” – католиков, православных и мусульман*.

“Великие идеи”, аналогичные этой, развивались идеологами сербского, греческого, болгарского и румынского национальных движений. К этому мы еще вернемся.

Таким образом, не только в XIX в., но и в начале XX в. национальные идеологи по-разному определяли состав хорватского народа: одни подчеркивали его связь с католичеством, другие – с территорией хорватского государства, третьи соединяли эти, казалось бы несоединимые, принципы*. Здесь же отметим, что религия не могла быть решающим постоянным фактором принадлежности к хорватскому народу – об этом свидетельствует распространение, особенно в новейшее время, атеистического мировоззрения, что вовсе не устраняло и не ослабляло национального самосознания.

Социальная среда, служившая опорой для идеологических систем югославизма и великохорватства в XIX – начале XX в., изменялась, и это приводило к изменению конкретной политической ориентации югославистских и великохорватских группировок. Таким образом, ввиду того, что на обширной территории с близкородственным населением формировались две нации – хорватская и сербская, проблема взаимоотношений между ними всегда была актуальной, имела важнейшее значение для судеб их освободительного движения, для их существования. В Боснии и Герцеговине к этому добавлялись отношения хорватов и сербов с мусульманами как особым южнославянским народом.

С 90-х годов XIX в. и особенно в начале XX в. в социальной структуре хорватского народа, прежде всего в Хорватии и Славонии, а также в процессе упрочения его национального самосознания определился новый этап. Решающие сдвиги происходили в капиталистическом развитии деревни. Сельское хозяйство уже находилось в тесной связи с европейским рынком, крестьянин одевался в покупное, а свой урожай отдавал скупщику. В последние десятилетия XIX в. в основном распались большие семьи (задруги). Быстро формировалась аграрная землевладельческая буржуазия, в состав которой входили богатые крестьяне, представители чиновничества, духовенства, городские торговцы, обур-

* А. Радич, один из основателей Хорватской крестьянской партии, утверждал в 1902 г.: “К хорватскому народу принадлежит всякий человек хорватского или югославянского племени, который стремится как можно больше представителей нашего племени объединить в пределах единой свободной родины и хорватского государства, сердце которого было бы в Загребе”²³.

* В этом отношении представляют интерес взгляды далматинца М. Павлиновича в конце 60х–70х годах XIX в.²⁴.

жуазившиеся помещики. Дворяне втянулись в банковские и торговые операции, и часть их экономически и политически сближалась, даже сливалась с национальной буржуазией. Так, богатый граф М. Кульмер возглавлял Первую хорватскую сберегательную кассу. Но большинство титулованного магнатства было чуждо национальным интересам, составляя часть австро-венгерского господствующего класса. С другой стороны, масса крестьян – владельцев мелких участков, быстро разоряясь, оказывалась на положении рабочих с наделом.

В 1895 г. в Хорватии и Славонии хозяйства до 3 га составляли 44% (в том числе 13% – до 0,6 га). Тогда же 209 крупных помещиков сохраняли 22,5% земли²⁵. В деревне сохранялись значительные пережитки феодальной эпохи (отработка, кабальная аренда и пр.). Но при этом усилилась социальная и территориальная мобильность сельского населения. С 80-х годов XIX в. отмечается безработица среди сельской бедноты, что вызвало некоторый отток населения в города (население Загреба, которое в середине XIX в. составляло 20 тыс. человек, в 1910 г. достигло 79 тыс., другие города росли много медленнее, так как страна оставалась аграрной).

Хотя после 1848 г. либеральные круги всегда заявляли о том, что крестьянство – “основа нации”, что здоровое национальное развитие возможно только в условиях просвещения и процветания деревни, умеренно либеральная буржуазия стремилась обеспечить свою опеку над деревней. Только интенсивное формирование слоя зажиточного крестьянства* и полупролетарской массы села в конце 90-х годов XIX в. и в 1900-х годах вызвало политическую активизацию крестьянства**. Свидетельством этого стало, с одной стороны, возникновение во второй половине 90-х годов сельских организаций социал-демократической партии – особенно в Среме (наиболее развитом в социальном отношении районе на востоке Славонии), а с другой – создание Хорватской крестьянской партии братьев А. и С. Радичей в 1904–1905 гг. (идейная подготовка ее началась с 1900 г.), в которой богатое крестьянство заняло ведущее место. Идеология ХКП – подчеркивание права крестьянства на решающую роль в государстве и национальной жизни – возникла в условиях относительной слабости городской буржуазии. Но в 1900-е

* “Хорватский крестьянин, – утверждал С. Радич в 1906 г. – за последние 2–3 года догнал и превзошел (по уровню хозяйства. – В. Ф.) немецких и венгерских переселенцев”²⁶. Зажиточное крестьянство скупало землю помещиков и бедноты.

** С. Радич отмечал в 1904 г., что среди крестьян национальное сознание распространилось за последние десять лет²⁷. По-видимому, имелась в виду национально-политическая активность крестьянства.

годы разные группировки буржуазии стали ожесточенно бороться за влияние на деревню.

Большинство работавших по найму были заняты в сельском хозяйстве – это пролетариат и рабочие с наделом. В целом в Хорватии и Славонии рабочее население (рабочие с семьями) к 1890 г. насчитывало 270 тыс. человек (12%), в 1900 – 428 тыс. человек (18%)²⁸. С 1890 по 1910 г. доля промышленного населения возросла с 7,4 до 9,6%. Численность рабочих в промышленности (включая ремесленников) в 1890 г. составила 30,6 тыс. человек, в 1910 – 55 тыс. (в том числе на предприятиях с числом рабочих более двадцати работали 23 тыс. человек)²⁹. Промышленный рабочий класс был невелик и в массе занят на мелких предприятиях и в мастерских ремесленного типа, хотя имелось несколько крупных предприятий с сотнями рабочих. Кроме того, множество людей в городах и селах были заняты надомной работой на скупщика (в швейной и других отраслях), а в сельском хозяйстве работали на разного рода кабальных условиях (отработки, аренда). Эти категории лиц, находившихся в сфере полукапиталистической-полуфеодальной экономики, не получили отражения в статистике. Таким образом, можно считать, что в целом масса народа так или иначе была втянута в капиталистические или полукапиталистические связи – либо посредством отношений производственных, либо посредством рынка.

Хорватская буржуазия была занята по преимуществу в торгово-кредитной сфере. Хотя ей принадлежало более половины промышленных предприятий (1900 г.), большинство крупных фабрик и мануфактур было собственностью инонациональных владельцев, в структуру формировавшейся нации не входивших. Кредитное дело с середины 90-х годов переживало крутой подъем (хотя и здесь лишь примерно половина заведений на территории Хорватии и Славонии принадлежала хорватам)³⁰.

В 1847–1865 гг. имелись две кредитно-сберегательные кассы, в 1880 г. – 56, в 1900 г. – 242, в 1913 г. – 1039. Капитал и вклады в кредитные заведения составили в 1890 г. – 66 млн, в 1910 г. – 312 млн крон³¹. В начале 1900-х годов А. Радич отмечал, что в “Хорватии наибольшие господа – владельцы денег”³².

Другим влиятельным слоем буржуазного класса стала аграрная буржуазия, особенно значительные успехи сделавшая в области животноводства. Оживление наблюдалось и в промышленности, перерабатывающей продукты сельского хозяйства (мельницы и др.). Буржуазия и крестьянство специализировались на экспорте скота (особенно в Австрию и Германию), который с 1896 по 1905 г. вырос со 160 до 442 тыс. голов в год³³, а перед войной 1914 г. превысил полмиллиона голов.

По подсчетам хорватского исследователя, в начале XX в. примерно 2/3 буржуазии Хорватии и Славонии были связаны со страной “не только интересами, но и народностью”; более того, он же делает вывод, что “отечественный капитал достаточно энергично вытесняет инонациональные элементы в сферах ремесла, промышленности, торговли и кредита”³⁴.

В начале XX в. можно говорить о немногочисленных классах хорватской (финансовой, торгово-промышленной и аграрной) буржуазии и пролетариата. Все же, несмотря на более интенсивное социальное развитие, общество Хорватии и Славонии, а тем более других хорватских земель, сохраняло преимущественно мелкобуржуазный характер³⁵.

Социальные сдвиги, происходившие в трудных условиях, наряду с возросшей передвижкой населения в рамках хорватских земель (здесь надо указать на отходничество и сезонные сельскохозяйственные работы, на которые собирались поденщики из разных районов), вызвали значительную эмиграцию. Так, в 1880–1900 гг. Хорватию и Славонию покинули до 100 тыс. человек³⁶, преимущественно мужчины. В связи с этим прирост населения в 90-х годах был значительно ниже, чем в 80-х годах³⁷. Опустевшие земли, в особенности в Славонии, а также территории, подвергшиеся мелиорации, заселяли колонисты: за два последних десятилетия XIX в. сюда переселились до 80 тыс. человек. В частности в связи с этим, численность немецкого населения в Хорватии и Славонии в 1840–1900 гг. возросла с 13 тыс. до 134 тыс. человек, венгерского – с 5 тыс. до 90,7 тыс. человек³⁸.

К началу XX в. произошли существенные изменения в культурном уровне населения Хорватии и Славонии. После 1848 г. росло число начальных школ, хотя бедность страны и ее зависимое положение обусловили скромный темп развития просвещения. Все же, если в 1837 г. насчитывалась всего сотня школ, то в 1851 г. – 391, в 1871 г. – 595 (здесь учились 55% детей). На Военной границе до ее демилитаризации в 1871 г. обучение велось на немецком языке. Грамотность среди мужчин в Хорватии и Славонии в 1869 г. составляла 23%, среди женщин – 11%, в 1900 г. соответственно 50 и 35%, а в городах уже 81 и 74%. В 1913 г. имелось 1516 начальных школ с хорватским или сербским языком обучения, тогда же школу посещали более 70% детей.

В 1850 г. преподавание в гимназиях Хорватии и Славонии было переведено с латыни на родной язык; после кратковременного периода германизации гимназий (1854–1859 гг.) здесь вновь, на этот раз окончательно, стал утверждаться родной язык. В 1851 г. в гимназиях насчитывалось 973 учащихся, в 1900 – 3,4 тысячи. В 1910 г. в Хорватии и Славонии имелось 22 гимназии и реальных училища, несколько специальных (профессиональных) школ. Число студентов университета пре-

вышло тысячу. Все это составляло основу подготовки национальной интеллигенции. Существенно, что в Загребском университете учились выходцы из разных земель, населенных хорватами.

В 1912 г. открылся Народный университет, в стенах которого читались лекции для всех желающих. В 1906 г. в маленькой стране выходило 136 журналов и газет всех видов, в том числе 33 – политического характера³⁹. При всем том, до широких слоев населения политические новости доходили в значительной мере при посредстве учителей и священников.

В хорватских землях имелись развитые в капиталистическом отношении территориально небольшие промышленные очаги, в которых, однако, господствующее положение занимала инациональная буржуазия – город Риека, являвшийся основным портом венгерской части габсбургской монархии и управлявшийся с 1868 г. венгерским губернатором (здесь обосновался итальянский, венгерский и иностранный капитал), и город Пула на юге Истрии – военный порт Австро-Венгрии (итальянский и австро-немецкий капитал). С точки зрения формирования социальной структуры хорватского народа районы Риеки и Пулы имели значение прежде всего как крупнейшие в хорватских землях (наряду с Загребом) центры сосредоточения рабочих, а частично и национальной торгово-финансовой буржуазии. Риека постепенно стала одним из центров хорватского национального движения, здесь выходили хорватские газеты, в 900-х годах, в частности, “Нови лист”, редактировавшийся одним из крупнейших национально-политических деятелей Ф. Супило.

В конце XIX – начале XX в. хорватское национальное самосознание утверждается среди южных славян – католиков Боснии и Герцеговины, составлявших несколько менее 1/5 населения этих земель. Запаздывание этого процесса в сравнении с Хорватией, Славонией, Далмацией и Истрией объясняется почти сплошь крестьянским составом католического населения. Возникли политические группировки, отстаивавшие объединение Боснии и Герцеговины с Хорватией. Эта деятельность резко активизировалась после аннексии Боснии и Герцеговины Габсбургами⁴⁰. Большую роль в хорватских организациях играло духовенство – приходские священники, а также монахи-францисканцы (“фратры”), еще во времена османской власти (т. е. до 1878 г.) активно действовавшие среди населения (тогда они являлись основателями ряда начальных школ).

Наконец, хорватское национальное самосознание распространялось и в среде групп южных славян – католиков южных районов Венгерского королевства, преимущественно Бараньи (буневцы, шокцы), где

пропаганда национальных идей началась с 70-х годов XIX в. первоначально, как и в других хорватских областях, в форме югославизма.

В целом, в 1900 г. в Австро-Венгрии, включая Боснию и Герцеговину, насчитывалось 2,65 млн хорватов, из которых 56% проживали в Хорватии и Славонии⁴¹.

В 900-х годах требование политического сплочения основных хорватских территорий – Хорватии, Славонии и Далмации – получило некоторую, впрочем, еще весьма зыбкую, основу в развитии национального капитала: устанавливается связь банковско-кредитных учреждений Далмации и Хорватии⁴². Хорватская буржуазия Боснии также поддерживала связь с Загребом. Но в целом общенациональный рынок оставался незначительным. Не последнюю роль здесь сыграла политика австро-венгерских связей, которые препятствовали развитию экономических связей между собственно Хорватией и Далмацией. Крупные центры промышленности Риека и Пула экономически не были связаны с основными хорватскими землями. Экономическая база нации отставала от прогресса национального самосознания. Отчасти поэтому в идеологии и программах национального движения задачи политического сплочения хорватских земель, кардинального укрепления национальных прав Хорватии с тем, чтобы хорватская буржуазия сама была в состоянии решать проблемы экономического развития страны, занимали центральное место.

Определенное упрочение позиций национальной буржуазии в Хорватии, Славонии и Далмации в начале XX в., с одной стороны, разорение крестьян и ремесленников, с другой, вместе с рядом внешних условий вызывали оживление национального движения. В 1903 г. по Хорватии прокатилась волна народных выступлений против режима, в которых наряду с горожанами участвовала масса крестьянства со своими социальными требованиями. В 1905 г. в обстановке общественно-политического оживления, связанного с буржуазно-демократической революцией в России, возникла либеральная Хорватско-сербская коалиция, провозгласившая своей целью защиту равноправия хорватов и сербов и борьбу против германо-австрийской политики “Дранг нах остен”. Новый подъем югославистских настроений произошел во время Балканских войн 1912–1913 гг. В предвоенные годы возникли национально-революционные молодежные организации. С другой стороны, происходила консолидация великохорватских и клерикальных буржуазных и мелкобуржуазных группировок, ориентировавшихся на Габсбургов.

В начале XX в. заметной социально-политической силой хорватского общества стало движение городского и сельского пролетариата и полупролетариата. Первые рабочие общества взаимопомощи, которые

вскоре стали очагами социалистической пропаганды, стали возникать с 1867 г. Вскоре произошли и первые стачки. Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии (1894 г.) выступила против разжигания националистических конфликтов между хорватами и сербами, но оказалась не в состоянии отрешиться от идеи их национального единства и культурного слияния⁴³. Хотя этот взгляд не отражал реального положения, в тогдашней обстановке тактика социал-демократов имела положительное значение.

Полвека ранее, в 60-х годах XIX в., орган хорватского национального движения с печалью констатировал: “Главные сословия нашего народа – высокое дворянство, буржуазия и крестьянство... или ничего не знают, или слабо заботятся” о национальных делах, активны лишь “духовенство, ученые люди, учащаяся молодежь и вообще люди, живущие духовной жизнью... Что касается буржуазии, то уже состояние нашей промышленности и торговли, зависящих от иноземцев, свидетельствует, что она не может быть таким фактором нашей национальной жизни, каким она является у других народов...”⁴⁴.

Дворянство же после 1848 г. и особенно после введения австро-венгерского дуализма в 1867 г. считало выгодным для себя утверждение власти мощного венгерского дворянства над Хорватией и Славонией и не питало национальных оппозиционных чувств. Крестьянство, в огромном большинстве неграмотное, во времена иллиризма было отделено социальной пропастью от “национальных” дворян, а позднее, вплоть до 80-х годов, ввиду преобладания натуральной экономики и узких местных рынков почти не подвергалось воздействию буржуазно-национальных идей.

До конца XIX в. продолжалась “неустойчивая и фрагментарная модернизация” хорватского общества⁴⁵. К началу XX в. она все же принесла существенные результаты. Социально-политическая обстановка изменилась. Буржуазия, вместе со слившейся с ней частью дворянства, ориентированного на национальную экономику, активно участвовала в национальном движении. При этом с последних двух десятилетий XIX в. и особенно в начале XX в. в идейно-политической жизни обнаружилось явления, которые раньше, хотя и не отсутствовали, не имели столь решающего значения: имущие классы, выдвигая национальные требования, пропагандируя национальные идеи, не только защищали общенациональные интересы, но использовали национализм в демагогических целях для обеспечения своего влияния на массы народа. В на-

* По-видимому, здесь имеется в виду не столько национальное самосознание, сколько способность буржуазии играть самостоятельную общественно-политическую роль.

циональное движение втянулось крестьянство. Рабочий класс боролся за демократизацию политического строя, всеобщее избирательное право, расширение автономии Хорватии, национальные права, неоднократно выходя со своими требованиями на улицы городов.

Полагаем, что есть основания считать начало XX в. временем завершения процесса формирования хорватской нации в основных чертах в Хорватии и Славонии. Но только в Югославии, после 1918 г., несмотря на острые национально-политические противоречия в этом государстве, все же создались более благоприятные условия для упрочения социально-политических связей в рамках хорватской нации и развития ее этносоциальной структуры.

Длительный, изобиловавший конфликтами, процесс национально-политического развития привел к созданию независимой Республики Хорватии (1991 г.).

3.

Сербы в пределах монархии Габсбургов

Процесс формирования сербской нации происходил в двух многонациональных государствах – австрийском и турецком, в пределах которых сербский народ входил в состав ряда административных единиц, а также в условиях национальной государственности. Эта раздробленность была наибольшей в сравнении со всеми другими народами региона*. Мы рассматриваем национальное развитие сербов только в основной области их расселения в Австрийской монархии (Воеводине)** с учетом того, что оно влияло на другие районы и, в свою очередь, на него оказывал воздействие аналогичный процесс в этих районах, прежде всего в Сербии.

Становление сербской нации в Австрийской и Османской империях происходило разными путями. Не только буржуазному развитию, но

* В изучаемый период частью сербского народа себя ощущали черногорцы. Вместе с тем они осознавали свою специфику.

** Особой административной области “Воеводина” в монархии Габсбургов не было. Термин этот закрепился в литературе как условный в связи с длительными настояниями сербов создать в южных комитатах Венгрии такую область во главе с герцогом (“воеводой” – сербск.). Впрочем, исключительно сербскую национальную область на юге Венгерского королевства выделить было невозможно ввиду многонационального состава населения. Наиболее важным ядром сербов являлся комитат Бач (Бачка) с гор. Нови Сад и восток Срема с гор. Сремски-Карловцы (Сремские Карловцы).

и нормальному течению хозяйственной жизни (торговле, ремеслу) в областях под османским господством мешало отсутствие личной безопасности, произвол властей, бесчинства вооруженных групп. Только достижение политической независимости от османской власти могло обеспечить процесс складывания нации. В результате народно-освободительных восстаний 1804-1813 и 1815 гг. было воссоздано Сербское государство, автономия которого в рамках Османской империи в международно-правовом отношении была зафиксирована Россией в русско-турецких договорах 1812 и 1827 гг.

Возникновение сербского государства коренным образом изменило идейное развитие сербского общества в Австрийской монархии. Именно тогда, в условиях крайне неустойчивой международной ситуации периода наполеоновских войн, в сербской среде Австрийской империи возникло несколько проектов создания большого сербского государства ("царства") на Балканах. Тогда же была издана первая карта сербских земель и часть тиража переправлена в Сербию для просвещения ее руководителей¹. В дальнейшем идейно-политическое влияние Сербии на весь сербский народ продолжало возрастать.

В Сербии были ликвидированы феодальные отношения, развивался вывоз скота, постепенно, хотя и очень медленно, складывался внутренний рынок. Создавалась система просвещения, возникли высшая школа, Ученое общество, затем и Академия наук и искусств, немало интеллигенции приобретало знания в Германии, Франции, Австрии, России. Примерно в третьей четверти XIX в. сформировался буржуазный уклад. Росло население Сербии – освобожденной части сербской этнической территории. Но развитие промышленности и, следовательно, социальной структуры Сербии сдерживалось конкуренцией австрийских и западноевропейских изделий.

Попытка Сербии вести активную внешнюю политику с целью завоевания выхода к морю в 60-х годах XIX в. потерпела неудачу. В результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в которой приняла участие Сербия, она получила государственную независимость и вскоре стала королевством. Но только в начале XX в. сербская буржуазия окрепла настолько, что смогла повести борьбу с австрийской экономической и военно-политической экспансией на Балканы. В это время произошли существенные изменения в экономике страны, установился парламентский строй.

Все это дает основания считать, что в предвоенный период нация в Сербии в основном сформировалась. Однако в Сербии было сосредоточено меньшинство (примерно 1/3) сербского народа.

Сербская феодальная народность сформировалась в рамках сербского средневекового государства, пережившего подъем в XIII–XIV вв.

и павшего под ударами османских завоеваний в конце XIV–XV в. Перед лицом мусульманского нашествия сербское население уходило на север – в районы рек Савы и Дуная и дальше, т. е. на территорию средневекового королевства Венгрии и его части – Хорватии, а также в Далмацию. Наиболее значительное – “великое переселение” сербов во главе с православным патриархом произошло в 1690 г., когда Габсбурги стремились заселить опустошенные австро-турецкой войной и освобожденные от турок южные районы Венгерского королевства. Здесь возникла область со значительным сербским населением, на юге которой австрийский двор создал полосу военных поселений – Банатскую военную границу. В XVII в. на юге Венгрии совместно проживали сербы, венгры, влахи (румыны), здесь происходила усиленная немецкая колонизация. Примерно половина сербов стала военными поселенцами (граничарами), другая постепенно попала в феодальную зависимость от помещиков, в большинстве венгров.

В середине XVIII в., при Марии-Терезии, самоуправление на Военной границе было ликвидировано и власть была передана военному ведомству – генералам и офицерам. В дальнейшем военнофеодальный режим, как и на Хорватско-славонской военной границе, тормозил социально-экономическое развитие области.

Наряду с районами компактного заселения, сербы распространились вдоль Дуная до центральных районов Венгерского королевства. Здесь возникли сербские торгово-ремесленные колонии. Особо значительными были поселения Св. Андрея (Сент-Эндре), севернее тогдашних границ Буды, а на юго-западе монархии – в портах Триесте и Риеке. Многочисленную сербскую диаспору вне османских владений составили наряду с массой крестьян зажиточное купечество и влиятельное духовенство. Уже в XVII, а тем более в середине XVIII в. на Балканах товарно-денежные отношения достигли значительного уровня, но политических условий для перехода к капитализму здесь не было. Поэтому происходил отток торгового капитала в габсбургские владения².

В связи с этим сербы Австрийской монархии обладали относительно развитой социальной структурой позднефеодального общества, значительно более развитой, чем у сербов под османской властью. Сербская православная церковь стала одним из крупнейших феодальных владельцев. Некоторые сербы-землевладельцы и граничарские офицеры приобрели дворянские права. Отдельные из них участвовали в национальной деятельности (например, меценат Сава Текелия, основавший фонд для поддержки сербских студентов, и др.). Но в основном дворяне мадьяризировались. Полнокровного класса феодалов сербы не имели.

Все же социальная структура сербского этноса способствовала развитию примерно с середины XVIII в. слоя образованных людей, зарождению интеллигенции (связанной как с церковными учреждениями, так и с торговой буржуазией), развитию общественной мысли, распространению идеи Просвещения. Это свидетельствовало о консолидации феодальной народности и – с последних десятилетий XVIII в. – ее медленном перерастании в нацию.

Сербское купечество держало в своих руках большую долю торговли габсбургской монархии с Балканами³. Благоприятным для него фактором были возраставшие в XVIII–XIX вв. разнообразные связи с единоплеменным и единоверным населением на Балканах. Города Южной Венгрии и Военной границы были связаны с Пештом, Веной, Лейпцигом, Пожонью (Братиславой) и т. д. На ярмарки в Венгрии съезжались сотни сербских торговцев из разных мест.

О возможностях сербского купечества в конце XVIII в. свидетельствует пожертвование Д. Сабовым 20 тыс. форинтов для сербской гимназии⁴. Позднее сербские “граждане (священники, чиновники, адвокаты. – В. Ф.) и купцы” поддержали создание Сербской матицы (Пешт, 1826) – общества и фонда, первоначально предназначенных для выпуска общественно-литературного журнала “Летопис”. При матице возникла библиотека, ныне широко известная. Достоинно внимания, что в сербском обществе считалось престижным давать средства на национально-культурные учреждения – в них ощущалась потребность.

Развитие капитализма в Венгрии привело к середине XIX в. к упадку сербских колоний в глубине Венгрии. Общественная жизнь сербов монархии все более сосредоточивалась на юге королевства (Бачка, Банат) и на востоке Славонии (Срем) – в области, которая в сербской среде получила наименование Воеводины. Здесь уже в XVIII в. возник социально-политический и культурный центр сербов монархии Габсбургов с городами Нови Сад (с населением в начале XIX в. в 20 тыс. человек), Сремские Карловцы, где находилась православная метрополия, и др.

В конце XVIII – первой половине XIX в. в Воеводине существовало традиционное цеховое ремесло, зародилось в скромных размерах примитивное производство мануфактурного типа (пиво, шелк, кирпич, табак и др.). Среди предпринимателей имелись и сербы⁵.

Развитие внутринациональных связей и общих интересов торгово-ремесленного слоя сказалось в способности сербского общества ассимилировать инонациональные группы, проживавшие совместно с сербами. Это были греки, цинцары (романцы), т. е. лица православного исповедания. В этом сказывалось также политическое и экономическое

влияние сербской церкви. В свою очередь, сербские купцы, проживавшие в румынской части Баната, постепенно романизировались.

Утверждение капитализма и промышленный переворот в Австрийской империи сопровождались кризисом этой социальной структуры, сложившейся в эпоху позднего феодализма. Часть купечества и ремесленников разорилась, замедлился рост сербского населения, снижалась его доля в составе населения как Венгрии, так и Хорватии и Славонии. В Венгрии, Хорватии, Славонии и Военной границе насчитывалось в 1797 г. 667 тыс. сербов, к 1847 г. их численность возросла до 897 тыс. человек⁶.

В середине XIX в. сербы составляли менее четверти населения южных комитатов Венгрии. В 1890 г. сербов в Венгерском королевстве без учета Хорватии и Славонии (т. е. в основном в Воеводине) насчитывалось 431 тыс. человек, в 1910 – 461 тыс. (2,5% населения страны). В Хорватии и Славонии и прилегающей к ним части Военной границы в 1868 г. сербское население составляло до полумиллиона человек, при этом в так называемой “гражданской части” Хорватии (т. е. вне Военной границы) сербов было мало, в Хорватии и Славонии они составляли 15% жителей (но в Среме сербов было большинство), тогда как на Хорватско-славонской военной границе – 48% (при этом в четырех ее полковых округах из девяти сербы имели большинство)⁷. Поэтому после воссоединения Хорватско-славонской военной границы с Хорватией и Славонией (1881 г.) сербы составили более четверти их населения.

В Далмации в середине XIX в. насчитывалось примерно 80 тыс. сербов (около 1/5 населения). Стало быть, сербы Воеводины составляли меньшую (примерно 1/5) часть сербского населения Австро-Венгрии⁸. После австрийской оккупации (1878) и аннексии (1908) Боснии и Герцеговины численность сербского народа в монархии Габсбургов достигла примерно 1,9 млн человек. Однако Австро-Венгрия не только не стала притягательным центром для сербов, но в сербском народе утвердилось сознание необходимости создания объединенного независимого национального государства.

При переселении в конце XVII в. в государство Габсбургов сербы получили от императора “привилегии”: право созывать церковные соборы, избирать митрополита, управлять денежными фондами, предназначенными на устройство школ, создавать школы на родном языке. Вплоть до 1779 г. церковная иерархия владела и судебно-административной властью в отношении православного (“илирийского”), по официальной терминологии) населения – сербов и влахов (румын), а духовенство – правом на барщинный труд крестьян. Обещание двора создать национальную область с сербским управлением во главе с “воеводой”, т. е. Воеводину, не было осуществлено.

Почти весь XVIII в. сербы не обладали правами граждан Венгерского королевства и рассматривались как беженцы. Это ограничивало возможность приобретения земли, препятствовало поступлению на государственную службу. Сербы, как православные, нередко оказывались под угрозой выселения из городов, их ограничивали в занятиях ремеслами и т. д. Лишь в результате реформ Иосифа II сербы были уравнены в правах⁹, что было в 1791 г. подтверждено и венгерским государственным собранием.

В условиях чуженационального государства, в котором господствовал католицизм, церковно-школьная автономия давала сербам возможность сопротивления политике распространения униатства. Те сербские общины, которые поддавались давлению и воспринимали унию или католичество, относительно быстро подвергались этнической ассимиляции местным католическим населением – причем не только в хорватских землях (где этот процесс был облегчен ввиду общности языка православных и католиков), но и в Венгрии.

Наряду с другими причинами, православная церковь была заинтересована в сохранении сербского этнического самосознания потому, что это обеспечивало ее общественно-политические позиции и материальное благополучие. Условия существования сербского народа в Турции и Австрии – инонациональных и иноверных государствах, политика которых в отношении сербского населения определялась его конфессиональной принадлежностью, – способствовали отождествлению в народном сознании принадлежности к сербскому этносу и к православной церкви. Народному сознанию массы сербов был присущ конфессиональный характер: вплоть до середины XIX в. крестьянин, говоря, что он “серб”, нередко имел в виду религиозную принадлежность (“сербская вера”), хотя, конечно, вместе с тем он видел и понимал отличие своего народа от большинства соседей по языку. Сербов в Австрийской империи до 60-х годов XIX в. обычно в официальных бумагах называли “греко-неуниатское население”, в связи с чем национальные деятели добивались официального признания этнонима “сербы”.

Вместе с тем для этнического сознания сербов, в особенности в более отсталых в социально-этническом и культурном отношении районах (вне Австрийской империи, например, в горных районах Боснии), характерно бытование различных исторически возникших этнонимов (“рац”, по названию древней сербской области Рашка, или “влах”, что означало православного и др.), с которыми сербским просветителям, буквально насаждавшим этноним “серб”, приходилось бороться – в Боснии, например, вплоть до 60-х годов XIX в.

Было бы неверно как недооценивать, так и абсолютизировать роль церкви в сохранении сербской этнокультурной традиции в фео-

дальнюю эпоху. Сам народ был носителем своей исторической памяти, что получило выражение в богатом фольклоре. Но как интеллигенция в новое время, так духовенство в прошлом (в эпоху феодальной народности) идеологически оформляло этническое сознание. Буржуазия восприняла часть этого наследия (прежде всего идею единства сербского этноса), приспособив его к своим интересам и освобождая от средневековой идеологии. В буржуазную эпоху сербская карловицкая митрополия, а с 1848 г. патриархия в Австрийской империи оставалась средоточием консерватизма¹⁰. Но поскольку в Венгрии и в условиях дуализма (после 1867 г.) не был установлен демократический строй, не было и национального равноправия, борьба сербского населения за сохранение церковно-школьной автономии все более наполнялась национально-буржуазным, либеральным содержанием.

Школьному делу среди сербов Австрийской монархии положил начало русский учитель Максим Суворов, приглашенный в Воеводину сербским митрополитом в 1727 г. Он привез с собой школьные учебники. Его просветительскую деятельность в рамках сербской церковно-школьной автономии продолжал Э. Козачинский, украинец по происхождению. Среди сербов-горожан в XVIII в. грамотность была распространена, поскольку минимум образования был необходим для занятий торговлей и вступления в ряды духовенства.

Чтобы воспрепятствовать русскому влиянию на сербов, в Вене была создана придворная "илирическая депутация" (1747 г.), ведавшая делом просвещения среди сербов, а в 1771 г. основана типография, печатавшая книги кириллическим шрифтом. В конце XVIII в. она переместилась в Буду и стала частью университетской типографии, получившей право издавать сербские книги.

Ввиду отсутствия своих средних школ, сербские юноши получали образование в протестантских лицеях Австрийской монархии, особенно в Пожони (Братислава), а также в Германии. В 1792 г. в Сремских Карловцах в рамках церковной автономии была открыта первая сербская гимназия, затем в 1810 г. – в Нови Саде, а в 1812 г. – в Сент-Эндре. Началось преподавание в сербской учительской школе, которая в 1816 г. была переведена в Сомбор (Воеводина). Тем самым была укреплена основа подготовки национальной интеллигенции. Но Братислава и позднее привлекала немало сербских учащихся.

Сербские начальные школы постепенно распространились по Воеводине, Славонии и Далмации. Однако вплоть до второй половины XIX в. грамотность среди сербов Австрийской монархии оставалась

достоянием меньшинства*, а обучение было примитивным. Об истории своего края и родины дети ничего не знали¹².

В сербской письменности в XVIII в. в различных жанрах первоначально применялись разные языки (русский, народный сербский, церковнославянский; кстати, поэтому некоторые сербские книги того времени более понятны современному русскому читателю, чем сербскому). Их место в качестве языка образованной городской среды постепенно занял “средний” – славяно-сербский язык, смесь указанных трех языков. На нем обучали в школах, но народной массе он был непонятен. К тому же каждый автор сам определял соотношение в своем языке разных элементов¹³.

Сербская торговая и землевладельческая буржуазия и цеховая верхушка в своем большинстве придерживались консервативной ориентации. Это было следствием как их социальной природы, так и связей с церковной иерархией.

Консервативные круги держались за славяно-сербский язык, аргументируя это необходимостью – во избежание ассимиляции – сохранения прочных культурных связей с Россией. Такой взгляд был связан не только с неверием в жизненные силы сербской народной массы, но и с тем, что славяно-сербский язык для феодальных и близких им кругов сербского общества, стремившихся сохранить идеологическое господство, имел значение аналогичное латыни для класса феодалов в католических странах. Однако этот язык все менее удовлетворял потребностям купечества и не соответствовал нуждам зарождавшегося буржуазного общества, нации. Отсутствие литературного языка, понятного массам, уже во второй половине XVIII в. ощущалось как препятствие просвещению народа, упрочению внутринациональных связей. Это становилось жгучей социальной проблемой.

В третьей четверти XVIII в. новые потребности стали стимулом деятельности сербских просветителей. Они вскоре поставили задачу создания литературного языка на народно-речевой основе. Зачинателем издательского дела явился священник З. Орфелин, выпустивший в Вене единственный номер первого сербского журнала “Славяно-сербский магазин” (1768). Он ставил своей целью пропаганду знаний в народе, писал стихотворения на родном языке.

Центральной личностью просвещения стал Досифей Обрадович (ок. 1740–1811)¹⁴. Уйдя из монастыря в Воеводине в 1760 г., он жил в ряде европейских государств, включая Англию и Германию, с удиви-

* В 1856 г. в Хорватии и Славонии имелось всего 32 сербские начальные церковные школы¹¹.

тельной настойчивостью и талантом овладевая достижениями культуры того времени. Страстный почитатель иезефинизма (развития школьного дела, веротерпимости, социальных реформ, резкого ограничения монашества), Обрадович полагал, что путем просвещения, опираясь на “здравый разум”, возможно разрешить современные ему проблемы – прежде всего устранить суеверия, мистику, засилие средневековой идеологии и поднять благосостояние народа. Он ожидал, что австро-турецкие и русско-турецкие войны, свидетелем которых он был, приведут к освобождению сербского народа от османского господства. Но когда началось Первое сербское восстание (1804 г.), Обрадович все свои надежды связал с борьбой народа. В 1808–1811 гг. он руководил делом просвещения в повстанческой Сербии.

Свои сочинения, в том числе важнейшие – “Письмо к Харлампию” (1783) и автобиографию (“Жизнь и приключения”, 1783–1788), Обрадович писал на языке, близком к народному. Отождествление национальной и религиозной принадлежности казалось ему средневековым воззрением. Основу национальности он, в соответствии с принципами немецкого просветительства, видел в языке, а поэтому считал южных славян, говорящих на штокавском диалекте, единым народом¹⁵.

Против господства в сербской письменности славяно-сербского языка в XVIII в. выступал также крупный деятель школьного просвещения Э. Янкович. В 1794–1795 гг. появились сочинения по истории южных славян священника Й. Райича (1726–1801), который ставил своей целью просвещение и сплочение народа.

Национальное самосознание, высокая оценка служения национальным интересам были присущи уже в XVIII в. значительной части образованных сербов (адвокатам, офицерам Военной границы, некоторым купцам, чиновникам и др.). В этом отношении привлекают внимание взгляды сербского автора 70–80-х годов XVIII в., генерала русской службы Симеона Пишчевича, написавшего “Книгу о нации сербской” (изложение событий сербской истории до XVIII в. и характеристика положения на Военной границе) и “Известие о походе Симеона Степановича Пишчевича. 1731–1785” (издано в Москве в 1884 г.). Последнее начинается с заявления: “Мне завсегда приятно было оказывать своей нации какую-нибудь услугу, и коя бы могла принести хотя малую пользу обществу...” Автор “уповал” на то, что его сочинение “будет моими одноплеменниками. – В. Ф.) знаком усердия моего принято”. Неоднократно он пишет: “Мы, сербы, по природе нашей...”, “народ наш сербский”, “наша нация” и т. д. Любопытно замечание, что в детстве его учили грамоте “словенского (т. е. славянского. – В. Ф.) природного языка” и что тогда (в первой половине XVIII в.) родители опасались посылать детей куда-либо, чтобы ребенок не стал “шокомом”

(католиком) или немцем, тогда как “сейчас” многие образованные сербы знают иностранные языки. Полки австрийских граничар Пишчевич называет “сербским войском”.

Проблему создания современного сербского литературного языка на народноречевой основе в ходе долгой самоотверженной борьбы с консерваторами решил работавший в Вене Вук С. Караджич (1787–1864), который получал все более широкую общественную поддержку. Эта поддержка свидетельствовала о прогрессе эмансипации сербского общества от идеологического господства полуфеодальных кругов. Первыми этапами на пути борьбы Караджича стали его сборник народных песен (1814) и “Словарь сербского языка” (1818). Труды Караджича, открывшие Европе богатство сербского фольклора, привлекли внимание Гете и Пушкина. Но идеи Караджича окончательно восторжествовали только в 40–60-х годах XIX в.

Зародившаяся в XVIII в. сербская печать также на первых порах ставила перед собой просветительские цели. Первая сербская газета “Сербския повседневния новины” стала издаваться в Вене в 1791 г., ее основали греки братья Маркидес, связанные с греческим национальным движением (в их ходатайстве властям газета еще именовалась “греко-иллирской”). Тогда же Э. Янкович попытался открыть типографию в Нови Саде, но разрешения не получил, так как власти опасались появления газеты в “среде сербского народа” – в отдалении от венской цензуры¹⁶. Газета Маркидесов ставила перед собой цель будить у сербов любовь к родному языку и способствовать созданию сербских школ. Газета потерпела неудачу, так как ее не поддержала митрополия. Но вскоре также в Вене вышли “Славяно-сербские ведомости” (1792–1794) серба С. Новаковича, стремившегося сделать “полезное народу, отечеству и сладкой нации”. Новакович собирался также издавать брошюры “о воспитании, домостроительстве, любви к отечеству, о географии, естественной истории, первых сербских просветителях и пр.”¹⁷. Политика газете возбранялась, круг ее подписчиков еще был узким.

Лишь в 1813 г. Д. Давидовичу и Д. Фрушичу удалось начать издание в Вене более жизнеспособной газеты – “Новине сербске” (1813–1822). “Покажем, – призывали они соплеменников, – что вскоре достигнем того, в чем отстали ввиду неблагоприятных обстоятельств”. Издатели надеялись, что “сербы поддержат наше патриотическое предприятие”, так как “любят свое просвещение, милый материнский язык”. Газета немало писала о жизни других славянских народов, ее издатели поддерживали связь с известными филологами – словенцем Е. Капитаром и чехом Й. Добровским, выступили в защиту языковой реформы Караджича и стремились воплотить его принципы, в связи с чем вызвали негодование митрополита С. Стратимировича и его окружения.

С 1835 г. сербские газеты стали выходить в Пеште, а во время революции 1848 г. – в Воеводине.

Событием общенационального значения стало уже упоминавшееся основание Сербской матицы в Пеште в 1826 г., первого такого рода учреждения у славян Австрийской империи¹⁸. Такое опережение других народов не случайно. В отличие от чехов или хорватов сербы не могли использовать в национальных целях “земельные” учреждения (вроде Чешского музея), и их энергия нашла иной выход. Как и сербская печать, матица возникла вне основного ядра сербского населения и лишь со временем получила прочную базу в Воеводине (матица переселилась в Нови Сад в 1864 г.). Это своеобразно свидетельствует о консолидации сербского общества в Воеводине.

В развитии политической идеологии сербов можно указать на ряд событий, которые хотя и не сравнимы по значимости, характеризуют вытеснение феодальных и утверждения буржуазных принципов.

В 1790 г. в Темешваре был созван сербский национально-церковный собор, в котором участвовали представители иерархии, дворян, горожан, офицерства. Здесь было выдвинуто как ставшее традиционным со времени “великого переселения” требование создания сербской территориальной единицы, так и требование гражданского равноправия сербов в Венгрии. На соборе, в социальном плане еще остававшемся в рамках феодального строя, все же прозвучал голос торгово-бюргерских кругов, наметились антифеодальные тенденции. Собор требовал территориальной автономии еще для “иллирской нации”, под которой в Австрийской империи понималось все православное население (включая румын), подчинявшееся Карловицкой митрополии, одна-ко практически имелись в виду интересы сербов¹⁹.

В 30–40-е годы XIX в. сербское национальное сознание в Воеводине достигло такого уровня, что выдвинутые в Хорватии идеи объединения под иллирским знаменем не встретили значительного сочувствия. Но в Хорватии сербы поддерживали борьбу иллиров за укрепление автономии страны. Некоторые (немногие) православные еще считали себя хорватами (можно было услышать и такое: “по рождению я хорват, по вере – серб”); “хорват” здесь применено в территориальном смысле – “житель Хорватии”, а термин “серб” еще не нес этнической нагрузки). Тогда, в 30–40-х годах XIX в., ужесточилась мадьяризаторская политика в Венгрии: даже метрические книги власти требовали вести на венгерском языке. Нараставшие в первой половине XIX в. социальные сдвиги в сербском обществе и тлевший межнациональный венгеро-сербский конфликт предопределили крупнейшие по значению для сербов монархии события во время революции 1848–1849 гг. Либералы во главе с отставным офицером Дж. Стратимировичем поддержа-

ли программу преобразования Австрии в буржуазное федеративное государство, освобождения крестьян за выкуп.

В Воеводине массы народа свергли старую власть. Была провозглашена автономная область, создано правительство – сербский Главный национальный комитет и его местные органы, делопроизводство переведено на сербский язык, начали выходить либеральные газеты. В документах того времени отразилось национальное сознание, идеология ведущих сил национального движения. В частности, выдвигалось требование, «чтобы сербский народ называли настоящим именем... и чтобы мы, наконец, освободились от навязанного нам наименования “неприсоединенные греки”, будто мы были греки до унии и имени не имели»²⁰. Границары требовали “признать и обеспечить законом... чтобы сербский народный язык употреблялся повсюду, где находятся сербы, во всех их делах, при этом кирилловскими буквами”²¹. Вместе с тем границары добивались гражданских прав и воссоединения с гражданской частью сербских и (соответственно) хорватских земель.

В Воеводине в мае 1848 г. была созвана Великая народная скупщина. Она избрала главу области – воеводу “для политического управления”. Скупщина заявила, что “ни один народ не в состоянии развиваться гармонично... и создавать свою культуру, не устранив препон своему прогрессу ... и не освободившись от цепей, сковывающих его как нацию со своим языком, историей, прошлым и будущим”, и объявила сербский народ “политически свободным и независимым” в рамках земель венгерской короны²².

В 1848 г. были выдвинуты идеи объединения на равноправной основе Воеводины с Хорватией (в рамках монархии), а также объединения с Сербией и создания югославянского государства²³. Венгерские правящие круги и габсбургский двор разожгли кровопролитный венгеро-сербский конфликт, в ходе которого усилилось влияние сербских консервативных кругов (церкви, правой части буржуазии). Все это способствовало подавлению сербского движения.

Революция 1848 г. оставила глубокий след в сербском национальном сознании. После поражения революции венский двор с целью ослабления Венгрии создал административную единицу “Сербская Воеводина и Темешский Банат”, отделив ее от Венгрии. Сербам, которые составляли меньшинство населения, был предоставлен доступ на должности чиновников. В 1854–1859 гг. официальным языком здесь был немецкий. В 1860 г., когда Франц-Иосиф искал компромисса с венгерским дворянством, территория этой области была воссоединена с Венгерским королевством (а Срем, входивший в состав Воеводины, – со Славонией). Сербы, мечтавшие об автономной области, были возмущены.

В 1861 г. сербский Благовещенский собор, на котором были представлены как клир, так и офицерство Военной границы, чиновники и буржуазия, безрезультатно обращался к Францу-Иосифу с просьбой о восстановлении Воеводины. Таким образом, с конца XVIII в. сербы габсбургской монархии трижды – в моменты кризиса режима (1791, 1861) и во время революции 1848 г. – пытались добиться территориально-политической автономии²⁴. В дальнейшем, в период австро-венгерского дуализма, условий для подобного рода политических акций не было. В последней трети XIX в. национальное движение ограничивалось требованием округления комитатов по этническому принципу и признания в них прав сербского языка.

Особое место в истории складывания сербской нации занимают 60-е – начало 70-х годов XIX в. Это время, когда, вслед за революцией 1848 г., на общественной арене появилась либеральная буржуазия, противопоставившая свои идейно-политические принципы полуфеодальным силам*, и выступила группа революционных демократов во главе со Светозаром Марковичем.

С реформами 60-х годов и установлением конституционного порядка политическое сознание распространилось вширь: выборы в представительные органы (венгерское государственное собрание и хорватский сабор), собрания избирателей, парламентские речи, программные статьи в газетах, сообщения о событиях в монархии и за ее рубежами – все это пробуждало демократическое сознание и вместе с тем облегчало распространение национальных идей.

Лидером довольно пестрого, но преимущественно либерального течения (“воеводинские народняки”) стал адвокат Светозар Милетич. Основное ядро народняков выступило против гегемонии церковной иерархии в общественной жизни, против ориентации на габсбургский двор, за ослабление единства империи, тормозившей промышленное развитие Воеводины. Дуализм, который, как полагали народняки, приведет к распаду монархии Габсбургов, они предпочитали планам ее федерализации. В рамках Венгрии, Хорватии и Славонии народняки выступили против теории “единой государственной нации” (венгерской или хорватской), за национальное равноправие²⁶.

С. Милетич был сторонником идеи демократизации общественной жизни и принципа “естественных прав” наций. “Крайне необходимо, – писал он, – чтобы в народное коло (круг. – В. Ф.) вступили люди, которые политике сохранения династии (в Сербии. – В. Ф.) противопоста-

* По мнению сербского историка Д. Милич, лишь в 60-х годах XIX в. сербское бюргерство стало “буржуазией нового времени”.²⁵

вили бы политику сохранения и освобождения сербского народа, которые выступили бы против суемудрия и наглости бюрократии, считающей, что лишь она призвана заботиться о народе... что лишь ей присуща политическая зрелость”²⁷. Милетич призывал народ “быть сербами и гражданами”, т. е. бороться за упрочение конституционных и национальных прав. Точку кристаллизации, вокруг которой должны “собираться и срастись растерзанные и раздробленные части нашего народа”, газета Милетича видела в Сербии и поэтому требовала проведения там прогрессивных конституционных преобразований²⁸.

“Национальность – фактор нового времени”, – утверждал лидер народняков и продолжал: подобно тому, как судьба аристократии во Франции в конце XVIII в. предсказала ее историческую судьбу вообще, так и борьба за национальную свободу в Австрии имеет демократический характер и от ее исхода зависит, освободятся ли от чуженационального гнета ирландцы, поляки, сербы, болгары, греки²⁹.

В период подъема общественного движения, в 60-е годы XIX в., сербские публицисты неоднократно пытались выделить особые черты, характерные для “сущности” сербского народа. По Милетичу это: наименование (этним “серб”), исторические традиции, обычаи, язык (“природная основа” национальной общности), кириллическая письменность (выражающая “оригинальность славянского духа”), “национальное сознание – духовная основа” народа³⁰. К этому нередко добавлялся и национальный флаг как символ нации. Либеральные круги в романтическом духе трактовали “исконные” качества сербов, особенно подчеркивая их демократизм, коллективизм и свободолюбие. Это, полагали они, служило целям освободительного движения. С. Милетич, М. Полит и другие сербские публицисты народняцкого лагеря отстаивали программу объединения сербов в независимом государстве и создания Балканской конфедерации путем восстаний и войн против османской власти.

Хотя и меньше, чем у хорватов, все же значительное место в идеологии формировавшейся сербской нации занимала проблема югославизма, прежде всего сербо-хорватских отношений. В XIX в. в сербской общественной мысли господствовали противоречившие друг другу теории, одна из которых состояла в том, что органическим компонентом “сербства” является православие, а другая – что к сербскому народу принадлежит все южнославянское население, говорящее на штокавском диалекте (“сербь трех вер”). Последних взглядов придерживался В. С. Караджич в 30–60-х годах. Он полагал, что штокавцы-католики “постепенно привыкнут считать себя сербами”; в 60-х годах он несколько колебался в этом воззрении, но в целом сохранил его и про-

должал считать, что деление народов по религии – бессмыслица и реакционность.

В 1848 г. Главный комитет обращался то к югославянам-католикам Воеводины, “говорящим на одном языке с сербами”, то “к братьям сербам без различия вероисповедания” с призывами поддержать сербское движение, целью которого было “вместе с вами создать единый большой народ...”. “Различия в вере пусть нас не разделяют”³¹. Идеиная направленность этой пропаганды во многом была сходна с хорватской. Различие, однако, состояло в том, что деятели иллиризма призывали объединяться под нейтральным наименованием, поскольку этноним “хорват” в 40-х годах еще не получил повсеместного распространения среди самих католиков. Югославизм как идеологический принцип имел для сербов меньшее значение также потому, что у сербов имелась значительная моноэтническая территория (Сербия), но это не значит, что он вообще отсутствовал во взглядах национальных деятелей.

В 60-х годах Милетич пользовался понятием “хорватско-сербский народ” (когда имелось в виду население Триединого королевства), т. е. был близок к идее югославянского единства, но при обязательном упоминании этнонима “сербский” и при признании равноправия хорватов и сербов. “Мы – друзья будущего общего хорватского и сербского федеративного государства”³². В Хорватии, Славонии и Далмации лидеры сербского национального движения также стали возражать против понятий “югославянский” или “наш народ (и язык)”, видя в этом открытую тенденцию умаления национальных прав сербов.

Вместе с тем, господствовавшей в сербской буржуазной среде была великосербская идеология. Стремление к максимальному расширению сербского влияния и государственности за счет соседних народов становилось все более очевидным. Утвердилась идея объединения южных славян (Милетич при этом исключал словенцев) с центром в Сербии и во главе с Сербией.

“Великие” идеи – великосербская, великохорватская, великогреческая, великоболгарская (была даже великоалбанская) – характерная черта Юго-Восточной Европы, так как здесь имелись (и имеются) обширные территории со смешанным населением, т. е. границы между народами, особенно в XIX в., были размыты. Как отмечалось, такая обширная зона образовалась в Хорватии, Славонии и Далмации в результате гибели средневекового Сербского государства в XIV–XV вв. и миграции сербского населения на север и северо-запад. Другой такой территорией являлись Босния и Герцеговина (боснийские мусульмане, сербы, хорваты). Уже с 40-х годов XIX в. в Сербии существовали идея и программа присоединения земель со смешанным населением, даже если

сербы составляли там меньшинство. Указанные “великие” идеи были чреваты кровопролитными конфликтами между соседними народами (они имели место прежде и продолжались в XX в.). Особенно острый характер имеет конфликт сербов с боснийскими мусульманами и хорватами ввиду крайней близости их языка (отсутствия языковой границы).

Сербская революционно-демократическая группировка по главе со С. Марковичем в начале 70-х годов резко критиковала великосербскую политическую идеологию и программу³³. Маркович отстаивал идею объединения свободных общин и свободных народов на Балканах путем их взаимного соглашения³⁴. В этих воззрениях торжествовал глубоко демократический и социалистический... утопизм.

Воеводинские народняки неустанно пропагандировали национальную общность сербов независимо от государственных границ. “Народ создается национальностью, то есть его внутренними свойствами, такими, как кровь (происхождение. – В. Ф.), язык, сознание и обычаи, но не внешними случайными отношениями, как, например, подданством того или иного государства, принадлежностью к той или иной церкви или сословию”³⁵.

Возникшая в 1866 г. организация “Объединенная сербская молодежь” (Омладина) (1866–1871 гг.), формально культурно-просветительная, поставила своей целью не только упрочение сознания национальной общности сербов независимо от государственных границ, но и подготовку освободительных восстаний в османских владениях³⁶. Однако пропаганда либеральным ядром Омладины “общенационального интереса” (в социальном смысле) уже обнаружила свою недостаточность, поскольку сербское общество все более дифференцировалось. В Омладине “нет духовного единства”, отмечала демократическая газета³⁷.

Общесербские, а не только воеводинские проблемы были также в центре внимания воеводинских газет. Вплоть до 70-х годов XIX в. общественно-политическая жизнь сербов в Хорватии, Славонии и Далмации развивалась при возраставшем идеологическом воздействии воеводинского центра. Он оказывал влияние и на Боснию и другие районы с сербским населением.

С другой стороны, подъем освободительной борьбы сербского народа в Боснии и Герцеговине в 50–60-х годах и особенно в 70-х годах XIX в., массовые восстания против османского ига способствовали обогащению и углублению сербского национального сознания повсюду, включая не только Воеводину, но и Сербию.

Как уже говорилось, после “великого переселения” конца XVII в. сохранились оживленные торговые и культурные связи между Воеводиной и сербскими областями под османской властью. Эти связи возрастали в XVIII–XIX вв. вопреки государственным границам³⁸. Все боль-

шее место стали занимать и политические отношения. Внутрисербские связи приобрели особый размах во время сербских восстаний начала XIX в., когда сербы монархии снабжали повстанцев, продавая им оружие, амуницию, продовольствие, посылали в возродившуюся Сербию образованных людей – чиновников, юристов, учителей и пр., а также бойцов-добровольцев. В Воеводине семьи повстанцев спасались от террора османских войск. Позднее, в 1848 г., добровольцы из Сербии участвовали в вооруженной защите Воеводины.

В первой половине XIX в. сербу в Австрийской империи приобрести книгу или газету, изданную в Сербии, было трудно. Австрийские власти препятствовали ввозу изданий, которые могли бы будить национальные чувства, так же поступали паши в Боснии и Герцеговине. Впрочем, процветала контрабанда, которой занимались сербские торговцы. Но начали распространяться сербские издания, выходявшие сначала в Пеште, позднее в Воеводине. С 60-х годов XIX в., в конституционную эпоху, сербская печать и художественная литература, выходявшая в Белграде, стала более доступной в габсбургских владениях. Кроме того, Омладина завязала оживленные связи (переписка, посылка изданий, ежегодные съезды активистов) с Далмацией, Боснией и др., идейно и организационно воздействовала на национальное движение на сербской периферии.

В XIX – начале XX в. торговля между Сербией и Австро-Венгрией, включая ее сербские районы, была весьма оживленной. Главным предметом сербского вывоза был скот. Но интенсивность экономических связей зависела от политики габсбургских властей, которые в угоду собственным аграриям временами закрывали австро-сербскую границу. Подлинно единого национального рынка в условиях политической раздробленности сербской этнической территории возникнуть не могло, хотя нельзя игнорировать значение связей между сербским населением в разных государствах для формирования нации. Контакты Воеводины с Сербией были более интенсивными, чем с сербами Далмации, хотя последние были подданными габсбургской державы.

К середине XIX в. “национальная идеология” еще слабо затронула крестьянскую массу. Так, в начале 1848 г. сербская крестьянская беднота, погруженная в заботы о земле, мало интересовалась национальными проблемами, а сербская буржуазия была чужда и враждебна социальным устремлениям крестьянства. Но бурные события все более привлекали внимание народа к национальному вопросу.

В 60-х годах влияние группировки Милетича и Омладины стало распространяться на село, но все же в основном ограничивалось интеллигенцией и городским населением. Начались представления в Национальном театре в Нови Саде, немалое место в репертуаре которого

заявляли пьесы историко-патриотического содержания (Й. Суботича и др.). Когда в 60–80-х годах ремесло переживало кризис, буржуазные деятели создавали организации ремесленников на национально-конфессиональной основе.

С 60-х годов XIX в. все возрастающую роль в политической жизни стала играть печать. Она в полном смысле слова являлась фактором сплочения нации. Важные статьи в газетах становились событием, их читали вслух в семьях. Газеты представляли разные социально-политические течения. Это сказалось и в разной трактовке национальной “сущности” сербов. Например, праволиберальный или умеренно-консервативный “Српски народ” в 1871 г. подчеркивал православие сербов, либеральная “Застава” (“Знамя”) с 1866 г. писала о необходимости воспитания народа в духе уважения к гражданским и политическим правам³⁹, мелкобуржуазно-демократический “Панчевац” с 1862 г. писал о тяготах жизни простого народа, при этом суверенитет нации газета понимала как утверждение прав широкой массы народа⁴⁰, с сочувствием говорила о трудовых слоях других народов, отмечала равнодушие простонародья к религии⁴¹, наиболее последовательно проповедовала необходимость восстания против османского гнета на Балканах. В начале XX в. в Венгрии и Хорватии на сербском языке выходили социал-демократические газеты. Всего в габсбургской монархии с XVIII по начало XX в. (в основном в последней трети XIX – начале XX в.) выходило около двухсот сербских газет⁴² (без Далмации и Боснии). Множество газет – феномен истории сербов Австро-Венгрии. Подчас это были быстро исчезающие с политического горизонта газеты-однодневки. Каждый сколько-нибудь заметный деятель или группа стремились “запечатлеть” себя в печати, оставить след в национальной истории. Но отмеченный феномен находит определенное объяснение в том, что сербы во многих административных единицах находились в меньшинстве, и печать являлась для сербской интеллигенции важнейшим средством идейно-политического влияния и распространения национальных идей.

В 50-х годах XIX в., во время германизаторской политики А. Баха, церковно-школьная автономия сербов продолжала сохранять значение. После утверждения конституционного строя в Венгрии и Хорватии были приняты новые законы о школах. Влияние духовенства на преподавание в государственных школах было ограничено, что вызвало протесты как католического, так и православного духовенства. В хорватском законе (1874 г.) оговаривалось, что “там, где в законе упоминается хорватский язык, в сербских общинах под этим подразумевается тождественный ему сербский язык”. В школах Хорватии и Славонии наряду с

латиницей употреблялась кириллица. В Венгрии законом было введено обязательное изучение официального венгерского языка, но это не распространялось на Хорватию и Славонию*. Наряду с государственными школами продолжали существовать и школы в рамках сербской автономии. В 1910 г. в Венгрии грамотность сербского населения составила 51,3% (для сравнения: у немцев – 70,7%, венгров – 67,1, хорватов – 62,5, словаков – 58,1, румын – 28,2%)⁴³.

В Далмации сербские церковные школы появились раньше хорватских, обучение на хорватском и сербском языках здесь распространялось по мере успехов национального движения южных славян (особенно с 70-х годов XIX в).

В условиях дуализма, с 1868 г., на управление национально-церковными автономными делами решающее влияние, наряду с клиром, оказывала национальная буржуазия посредством избравшегося комитета. Так как речь шла о значительном имуществе (денежные фонды, использовавшиеся, в частности, для кредитования сельской кооперации и др., а также доходы от церковных имений), то различные сербские политические группировки (либералы, радикалы) боролись за влияние в органах автономии. Сербы упорно держались за автономные права. В 1912 г. в связи с нарастанием политической напряженности в монархии и на Балканах габсбургские власти выхолостили сербскую автономию, передав автономные дела в ведение зависевшей от них церковной иерархии (как это было до 1868 г.)⁴⁴.

Во второй половине XIX в. сложившаяся при феодализме социальная структура сербского общества Воеводины переживала трудный процесс приспособления к потребностям австрийского и венгерского капитала и развитых в промышленном отношении центров монархии Габсбургов.

Прокладка железных дорог (особенно дороги Пешт–Земун, 1883 г.), развитие речного пароходства и новые потребности рынка подорвали позиции сербских торговцев, судовладельцев, лиц, занятых гужевым извозом. Лишь часть из них продолжала свою предпринимательскую деятельность в новых условиях. Многие торговцы либо вкладывали средства в земледелие и кредитно-ростовщические операции, либо приобретали акции инациональных торгово-промышленных и банковских обществ. В частности, сильные позиции на денежном рынке Воеводины занял Австро-Венгерский банк, создавший здесь в 1880–1890х годах свои отделения⁴⁵.

* Языковая ситуация, кстати, – одна из причин, по которой сербские народняки в 60-е – начале 70-х годов выступали за упрочение политической автономии Хорватии и Славонии. Но признать Триединое королевство хорватским государством они отказывались.

Раздел или захват общинной земли и пустошей сопровождался скупкой земельных участков растущей буржуазией, глубокой дифференциацией крестьянства. Процесс формирования сельскохозяйственного пролетариата в Воеводине зашел далеко, кроме того имела масса беднейших, полупролетаризированных крестьян (в 1900 г. из 426 тыс. самодеятельного населения батраков и поденщиков было 151 тыс., мелких крестьян-арендаторов – 106 тыс.)⁴⁶. Все же среди сербов социальное расслоение зашло не столь далеко, как у венгров, и доля средних крестьян была заметно выше⁴⁷. Социальные отношения были пронизаны полуфеодальными остатками (издольщина, кабальные условия найма).

В начале XX в. большинство горожан продолжало заниматься земледелием (землевладельцы, арендаторы, работники). Так, в Нови Саде в промышленности и ремесле было занято 12% жителей, а в Суботице – только 5% (1895 г.)⁴⁸. Большинство ремесленников находились в бедственном положении, а развитие промышленности происходило медленно⁴⁹. Все же, если в 1870 г. насчитывалось 33 более или менее значительные мануфактуры и предприятия фабричного типа, то в 1880 г. их стало 119, а в 1910 г. – 360⁵⁰, однако мануфактура продолжала преобладать над фабрикой (мельницы, кирпичные, цементные, деревоперерабатывающие предприятия). Была широко распространена раздача работы надомникам (обработка конопли и др.). Подавляющее большинство предприятий принадлежало местным немцам, словакам, венграм (в том числе помещикам).

“Вплоть до развала монархии в Воеводине не развилась современная промышленная буржуазия и промышленный пролетариат, а в структуре буржуазного класса доминировала мелкая буржуазия”, отмечал сербский историк⁵¹. Тем более это было присуще сербскому обществу. В Венгрии (без Хорватии и Славонии) в 1910 г. имелось менее 20 тыс. сербов-рабочих, занятых в промышленности, торговле и на транспорте, из них только 3,2 тыс. человек – на предприятиях с числом работников более 20⁵². Промышленный рабочий класс лишь зарождался.

Все же в 900-х годах сербский автор отмечал, что несмотря на общее отставание “сербского” производства от соседей, кое-где “наши люди” умением вести дела “доросли до немцев” и что имеется немало крепких сельских хозяев и торговцев⁵³. Определенные прогрессивные сдвиги в сербском обществе были налицо.

Сосредоточение средств сербской буржуазии в сберегательных кассах и сельской кредитно-сбытовой кооперации (как в Воеводине, так и в Хорватии и Славонии формировавшейся по национально-конфессиональному принципу) способствовало упрочению связей национальной буржуазии с крестьянством, создавало для нее социальную опору в

зажиточном слое деревни, обеспечивало буржуазии источник накопления капитала.

Можно прийти к выводу, что если структура сербской феодальной народности в конце XVIII в. была относительно зрелой, то ее перерастание в структуру капиталистического общества (а следовательно, и формирование нации) происходило замедленно. С одной стороны, этим, в частности, было обусловлено ведущее место Воеводины в культурном и идейно-политическом отношении в масштабе всего сербского народа вплоть до 70-х годов XIX в. (хотя после создания Сербского государства ее роль уменьшилась). С другой – это стало причиной замедленного формирования буржуазной (либеральной) идеологии, долгого преобладания умеренно-реформистских концепций, остававшихся в рамках феодального или полufeодального мировоззрения, и, наконец, падения значения Воеводины как ядра нации. Центром сербского национального движения Австро-Венгрии все более становились Хорватия и Славония⁵⁴, а в общенациональных масштабах – Сербское королевство (особенно в начале XX в.).

Решающим для завершения формирования сербской нации стал распад Австро-Венгрии и возникновение Югославии, в которой были объединены все части сербского народа.

Часть вторая

Национальное возрождение в Далмации

1.

Далмация под властью Венеции, Австрии и наполеоновской Франции (до 1814 г.).

Созревание предпосылок национального движения (30–50-е годы XIX в.).

Социально-экономическая ситуация (до 1878 г.)

После продажи в 1409 г. Венгеро-хорватским королем Ладиславом приморских адриатических городов (Задар и др.), о-ва Паг и своих прав на Далмацию вплоть до р. Неретвы Венеция Республика св. Марка вела упорные войны с Османской империей. В XVI в. ее владения в восточной части Адриатического моря расширились главным образом за счет островов, но лишь в эпоху начавшегося упадка османской мощи Венеция распространила свою власть вдоль побережья и несколько вглубь материка. После мира 1669 г. оформились владения Венеции, поздней названные “старым приобретением” (акквисто веккьо). По Карловицкому миру 1699 г. появилось “новое приобретение” (акквисто нуово) между реками Зрманя и Цетина и на северовостоке до стыка с хорватско-боснийской границей (города Книн, Синь и др.). В 1718 г. по Пожаревацкому миру эти владения были расширены (“новейшее приобретение”, акквисто нуовиссимо)¹. Граница установилась по так называемой “линии Мочениго” (1730 г.). Венеция владела всем побережьем от хребта Велебит до Республики Дубровник, а южнее Дубровника так называемой Венецианской Албанией (современной Бокой Которской). Османская империя сохранила два узких выхода к морю севернее и южнее Дубровника. Таким образом, часть Далмации находилась под властью Венеции сотни лет, другая – менее века, что сказалось на местных традициях и отношениях. Овладение восточной Адриатикой позволило Венеции контролировать почти всю балканскую торговлю с Западом. Торговлю далматинских приморских городов Венеция сосредоточила у себя. Связи между отдельными приморскими городами были незначительными, их интересы часто противоречили друг другу. Древ-

ние римские дороги пришли в негодность. Сухопутная торговля осуществлялась с помощью караванов. Наиболее важным был путь из Боснии в Сплит. Боснийские торговцы, преодолевая горы и засады разбойников, пробивались по тропам к морскому побережью с навьюченными лошадьми, мулами и осликами. Они доставляли зерно, воск, шерсть, кожу, железо и пр. Так продолжалось веками. С Герцеговиной наиболее оживленные связи поддерживал Дубровник. Котор со своей округой тяготел к Черногории.

В последние годы венецианской власти в Далмацию из материкового тыла ежегодно приходили караваны, насчитывавшие в целом более 80 тыс. животных. Торговые же связи с собственно Хорватией были несущественными.

Далматинский вывоз как на Запад, в Италию и дальше, так и на Восток составлял вино, соль, оливковое масло, мед, соленая рыба. В значительной степени вывоз определялся не избытком товара, а крайней нехваткой хлеба².

Для Венецианской республики Далмация имела большое стратегическое значение. Еще в большей мере это значение провинция сохранила впоследствии – и при Французской империи (1805–1813 гг.), и при монархии Габсбургов (1797–1805 гг., 1814*–1918 гг.). Последние не интересовались ее экономическим развитием.

По Кампо-Формийскому миру (1797 г.) между Францией и Австрией перестала существовать тысячелетняя Венецианская республика; ее территория была передана Австрии. Патрициат** далматинских городов, католическая церковь, в частности влиятельный в Далмации орден францисканцев, приветствовали австрийские императорские войска, так как опасались народных волнений и активности демократов, впрочем, малочисленных. Командовал войсками хорват генерал М. Рукавина – обычно империя посылала в славянские области своих генералов-славян. Рукавина обращался с призывами к населению на родном языке, выражал надежду на то, что далматинцы вместе «с остальными братьями славного нашего народа» будут верными подданными Габсбургов. При этом подчеркивалось, что австрийский император – король Венгрии, а тем самым и Триединого королевства Хорватии, Славонии и Далмации (т. е. владетель законный), и что все старинные привилегии местной городской аристократии будут строго

* Официально – 1815 г., когда завершился Венский конгресс.

** Городская феодальная землевладельческая верхушка Далмации по-хорватски обозначается словом «племичи», т. е. знатные, благородные, что соответствует русскому дворянству. Полагаем, что «патрициат» – наиболее подходящий перевод наименования этого сословия средиземноморских городов.

сохраняться. Рукавина докладывал начальству о стремлении сословий Далмации (патрициата, духовенства, горожан) получить “венгерскую форму правления”, т. е. имелась в виду феодальная конституционность с ее автономией областей и городов. Церковь и другие влиятельные круги надеялись на сохранение своих позиций, но, вероятно, имели место и определенные этнические чувства. Однако после оккупации полиция постаралась, чтобы голоса в пользу присоединения к Хорватии (Венгрии) умолкли. Так началась длительная (с перерывом в 1805–1813 гг.) история австрийского управления Далмацией. Во главе провинции был поставлен губернатор, находившийся в Задаре. Ему подчинялось правительство в составе нескольких советников.

Во время войн коалиции держав с Наполеоном Далмация оказалась прифронтовой зоной. После победы под Аустерлицем Наполеон по Пресбургскому* миру (1805 г.) присоединил к своей империи Венецианскую область, западную Истрию, Далмацию и Венецианскую Албанию. Далмация была включена в состав учрежденного Наполеоном Итальянского королевства. В 1806 г. французские войска вступили в Дубровник, а в 1808 г. эта древняя республика была ликвидирована и включена в состав владений Наполеона. Но Бока Которская (бывшая Венецианская Албания) и о. Корчула были заняты русским флотом и десантом, которые до Тильзитского мира (1807 г.) вели на Адриатике, в союзе с Черногорией, военные действия против Наполеона.

Генерал-губернатором Далмации (“провидуром”) был назначен энергичный Виченцо Дандоло, а военным комендантом генерал Мармон. Новые власти на хорватском и итальянском языках оповестили население о переменах. В Задаре с 12 июня 1806 г. начала выходить официальная еженедельная газета на двух языках “Регио Далмата Кральски Далматин” – первая далматинская и, вообще, первая хорватская газета.

Французская власть была встречена с крайним недовольством ранее привилегированными сословиями, а в Сплите была даже попытка бунта. В конце 1806 г. начала действовать новая администрация во главе с генеральным провидуром и отделами внутренних дел, суда, финансов, бухгалтерии и просвещения. Центрами четырех дистриктов стали Задар, Сплит, Шибеник и Макарска. Дистрикты состояли из кантонов, те, в свою очередь, из общин (коммун). В каждом селе был назначен староста.

Впервые судопроизводство было отделено от управления, отменены пытки, наказание палками, провозглашено равноправие подданных

* Пресбург (нем.) – Пожонь (венг.) – современная столица Словакии Братислава.

перед законом и судом. После венецианского правления, с его привилегиями для отдельных слоев и групп, прежде всего патрициата и духовенства, это явилось крупным шагом вперед. Меры Дандоло были направлены на оживление экономики. Были снижены пошлины на вывоз вина, масла и рыбы, устранены внутренние таможи. Была учреждена регулярная почта, строились дороги, постоялые дворы, склады и т. п. В 1807 г. власти основали лицей в Задаре и семь гимназий в пяти городах и на двух островах, 20 начальных школ, 12 женских начальных школ, 8 ремесленно-художественных училищ. Планировалось учредить академию наук и духовные семинарии. Были введены гражданский брак, свобода конфессий, что – вместе с отменой привилегий – вызвало резкую оппозицию всех, кого реформы заделали. При этом духовенство использовало свое огромное влияние на крестьянство. Власти же не предприняли мер, которые вызвали бы симпатии к ним со стороны огромного большинства населения: французы не коснулись средневековых аграрных отношений (колонат, кметство), без чего нельзя было избавиться от крайне примитивных методов земледелия*.

Несмотря на благие намерения французских властей, экономика Далмации находилась в тяжелом состоянии: британская морская блокада и действия пиратов парализовали важнейшую для области морскую торговлю, которая в конце XVIII в. переживала подъем, дорожная повинность, контрибуции, обязательные займы довершили разорение. В этих условиях взывание налогов и трудовая повинность вызывали сопротивление народа. В ряде мест вспыхнули волнения и восстания под флагами Республики св. Марка.

В 1809 г. во время австро-французской войны большая часть Далмации, в том числе Сплит, была занята австрийцами и местными повстанцами. Но после битвы при Ваграме по Шенбрунскому миру (14 августа 1809 г.) французы вдобавок к своим владениям получили Истрию, часть Каринтии, часть Хорватии и Военной границы (правобережье Савы до впадения Уны).

Объединив все завоеванные югославянские области, Наполеон образовал “Королевство иллирийских провинций” или, как его называли, “Иллирийские провинции”. Сюда вошли Далмация, Истрия, Триест, Крайна, часть Каринтии, Хорватии и Военной границы. Столицей провинций стала Любляна, где находился генералг-убернатор, подчинившийся французскому императору.

После поражения Наполеона в России австрийцы возобновили с ним борьбу. В октябре 1813 г. они вторглись в Далмацию, летом 1814 г.

* Об аграрных отношениях см. ниже.

заняли все побережье, включая Котор (11 июня 1814 г.). За Которскую бухту пыталась бороться Черногория, но ей пришлось уступить. Венский конгресс в заключительном акте 1815 г. подтвердил этот результат войны. Так в течение двух десятилетий далматинцы пережили крупные потрясения: конец власти Венеции, австрийскую оккупацию (1797–1805 гг.), власть буржуазной Франции, утверждение австрийского владычества более чем на столетие. При этом до 60-х годов XIX в. Австрий принадлежала также большая часть западного побережья Адриатики (до устья р. По).

При австрийской власти некоторые французские законы (о словном равноправии) оставались в силе, не исчезли без следа и новые идеи – правда, лишь среди части образованных городских слоев. Этому способствовало дальнейшее политическое развитие Европы, в особенности соседней Италии, где развертывалось движение за объединение страны (Рисорджименто).

Австрийская монархия создала провинцию Далмация, территориально превосходившую прежнюю, венецианскую. В Далмацию были включены территории бывшей Республики Дубровник и Боки Которской. Они составили два особых округа, которые по своей истории отличались от остальной Далмации, являвшейся в раннем средневековье колыбелью хорватской государственности. В Дубровнике и Которе верхние сословия в большей степени, чем в венецианской Далмации сохранили родной язык. Дубровник гордился возрожденческой литературой позднего средневековья на родном языке, хотя с XV в. и здесь официальным языком был итальянский.

Всего в Далмации было четыре округа. Центрами остальных двух округов, на которые приходилась основная масса населения Далмации, являлись Задар и Сплит. Административным центром провинции (имевшей титул королевства) был Задар, где находились наместник, католический архиепископ и православный епископ.

Уже в XVIII в. далматинские патриции посылали детей учиться в Италию, и итальянский язык стал распространяться в Далмации. Большой толчок этому процессу дали австрийские власти. При них города в значительной мере были итальянизированы. Впрочем, и раньше итальянский был языком торговли и ремесла. Но все же масса горожан за небольшим исключением (патрициат, высшее духовенство) до австрийской власти говорила по-хорватски (или по-сербски).

По данным Ловро Монти (1835–1898), в Далмации в 1874 г. насчитывалось 4,5 тыс. иностранцев (или 1% населения), и кроме них еще 10 тыс. человек говорили только по-итальянски. Большинство из них – итальянизированные славяне. Итого, из 457 тыс. человек, составлявших население Далмации в то время, только примерно 15 тыс. не знали хор-

ватского (или сербского) языка, т.е. несколько более 3%. Но по-итальянски умело говорить около половины городского населения (если считать еще и “варош”, т.е. местечки, в основном заселенные крестьянами), что составляло около 50 тыс. человек или 11% всех жителей Далмации, – они-то в большинстве и находились под влиянием итальянской культуры³. Тогда как 89% не знали другого языка. Таким образом, в руках нескольких процентов населения, причем горожан, находилось все управление Далмацией и большая часть ее деловой жизни. Италоязычные граждане Далмации являлись наиболее зажиточной частью ее населения. Сущность национального возрождения в Далмации поэтому состояла в борьбе за города. Но из указанных 50 тысяч, знавших итальянский, значительное большинство признавало, что Далмация – славянская страна.

В середине XIX в. и даже в 60-х годах часть горожан не имела ясного представления о своей этнической принадлежности, но в 80-х годах они уже считали себя хорватами, сербами или итальянцами. Такой результат развития, коротко излагаемого нами в последующих главах.

В 70-е годы XIX в. около 400 тыс. сельского населения Далмации владели всего 234,8 тыс. га земли, еще 900 тыс. га находились под пастбищами, болотами, кустарниками и т. п. Крестьянин юридически был свободен, но лишь меньшинство крестьян были свободными землевладельцами. Большинство составляли колонны (или “тежак”, “половник”) и кметы. Наиболее распространенные формы аграрных отношений – “далматинский” колонат и “дубровницкое” кметство, хотя колонат встречался и в Дубровнике и Боке, а кметство – в старой венецианской Далмации⁴. Кметы и колонны имели часть земли также в полной собственности. Земельные владения патрицианских семей достигали сотен, в отдельных случаях – тысяч гектаров (крупнейшим владельцем была семья графов Борелли).

Аграрные отношения – наследственная натуральная аренда на разных условиях – сложились в средние века и были характерны для огромного Средиземноморского региона, холмы на берегах теплого моря испокон веков отводились под виноградники и оливковые рощи. Традиционно земля принадлежала городскому верхнему слою. В Далмации колонат был распространен преимущественно на территории аквисто веккьо и вообще (исключения невелики) по побережью. В XIX в. по мере обеднения патрицианских семей земля постепенно переходила в другие руки, ее приобретали разбогатевшие капитаны, торговцы, ростовщики, священники, а также богатые крестьяне. Аграрные отношения в Далмации считались основанными на частном праве, поэтому французские власти в 1805–1813 гг. их не реформировали. Не затронула их и реформа в Австрийской империи в 1848 г. Крестьянская

масса, частично населявшая и города, осталась в экономическом подчинении до развала монархии Габсбургов. В Дубровнике в 70-х годах 27 патрициев владели 5,9 тыс. га, 21 “незнатная” семья – 1197 га и 13,7 тыс. га принадлежали крестьянам разного состояния. Вся эта земля была раздроблена на 55 тыс. парцелл. В отличие от колонов, обязанных только отдавать долю урожая (от 1/2 до 1/6 в зависимости от обычая, качества земли, вида выращиваемой культуры, возможной помощи инвентарем и т. п. со стороны землевладельца), обязанности кметов, кроме отдачи части урожая, были разными и более тяжелыми, так как кмет жил в доме, принадлежащем хозяину земли, пользовался его садом, пастбищем, лесом. Только за жильё кмет (до 1878 г.) отработывал 90 дней (“работа”, “служба”) на господских виноградниках, за сад приносил “дары” (куры, цыплята, яйца, козленок), за пастбище и лес – голову свиньи, ветчину. Дочери кметов прислуживали в домах патрициев.

В отличие от остальной провинции, аграрные отношения в Дубровнике считались основанными на публичном праве, и австрийские власти поставили их под контроль администрации (преторов). Именно натуральная повинность определяла аграрные отношения как феодальные. Отменены эти связи были лишь в Югославии в 1930–1931 гг.

В 1850–1856 гг. прежняя десятина в пользу казны была заменена поземельным налогом. Налог платил землевладелец, а колон возмещал ему 2/3 суммы, приходившейся на его участок.

Крестьянство вело упорную борьбу за превращение участков в собственность (“земля божья, а труд мой”), и с 60-х годов XIX в. конфликты с землевладельцами особенно участились. Велось множество судебных процессов. Современник назвал эту ситуацию “открытой войной”. Нищавшие крестьяне пытались сокращать повинности или вообще отказывались их нести. В связи с ростом численности сельского населения крестьяне, вопреки запретам землевладельцев, делили участки, доводя их до размеров парцелл, что крайне затрудняло контроль над ними со стороны владельцев. Крестьяне уходили в гайдуки, и по дорогам Далмации передвигаться было опасно из-за разбоев⁵. Это затрудняло даже работу почты.

Существовавшая система консервировала отсталость Далмации, тормозя развитие земледелия. Пытаясь выкупить повинности, крестьянин попадал в зависимость от ростовщиков. Ростовщичество приобрело невиданные в других землях Австрии масштабы. Но обычно самое большее, чего мог добиться крестьянин, это заменить прежние отношения простой денежной арендой, и очень редко – выбиться в собственники земли. Все-таки, хотя и очень медленно, буржуазные отношения развивались.

Ситуация осложнялась частыми засухами, неурожаями, болезнями виноградной лозы. Исключительно сильной была зависимость главной отрасли земледелия – виноградарства от внешнего рынка. В 50-х и 70–80-х годах объем производства и вывоза вина возрастал ввиду болезни лозы сначала в Италии, потом во Франции, а затем резко падал (когда Франция, оправившись, закрыла свои границы для импорта вина).

Продуктивность земледелия в Далмации была в два и более раза ниже, чем в собственно Хорватии (в денежном выражении с единицы площади). Каждый второй-третий год был голодным. В 1873 г. председатель сабора С. М. Любища отмечал, что уже в конце осени третья часть населения не имеет хлеба⁶. Божидар Петранович, известный деятель национального возрождения, считал, что в интересах земледелия и государства “донинешнюю систему” аграрных отношений следовало бы “заменить другой, лучшей и соответствующей новым указаниям земледельческой экономики”⁷. Но землевладельцам, какого бы происхождения они не были – от городского “племича” – патриция, до чиновника, священника, торговца, ростовщика и зажиточного крестьянина, – эта система полуфеодальной аренды была выгодна, и весь имущий слой за нее крепко держался. Поэтому отметим здесь же – всё национальное возрождение в Далмации прошло под знаком игнорирования аграрных отношений. Редкие робкие высказывания по этому поводу встречались как стремление расколоть и ослабить национальное движение – такова была его социальная основа. Аграрное перенаселение в 80-х годах вызвало значительную эмиграцию⁸.

После 1860 г., с наступлением эпохи либерализма, политические партии обычно накануне выборов давали те или иные обещания крестьянам, но все оставалось по-прежнему. Австрийская власть защищала права землевладельцев, отстаивавших существующий консервативный порядок. В этом отношении патрициат пользовался поддержкой обогатившейся буржуазии, приобретавшей землю, монастырей – давних владельцев земли, а также богатых крестьян, имевших колонов и кметов. По мере обострения ситуации в 70-х годах появился ряд сочинений, доказывавших полезность колоната и кметства для всего существующего строя имущественных отношений и угрожавших катастрофой при их отмене. Тем не менее, есть сведения о “плохих советчиках”, агитирующих за реформы и якобы обманывающих крестьян... Итак, далматинская буржуазия не нуждалась в свободном крестьянине – вплоть до времени более оживленного развития промышленности (с конца

⁶ В 1831 г. население Далмации составляло 338,4 тыс. человек, а в 1880 г. – 475,5 тыс. Население пополнилось на 137 тыс. в основном за счет крестьянства.

XIX в.). Находясь в экономической зависимости от городской и сельской буржуазии, крестьянин голосовал на выборах по ее указанию. Впрочем, правом голоса пользовались всего 12% крестьян. Без учета этих отношений не понять процесса национального возрождения и формирования наций в Далмации. Крестьянин подчас был вынужден политически поддерживать буржуазию, превращавшуюся в ведущую национальную силу.

Хорватский историк Н. Станчич обратил внимание на две значительно различавшиеся между собой в XIX в. и ранее зоны Далмации⁸. Загора (материковый восток), часть Приморья (Макарска) и долина р. Неретвы составили одну из них. Крестьянство здесь еще при османской власти несло пограничную службу и было свободно от повинностей феодалам. Верховным собственником земли была казна (государство). Это положение сохранилось и под властью Венеции. Французы отменили верховную собственность государства на землю, и крестьянин стал свободным собственником, оставшись им и при австрийцах. В районах “нового” и “новейшего” приобретения при венецианцах долго сохранялось самоуправление, были выборные или наследственные правители. Но и в этой сельской зоне возникли города, однотипные по социальной структуре приморским.

Все же население двух зон (первая – приморские города и острова, вторая – перечисленные три района, но в основном Загора) различалось по обычаям, сознанию, даже произношению (в первой зоне – чакавский диалект, во второй – штокавский с подразделением на икавский и иекавский).

Социальная дифференциация в “новых” и “новейших” районах также была велика, а масса крестьянского населения находилась в крайней бедности и темноте. Исстари здесь располагались имения монастырей и знати. В отличие от жителей побережья крестьяне Загоры выращивали хлеб и занимались животноводством. С отменой верховной казенной собственности французами крупные собственники ужесточили условия найма или сдачи земли в аренду. Таким образом, кроме свободных крестьян здесь были крестьяне, связанные с крупными именьями. Колонат встречался, но не как массовое явление.

Первая зона – область колоната. Это, как отмечалось, приморская, прибрежная полоса и острова. Впрочем, и здесь изредка встречалось свободное крестьянство.

Во второй зоне выдвигавшаяся при венецианской власти, часто заслугами в войнах, знатная верхушка села (сердары и др.) постепенно сливалась с патрициатом приморских городов, переселялась в эти города и приобщалась к итальянской культуре, тогда как население второй зоны оставалось без верхнего слоя. Его роль стали играть богатые

крестьяне, торговцы, францисканские монахи (в монастырях и как настоятели приходов), а также светское сельское духовенство (настоятели приходов).

Кроме сельского хозяйства (и соответствующих социальных структур) в экономике Далмации исключительное место занимало морское судоходство. Далмация играла роль транзитного перевалочного рубежа между морем и балканским тылом. Однако в условиях бурного развития мировой торговли караванные пути, сначала вообще закрытые австрийцами и вновь открытые в 1845 г., не могли иметь прежнего значения, и это сказалось на состоянии далматинских портов, оторванных от имперских центров. Крупнейшим портом Австрийской империи стал Триест, где в 1836 г. было основано привилегированное пароходное общество «Австрийский Ллойд». В 1849 г. сюда была протянута железная дорога из Вены. После 1867 г., в условиях австро-венгерского дуализма, ускорилось также развитие Риеки, порта в венгерской части монархии. В 1873 г. Риека была соединена железной дорогой с Будапештом. О конкуренции с ними далматинским портам, не имевшим железнодорожной связи с материковым тылом, нечего было и мечтать.

Парусный торговый флот Далмации базировался в основном в Дубровнике и Которе. На юге Далмации находились судостроительные предприятия, которые можно отнести к небольшим мануфактурам. Недостаток леса сдерживал судостроение и по его объему Далмация далеко уступала хорватскому Приморью, расположенному севернее и богатому лесом.

В третьей четверти XIX в. экономический подъем западных стран и стремительный рост мировой торговли способствовали расцвету далматинского судоходства. Но этот расцвет был связан не с местной, а с мировой торговлей. Так, например, далматинские быстроходные суда перевозили чайный лист из Индии в Лондон и т. д. В 70-х годах это судоходство пришло в упадок, не выдержав конкуренции парового транспорта. В 60-х – начале 70-х годов моряки активно поддерживали общественное движение в Далмации. Позднее судостроители и разбогатевшие капитаны вложили накопленные средства в землю либо перевели их в Триест и сами перебрались туда. Часть моряков эмигрировала в порты юга России (Одесса, Мариуполь, Таганрог, Новороссийск), в Ливорно, Марсель, Лондон, портовые города США. В Российской империи главным местом сосредоточения далматинских моряков стала Одесса, крупнейший порт по вывозу зерна.

Сохранилось описание быта далматинцев в Одессе. «В здешнем большом Обществе мореходства, торговли и железных дорог насчитывается более пятидесяти капитанов, все сплошь из хорватского Приморья и Далмации, в пароходной компании князя Воронцова также име-

ются наши сыны, а главный его управляющий г. Чингрия родом дубровничанин. К тому же – значительное количество наших моряков, торговых помощников, бухгалтеров и чисто хорватско-сербская гостиница “Прекрасная Далмация”, кофейня под названием “Югославянская кофейня” и винная торговля “Косово поле”. Здесь собираются главным образом хорваты и сербы, да и русские братья охотно составляют им компанию. Радостно видеть как в гостиницу “Прекрасная Далмация” собираются многие наши капитаны, а герцеговинский воевода г. Лука Вукалович*, играя на гусях, запекает песню. Нашему человеку тогда кажется, что он находится в родном краю»⁹.

В 1857 г. в промышленности, ремесле, торговле, в свободных профессиях вместе с рантье насчитывалось всего 11,4% активного населения¹⁰. В этих условиях города Далмации, их было 12, оставались небольшими. Только Сплит в 1874 г. насчитывал 11 тыс. жителей. Значительную часть населения городов и особенно пригородных местечек (варош) составляли крестьяне, те же колонны и кметы (изредка в приморской зоне – свободные крестьяне).

Сплит являлся наиболее значительным центром медленно расширявшегося внутреннего рынка Далмации. Здесь образовалась группа купечества, связанная с Боснией и активно проявившая себя во время национального возрождения.

По объему экспортной торговли Босния далеко отставала от западного (морского) направления. В 1878 г. наземным транспортом было вывезено в Боснию 10,3% вина, в Черногорию – 3,5%, в собственно Хорватию – всего 1%, а морем – 85%. Но через Далмацию направлялось в Боснию и Герцеговину (центром связей с Герцеговиной был Дубровник) большое количество товаров с Запада. Боснийская торговля оставалась жизненно важной для Далмации. Из Боснии привозили хлеб, которого в Далмации производилось недостаточно.

Кроме мореходства, базировавшегося в южных портах (Дубровник, Котор), в экономике главное место занимал округ Сплита, в котором было сосредоточено 42,7% населения Далмации или 173 тыс. человек (1857 г.). Здесь главное место в производстве в 60-х годах занимали вино и лес.¹¹

Около 1860 г., по отчету сплитской Торгово-промышленной палаты, имелось примерно сто производств, поднимающихся над уровнем ремесла, и 165 печей, в которых обжигали известь и кирпич. В Сплите в 1848 г. была основана фабрика кожевенных изделий с 10 рабочими, а в

* Л. Вукалович – руководитель нескольких восстаний в Боснии и Герцеговине против османов. Был вынужден эмигрировать.

начале 60-х годов имелись четыре красильни сукна и несколько других мелких предприятий. Попытка создания общества стимулирования промышленности не нашла отклика. В Задаре в 1868 г. было основано производство бутылок для вина. Сделаны были первые шаги в кредитном деле, в 50-х годах – неудачные. Участник национального движения Вид Морпурго в 1870 г. основал в Сплите Первый народный далматинский банк. Он стал опорой национальных кругов, но крайняя нехватка кредита сохранялась.

Состояние дорог оставалось одним из препятствий экономическому развитию. Из Боснии ежегодно по старым караванным тропам приходили в Сплит до 20000 лошадей с товарами, или 50–60 в день¹².

Деятель национального возрождения К. Войнович* отмечал: “Далмация лишь частица намного более широкого пространства, намного более плодородного... которое у нас в тылу, частица, отделенная от остального, не может развивать экономическую силу... как ветка, отсеченная от стебля...”

Будучи секретарем Торгово-промышленной палаты в Сплите, К. Войнович писал, что Далмация вынуждена ввозить почти все изделия перерабатывающей промышленности, давая взамен лишь вино и растительное масло. “Только теснейшая экономическая связь Далмации с пограничными славянскими провинциями Турции (т. е. с Боснией и Герцеговиной. – В. Ф.) даст картину того, чем может стать эта провинция, и опровергнет давнишние утверждения о ее бедности, изменит до сих пор неизбежное несоответствие между ее небольшим экспортом и значительно большим ввозом. Только это даст ей возможность приобрести то общественное и экономическое положение, что она заслуживает благодаря своему крепкому и благодородному населению и еще не использованным природным резервам”¹³.

Местное купечество мечтало о железных дорогах, однако, пока Босния оставалась в составе Османской империи, строительство такой дороги было неприемлемо для Вены; но и позднее (до 1918 г.) оно не было осуществлено, как и связь с Хорватией и Славонией. Этому препятствовали противоречивые интересы Австрии и Венгрии. В Далмации короткие железнодорожные линии в 1874–1877 гг. связали Сплит, Шибеник и Сиверич, где добывали уголь, в 1888 г. дорога достигла Книна. С такой “сетью” Далмация, оставшаяся изолированной от соседей, дожила до 1918 г. Но проектов крайне необходимых дорог с 50-х годов возникало немало.

* Косто Войнович – отдаленный родственник современного русского писателя Владимира Войновича.

По заключению хорватского историка И. Карамана, в 60–70-е годы накопление местного капитала происходило в торговом флоте дальнего плавания, путем вывоза местных продуктов и в посреднической торговле (море – Босния). Источники эти были ненадежны, подвержены колебаниям в зависимости от мировой конъюнктуры. Промышленная буржуазия до конца XIX в. практически отсутствовала. Австрийские власти не оказывали далматинской экономике поддержки, не учитывали ее интересы.

Живую характеристику положения Далмации дал русский консул в Дубровнике Константин Петкович. “Далмация представляет особенную политическую важность для Австрии только тем, – рассуждал К. Петкович в 1865 г., – что она приморская страна и имеет обширные и многочисленные порты, а потому правительство посвящает свои заботы исключительно поискам средств к тому, чтобы упрочить лучше и сохранить за собой эти выгоды, а все остальное, по-видимому, составляет для него второстепенное дело. Австрийское правительство истратило и тратит еще огромные суммы денег на укрепление далматинских портов и бухт, воздвигло множество фортов, крепостей, казарм и блокгаузов; но сравнительно оно не сделало почти ничего в продолжение своего 50-летнего владычества для развития и преуспевания страны в моральном, промышленном и торговом отношениях. Далмация... не может быть благодарна Австрии и за открытие новых источников торговли и промышленности, не имея по настоящее время ни заемных банков, ни других каких бы то ни было правительственных кредитных учреждений... При таком положении дела народонаселение Далмации не может быть искренно привязано к Австрии; кроме чиновников, все классы народа недовольны своей участью и громко выражают свои ропоты и сетования... в случае каких-нибудь важных политических потрясений, внутренних или внешних, неудовольствие народа легко может проявиться в неприязненных действиях, и тогда приморские укрепления, стоившие столько миллионов, едва ли окажутся достаточными для удержания Далмации в повиновении и спокойном состоянии”¹⁴.

Наряду с основными группами населения, о которых говорилось (крестьяне, землевладельцы, горожане), особое место – не по численности, а по исключительному влиянию – занимали духовенство и чиновничество.

* Большие гарнизоны, расположенные в Далмации, не имели тыла, стратегической глубины обороны. Высадка иностранных войск и крупные восстания в Боснии и Герцеговине могли изолировать их. Это тревожило австрийские власти и стало одной из причин стремления захватить соседние с Далмацией провинции.

Далматинец Нико В. Пуич заметил в 1872 г.: у нас есть только две стихии – чиновники и крестьяне.

Многочисленное чиновничество было либо итальянским по происхождению, либо италянизированным. Чиновники назначались в Далмацию из итальянских владений империи, а также в постепенно возрастающей мере и из местных уроженцев, получивших итальянское образование в местных гимназиях и итальянских университетах, особенно в Падуе, принадлежавшей тогда Габсбургам. Верхний слой чиновничества сближался по своему положению с патрициатом. Постепенно оскудевавшие знатные семьи, основное имущество которых состояло в земле, стремились обеспечить своим детям карьеру чиновника. Все чаще в служилую среду проникали выходцы и из зажиточных горожан.

Многие далматинцы во время учения забывали родной язык. Итальянский язык, кроме немецкого, был единственным официальным языком Австрии. Без знания итальянского поступить на государственную службу было невозможно. В стране, где промышленности почти не было, стать чиновником было мечтой людей, которым удалось получить образование.

Итак, кроме патрициата, лиц свободных профессий, моряков, торговцев, ремесленников и части духовенства население городов состояло из чиновников. Чиновничество было влиятельной силой, отстаивавшей статус-кво Далмации, борющейся против ее воссоединения с Хорватией и Славонией и против признания хорватского языка официальным. Чиновничий аппарат, созданный Австрией, контролировал Далмацию вплоть до мельчайшей клетки общества – общины. Территории округов состояли из районов (кóтар), а те – из общин. На уровне котаров суд был объединен с администрацией. В 70-х годах чиновников насчитывалось 2263, в том числе более 500 жандармов и примерно столько же школьных работников. В течение второй половины века численность чиновников росла.

Чиновничество – опора противников воссоединения хорватских земель, указывал К. Петкович, потому что введение славянского языка в управление привело бы к удалению из правительственных учреждений немцев и итальянцев, живущих вольготно. “Ни в одной австрийской провинции, – со знанием дела утверждал Петкович, – народ не угнетен так чиновниками, как в Далмации. Что же касается поитальянившихся славян-нечиновников, то они противятся соединению только потому, что с помощью нынешней бюрократии привыкли [жить] за счет бедного класса и опасаются последствий нового порядка вещей, который с освобождением славянского народного элемента выведет на сцену общественной деятельности новых людей с новыми началами и новыми стремлениями”¹⁵.

Итальянизированная бюрократия пыталась обеспечить свою монополию на власть. Однако славянское население в такой мере преобладало в Далмации, что сохранить свои позиции после 1860 г., когда начался решающий этап национального возрождения, итальянизированная бюрократия не могла. Проще было пойти по пути изучения хорватского языка, т. е. слиться с формирующейся нацией (что и сделала часть бюрократии). Но консервативный строй империи и социальная отсталость Далмации затянули процесс эмансипации славян.

Католическое духовенство Далмации было богатым и влиятельным. Этому способствовала тесная связь Австрии с Ватиканом до 1867 г. Духовенство состояло из двух групп: городского, итальянизированного и сотрудничавшего с властью (епископы, члены капитула, иезуиты, доминиканцы), и сельского, хорошо знавшего родной язык и по происхождению в основном бывшего простонародным. Это духовенство, духовная сельская интеллигенция (в основном францисканцы) – одна из значительных групп участников хорватского национального движения. Н. Станчич называет ее “народной интеллигенцией”, но при этом не имея в виду, что она выражала настроения массы крестьян. “Народная” она только потому, что не была итальянизирована и жила среди народа. Фактически после 1860 г. она представляла интересы новообразованного верхнего слоя (перечисленных выше групп, особенно зажиточного крестьянства, еще не порвавшего с крестьянством вообще).

В 1846 г. в Задаре издавались три газеты общим тиражом в 600 экз., поэтому священник оставался главным информатором населения. Католическое духовенство получало субсидии от государства, а настоятели приходов – многообразные сборы с крестьян натурой. У них всегда был запас продовольствия и в голодные годы помощь со стороны священника подчас спасала бедноту. Стать священником, т. е. обеспеченным человеком, было мечтой многих выходцев из сельских и городских низов, путь которым к светской карьере был закрыт.

Православная церковь (в 1871 г. – 144 священника и монаха или 11% всего духовенства) получила централизованную организацию еще при французах (епископство, консистория, семинария в Шибенике). Австрийские власти в 1841 г. перевели епископство в Задар. В 20–40-х годах были предприняты в целом неудачные попытки осуществить унию. Но православное население и подавляющее большинство духовенства оказали этому упорное сопротивление – дело доходило до кровопролития¹⁶.

Именно в это время укрепилось сербское национальное самосознание в Далмации, которое для того времени вернее было бы называть сербско-православным (за исключением значительной группы интелли-

генции – сербов-католиков в Дубровнике, сформировавшейся после 1848 г. и постепенно исчезнувшей только в XX в.).

В 1849 г. Франц-Иосиф провозгласил свободу вероисповеданий. Австрия перешла к политике распространения своего влияния в соседних землях Турции и в Черногории посредством поддержки православия. В 1873 г. с целью прочнее привязать православную церковь Далмации к Австрии та была изъята из ведения Карловицкой патриархии (Воеводина) и передана Буковинской митрополии в Черновцах (Буковина входила в состав Цислейтании).

Некоторые священники родом из Воеводины были ранними пропагандистами сербской национальной идеи в Далмации. Весьма известный из них Дж. Николаевич, долготелный редактор “Сербско-далматинского магазина”, был тайно связан с правительством Сербии.

Из свободных профессий особо значимой была карьера адвоката. Бесконечные споры из-за земли давали адвокатам надежный источник заработка. Нередко они становились землевладельцами.

В 1814 г. государственное начальное образование отсутствовало и австрийские власти начали его вводить. Учебники для первых двух классов начальных школ печатались параллельно по-хорватски и по-итальянски, но для 3–4 классов – уже только по-итальянски. В 1829 г. в Далмации имелись 33 начальные (основные) школы, в том числе в административных центрах – ряд “главных” школ с расширенной программой обучения. В 1839 г. было 55 начальных школ, в 1842 г. – 60, в 1845–1846 гг. – 151. В 1838–1839 гг. имелось итальянских школ – 13, двуязычных – 42, но с третьего класса все преподавание велось на итальянском. Школы стали рассадником итальянизации, но более 2/3 детей их вообще не посещало.

В средних школах господствовал итальянский язык еще со времени французской власти. В городах итальянский был языком общения и молодежь его быстро усваивала. Для облика интеллигенции это было важно, так как она пополнялась за счет выпускников гимназий. В 1817 г. были основаны три гимназии. Как отмечалось, за время учения гимназисты забывали родной язык или сохраняли его знание на бытовом (не литературном) уровне. В 1829 г. австрийские власти разрешили прием в гимназии только детей имущих горожан (аналог этому – более поздний приказ о “кухаркиных детях” в нашем отечестве). Это положение сохранялось до 1848 г.

За 30 лет (с 1814 г.) в Далмации на хорватском языке не было напечатано ни одной книги, предназначенной образованному слою (лишь в Дубровнике печатали классика эпохи Возрождения Ивана Гундулича). На хорватском печатались молитвенники и другая церковная лите-

ратура, но тогда же в Далмации было выпущено примерно 500 изданий на итальянском языке¹⁷.

В итальянских начальных школах хорватский язык преподавали как предмет, но на очень низком уровне. В сплитской гимназии хорватский стали преподавать с 1848 г., но всего два часа в неделю. За год до этого в сплитской семинарии с разрешения епископа Л. Пини стали читать евангелие по-хорватски. Евангелие было переведено с латыни Петром Кнежевичем в 1773 г. Перевод неоднократно переиздавался. В XVIII–XIX вв. издавалась на хорватском языке и другая духовная литература.

Это был язык А. Качича-Миошича. Далматинский францисканский монах Андрия Качич-Миошич опубликовал в 1756 г. в Венеции эпос “Разговор угодни народа словинскога” (“Приятный разговор славянского народа”)¹⁸. В 1818 г. в Буде вышло первое кириллическое издание – для сербского читателя. Латиницей Качич был переиздан в Задаре в 1846 г. Автор рассказывал об эпизодах борьбы южнославянских властителей и героев против османских завоевателей. Как по языку, так и по содержанию его сочинение было рассчитано на понимание широких слоев населения, на просвещение народа. “Разговор”, написанный икавицей, действительно стал народной книгой для чтения – в основном его читали вслух монахи и священники, а случалось, и пастухи на пастбище окружавшим их детям. Произведение неоднократно переиздавалось (второе издание вышло уже в 1759 г.) и распространилось по всему Балканскому полуострову. Его список найден в болгарском монастыре на Афоне. Качич считал югославян независимо от вероисповедания единым народом – “словинцами”. Этот этноним (как национальное наименование) был воспринят далматинскими деятелями национального возрождения спустя век после выхода сочинения Качича, так как, с одной стороны, соответствовал действительному сознанию небольшой части населения, с другой же потому, что соответствовал тогдашней общественной задаче: сплотить югославян Далмации в борьбе за права родного языка и добиться соединения Далмации с собственно Хорватией (кстати, это было бы и наиболее радикальным способом защиты прав языка).

То обстоятельство, что господствовавшие сословия были итальянскими или итальянизированными, означает, что далматинские славяне не обладали полной социальной структурой (исключение составляла часть церковной иерархии, ощущавшей себя славянами, и частично аристократия Дубровника). В начале книги уже говорилось о типологическом различии развития народов с полной и неполной социальной структурой позднефеодального общества. Ко второй группе народов приложимо понятие национального возрождения. Сверх общей харак-

теристики этого явления, имеющейся выше, отметим, что под ним подразумевается процесс – и соответствующий период – оживления национальной жизни: интерес к своему народу, его истории, языку, формирование литературного языка, распространение национального сознания, появление организованных форм движения (создание обществ, издание журналов и газет, учреждение типографий и других национальных очагов вроде славянских матиц в Австрийской империи и т. п.), наконец, начало политического движения с определенной программой – прежде всего, требованием признания прав родного языка, объединения национальных территорий, национального равноправия, далее – прав человека и т. д. Обычно национальное возрождение продолжалось несколько десятилетий в эпоху развития капитализма. Для подъема или завершения национального возрождения много значила революция 1848 г. в Австрии и период реформ (50–60-е годы). В странах с полной позднефеодальной структурой – Польша, Венгрия – (и относительно этих стран) термин “национальное возрождение” не применяется, так как они не переживали такого упадка культуры, как другая группа народов. Хорваты в этом отношении занимали промежуточное положение: в собственно Хорватии был свой феодальный класс, но имела место длительная раздробленность территории и утеря национального господствующего класса в большинстве земель.

Постепенное расширение круга образованных лиц в 30–40-х годах XIX в. привело к появлению в Далмации слоя италоязычной интеллигенции, не признававшего себя итальянцами. Его представители ощущали себя славянами (точнее, югославянами) и далматинцами или “слово-далматами”, т. е. свое областническое сознание большинство этих людей воспринимали как сознание национальное, другие видели нацию в южных славянах в целом, они считали себя представителями славянской нации – “словинской” на местном говоре (под словинцами имелись в виду южные славяне). Наряду с ними уже имелись люди, признававшие себя хорватами, а считавших себя сербами было много, так как церковь отождествляла принадлежность к православию и сербскому народу (“сербско-православная церковь”). (Об отсутствии такой национальноинтеграционной роли для хорватов у католической церкви говорилось в части первой, в разделе о хорватах.)

Начало национального возрождения в Далмации, повидимому, связано не столько с социальными сдвигами, которые с 1815 г. по 30-е годы не были существенными, сколько с влиянием интенсивно развивавшегося сербского (в Воеводине и Сербии) и хорватского (илиризм) национального сознания.

Уже в 1823 г. дубровничанин А. Казначич в своих стихотворениях напоминал о “едином небе” и едином языке югославян, с развитием

которого “будет расцвётать и славянская слава”. За год до этого Никола Якшич в честь дня рождения императора опубликовал в Задаре итальянские стихи, в которых, однако, призывал петь гимны “славянской музе, дочери славы” на “золотом родном языке”. В 1825 г. была опубликована народная песня о “славном хорватском народе”. В 1843 г. францисканец Д. Фабьянич (по-видимому, под влиянием иллиризма) в книге, вышедшей в Венеции, писал о старых далматинских поэтах, прославлял “иллирский язык”. Таким образом, даже не нить, а скорее пунктир национальной культуры на родном или итальянском языке в годы меттерниховской реакции не прервался.

Среди первых проблесков национального возрождения выделяется изданный в Карловаце, одном из центров иллирийского движения в Хорватии, “Сербско-далматинский альманах” (1836), с 1838 г. – “Сербско-далматинский магазин” (выходил в Задаре). Составителем его был юрист Божидар Петранович (1809–1874). Здесь раздавались призывы к национальному пробуждению. Характерно, что инициатива издания зародилась в сербских кругах. Б. Петранович вырос в семье торговца в г. Шибенике, в Далмации. Еще в 20-х годах он был членом студенческого клуба в Граце, где познакомился с Л. Гаем, будущим лидером иллиризма в Хорватии (1835–1848 гг.) и участвовал в составлении программы этого движения. В конце 20-х годов Петранович был членом общества сербских и хорватских студентов под названием “Српска влада” (Сербское правительство). Вернувшись в Шибеник, он собрал вокруг себя группу сторонников иллиризма, пропагандировал среди “славянских далматинцев” загребские издания. Петранович, несколько преувеличивая, утверждал, что издания Л. Гая (“Даница”, “Новине”) “сотворили чудо между иллирами римской церкви” в Далмации, эффект же между “иллирами восточной церкви” был невелик. Но характерно, что католиков и православных, родственных по языку, Петранович, в духе Гая, объединял, называя иллирами.

Б. Петранович редактировал “Магазин” в течение первых шести лет (1836–1841 гг.). Его сменил православный священник Джордже Николаевич. Оба они являлись членами Общества сербской словесности в Белграде (с 1842 г.). “Магазин” был литературным и общественно-историческим изданием. Кроме художественных произведений в нем печатались тексты по истории венецианской Далмации, Дубровника, Боки, Черногории, Боснии и Герцеговины, Хорватии и Славонии. Среди подписчиков были общественные деятели Воеводины и собственно Хорватии – сербы и хорваты. Печатались в “Магазине” и православные, и католики. Петранович, как отмечалось, давно был связан с лидером иллиризма Л. Гаем. Характерно, что издание Петрановича появилось вскоре после газеты Гая. Хотя в Далмации уже имелись сторонни-

ки иллиризма, в частности сторонники идеи объединения хорватских земель, связи с собственно Хорватией были невелики. В 1839 г. деятель иллиризма С. Враз сожалел, что “Далмация от нас так далека”...

Сербское национальное самосознание Петрановича и Николаевича несомненно. Когда власти перевели Б. Петрановича служить на о. Вис (в чисто хорватскую среду), он жаловался, что “мало слышит о милом сербстве”. Дж. Николаевич переселился в Дубровник из Срема – этого центра сербской национальной мысли. Николаевич стремился развить национальное самосознание у далматинских сербов, вместе с тем пропагандируя веротерпимость и сотрудничество с иллиризмом. Уже в первой статье он призывал нарождавшуюся сербскую буржуазию, особенно молодых торговцев Далмации, покупать сербские книги и тем помогать развитию сербской культуры. Он опубликовал ряд материалов дубровницкого архива, освещающих историю Далмации и, в частности, православной церкви.

Николаевич избегал всего, что могло повредить сербско-хорватским отношениям. “Не ненавиждь своего брата из-за его веры”, – писал он и в 1848 г. призывал всех людей “славянского происхождения” не допустить торжества италянизации области. При этом он приводил пример успешной борьбы венгров за права родного языка. Николаевич подчеркивал, что еще в XV в. администрация Дубровника пользовалась “славянским языком”. Итак, когда речь шла о языке, Николаевич, осознавший себя сербом, писал о “славянах” Далмации. Уже в это время перед югославянами Далмации ставилась общая задача. Но, как оговаривается хорватский историк, “Сербско-далматинскому магазину” “при всем его иллиризме была присуща чрезвычайно подчеркнутая православная нота”¹⁹. Таким образом, политика объединения югославян Далмации осуществлялась в сербских интересах. Так бывало всегда: пропаганда югославизма имела успех, когда она была направлена на достижение общих, временно совпадавших целей разных югославянских народов. При этом югослависты прежде всего учитывали интересы своего народа (как они их понимали).

В 1844 г. хорват Антун Кузманич начал издавать в Задаре на родном языке (далматинской икавицей) журнал “Зора далматинска” (“Далматинская заря”)²⁰. Его читателями могли быть в основном сельские священники и монахи францисканских монастырей, хорошо знавшие язык. Начинание Кузманича поддержал офицер задарского гарнизона Петар Прерадович – в будущем выдающийся хорватский поэт югославистского направления. В первом выпуске журнала он опубликовал прославившее его стихотворение “Блестит заря, настанет день” (“Зора пуца”). “Зора” пропагандировала идеи совершенствования и

широкого применения родного языка: Далмация – хорватская земля и в ней должен господствовать хорватский язык. “Зора” сразу нашла 746 подписчиков, что в тех условиях значило много. Характерно четкое хорватское самосознание Кузманича. С появлением “Зоры” условно датируется начало хорватского национального возрождения в Далмации.

Языковая проблема хорватов в 40-е годы XIX в. сложна. Важной причиной неприятия А. Кузманичем языковой политики иллиризма, о чем он сообщал лишь близким друзьям, были опасения перед языковым слиянием с сербами. Это означает, что у икавца Кузманича, который неоднократно подвергался критике со стороны самих хорватов за “далматинский сепаратизм” (центром процесса формирования нации являлась собственно Хорватия во главе с Загребом), проявилась иная, чем у иллиризма, черта складывавшейся национальной идеологии – отталкивание от соседей сербов. Подобное явление – обособление от соседей, стремление оградить свои позиции, сосредоточение внимания на внутренних связях – характерно для любой складывающейся нации в Центральной и Юго-Восточной Европе. Но Кузманич считал Далмацию – как древнее ядро хорватов – наиболее подходящим центром формирующейся нации, что противоречило уже развивавшемуся процессу. Кроме того, он сужал границы хорватов территорией распространения икавицы, присущей только части католических югославян*.

Иллиризм же жил духом экспансии, мечтая не только о включении в состав хорватов всего населения Триединого королевства – католиков и православных, но также о постепенном длительном культурном сближении и последующем слиянии южных славян в один народ под наднациональным наименованием “иллиры”. Кроме того, сближением с другими югославянами иллиры решали конкретную задачу противостояния политике мадьяризации Хорватии.

Вслед за А. Кузманичем в Далмации выходило на общественную арену молодое поколение, сделавшее шаг вперед в формировании национальной мысли. Так, Миховил Павлинович (1831–1887), будущий идеолог национального движения, и его сверстники в 16–17 лет, т. е. к 1848 г., стали ощущать европейскую атмосферу, пропитанную национальными идеями, задумываться о славянском этническом составе Далмации и господстве итальянской культуры – о противоречивости, неестественности этой ситуации. Знание итальянского языка при этом сыграло положительную роль.

* Имеются в виду католики, пользовавшиеся тремя диалектами – штокавским, кайкавским и (в небольшой мере) чакавским.

В собственно Хорватии – ядре хорватской нации – проблема присоединения Далмации в первой половине XIX в. была одной из перво-степенных; пожалуй, она следовала непосредственно за требованием присоединения территории Хорватско-славонской военной границы. Хорватский сабор поднимал этот вопрос в 1825, 1830, 1845 и 1847 г.²¹ Утверждение о хорватской (илирской) принадлежности Далмации – в рамках Триединого королевства – выдвигалось как один из принципов илиризма после 1835 г. Но и до илиризма хорватские публицисты не упускали из виду Далмацию, ссылаясь при этом как на историческое, так и на естественное право. Особенно богатым в этом отношении был 1832 год.²² Людевит Гай в стихотворении “Согласие и объединение хорватов” упоминал Далмацию, Славонию и Истрию в числе хорватских земель (правда, наряду со словенскими областями и Боснией). Немало внимания уделил Далмации в латинском сочинении “Гений отечества над своими спящими сыновьями” Иван Деркос. Граф Янко Драшкович в этапном для развития национальной мысли и публицистики напутствии хорватским депутатам государственного собрания Венгерского королевства (“Диссертация”) развернул программу распространения хорватской государственности под сенью Габсбургов. Далмация занимала здесь первое место. “Надейтесь, что Далмация однажды будет с нами объединена, как это было раньше, и тогда мы будем единокровным народом в два миллиона человек”²³.

Но все эти призывы и сочинения вплоть до 40-х годов XIX в. встречали весьма слабый отклик в Далмации; национальные идеи имели здесь незначительное распространение, да и режим Меттерниха им не благоприятствовал.

Кроме того, языковая, а частично и национальная отчужденность верхних слоев – патриархата, высшего католического духовенства, богатой части горожан и большинства интеллигенции – от массы крестьянства в бывшей венецианской Далмации (на территории бывшей Республики Дубровник и Боки Которской это проявлялось в меньшей мере) создавала уже знакомую ситуацию народности с неполной социальной структурой. Мы уже говорили, что такие народности (или, как в Далмации, части хорватской и сербской народностей) обычно запаздывали в идеологическом и политическом развитии по сравнению с

²¹ Идеи Л. Гаия и Я. Драшковича в 1832 г. в сущности содержали программу “Великой Хорватии”, хотя бы (у Драшковича) под названием “илирического” королевства. Осознание непреодолимых трудностей не только политического, но и идеологического характера на пути к этому побудило обонх ведущих деятелей Хорватии выступить с программой илиризма – сплочения южных славян, сохраняющих свои этнонимы, под “надплеменным” наименованием.

народами, обладавшими своим господствующим сословием²³. Это отставание ликвидировалось по мере становления национальной буржуазии и развития культуры. Объективно задачей главного этапа национального возрождения в Далмации (после 1860 г.) и была ликвидация этого отставания, т. е. привлечение индифферентных в национальном отношении и даже враждебных процессу складывания хорватской нации верхних городских слоев к участию в этом процессе* (у сербов ввиду различия в религии не было значительной италиянизации). Другой задачей было развитие национального самосознания широких слоев города и деревни. В этом особую роль сыграли школа и духовенство.

События 1848 г. едва коснулись окраинной и не готовой к ним Далмации²⁴. “Зора далматинска” приветствовала провозглашение императорского патента, содержавшего конституционные гарантии, писала о необходимости оживить в простом народе национальное чувство. “Одна крупная причина тягот нашего народа – господство итальянского языка... Славянский дух, славянский язык, славянская теория охватывают всю Далмацию, и мы, сами исстари настоящие хорваты, от своих соседей можем получить поддержку”. Журнал закончил здравницей императору и “нашей хорватской народности”. В Далмации созывались общинные собрания, была создана национальная гвардия. Императорские указы печатались на двух языках. Наместник разъяснял, что конституция это порядок, а не анархия, что обязанности перед государством должны исполняться. По многоступенчатой системе Далмация избрала 15 депутатов конституционного собрания в Вене.

Между тем города собственно Хорватии, начиная с Вараждина, посылали обращения к императору, ходатайствуя, в частности, о присоединении Далмации. Загреб указывал, что Далмация – хорватская “по закону, истории и народу”. Собрание общественности в Загребе 25 марта 1848 г. сформулировало “Требования народа”, среди которых было “прочное и новое соединение во всяком смысле нашего, по закону и истории нам принадлежащего королевства Далмации...”²⁵. Предлагалось, чтобы хорватский государственный сабор заседал ежегодно по очереди в Загребе, Осиеке, Задаре и Риеке. Загреб обратился к далматинским общинам с призывом поддержать эти требования, имея в виду, что далматинцы “один народ с нами”. В большой статье деятель иллиризма Богослав Шулек отмечал, что “доныне в Далмации только тот мог выдвинуться, кто знал итальянский, отныне тот будет управлять, кто знает далматинский (хорватский), кого родила мать славянка”.

* Итальянские и италиянизированные круги, не прошедшие этот путь, в последней трети XIX в. стали небольшим итальянским национальным меньшинством в Далмации.

2 декабря 1848 г. император назначил бана Елачича также управляющим Далмацией, и это поддержало слабые надежды на объединение.

Хорватский сабор, заседавший в Загребе с 5 июня по 9 июля 1848 г. как “сабор Хорватии, Славонии и Далмации”, выдвинул требование присоединения Далмации аналогично собранию в Загребе 25 марта.

Но назначение Елачича было одним из маневров, к которым австрийские власти вынуждала обстановка. Вена не намеревалась выпустить управление Далмацией из своих рук или создать крупный комплекс славянских земель на юге монархии, или усилить Венгрию (если бы Хорватия находилась в ее составе). Впрочем, министр Ф. Стадион уже вскоре заявил, что управление Далмацией останется прежним.

Далматинские сербы поддержали идею присоединения Далмации к собственно Хорватии. Это соответствовало политике Сербии и сербского движения в Воеводине, противостоявшего венгерской власти. Черногорский митрополит П. Негош также выступал за сплочение югославян монархии Габсбургов. Далмацию объехал агент сербского князя Матия Бан, всюду призывая к воссоединению. Новое политическое образование могло явиться щитом против немецких и венгерских притязаний.

В отличие от собственно Хорватии, обладавшей не только своим официальным представительством – сабором, но и организованным политическим движением, Далмация не имела ни того, ни другого. Общественное мнение здесь выражали общины. Подавляющая их часть, провозгласив лояльность монарху, просила о расширении своих прав. Большие надежды при этом возлагались на австрийскую конституцию от 25 апреля 1848 г. Далматинцам впервые было предложено послать представителей в имперский парламент. Большинство политически активных лиц настаивали на автономии Далмации в пределах Австрии и признании итальянского языка официальным. Во главе этой группы находились общинные управы наиболее крупных центров Далмации Сплита и Задара. Решающей силой в Далмации оставались чиновники и патрициат. При попустительстве правительства они препятствовали воссоединению. С другой стороны, некоторые общины высказывались за предоставление прав славянскому языку и соединение Далмации с Хорватией и Славонией²⁶.

Несмотря на австрийскую итальянизаторскую политику, славянское сознание, как отмечалось, в большей мере сохранилось в Дубровнике. В 1848 г. здешняя итальянская газета печатала отдельные статьи на хорватском языке, другая (“Аввенире”) призывала к федеративному устройству Австрии, славянскому братству, присоединению Далмации

к собственно Хорватии. В 1848 г. Дубровник был центром югославистских настроений в Далмации.

В 1848 г. среди интеллигенции, проповедовавшей идеи межславянского единения, были Божидар Петранович и Степан Ивичевич. Первый считал, что только объединение с Хорватией обеспечит развитие национальной культуры в Далмации. “Зора далматинска” А. Кузманича была единственным изданием в “старой” Далмации (т. е. без Дубровника и Котора), выступившим за соединение. Но среди сторонников соединения преобладало мнение, что для развития “торговли и национальности” важнее всего создание политического комплекса – Далмация, Босния и Герцеговина. Именно Босния была важна для далматинской торговли, с Хорватией же связи были незначительными²⁷.

Характерна аргументация собрания представителей общин Боки, состоявшегося 13 июня 1848 г. Собрание ответило сабору Хорватии, что жители Боки – не далматинцы, но Бока – присоединенный к Далмации округ, и что Далмация вместе с Бокой “по положению, истории, языку и племени” относится к “многочисленной славяно-сербской народности”. И если “славяносербские, то есть югославянские, государства соединятся воедино под императорским щитом, Бока Которская, без сомнения, не станет возражать против вашего желания относительно объединения”. Но пока Хорватия подчинена венгерской короне, бокельцы не станут ради соединения “жертвовать независимостью нашей народности, признанной в новой конституции Австрийской империи”. Наоборот, было бы лучше, если б Хорватия и Славония присоединились к “новой конституционной жизни” в составе Австрии²⁸. Так что “согласие” было весьма проблематичным.

В этом обмене посланиями сказался тот факт, что Загреб предлагал объединение не только старинной хорватской Далмации, но всей австрийской провинции Далмации, куда входили Дубровник и Бока Которская (а в Боке большинство составляли сербы, и она тяготела географически и экономически к Черногории). Таким образом, стремление Загреба объединить “Триединое королевство” в целом не встретило в Далмации значительной поддержки.

Часть итальянской и итальянизированной интеллигенции с сочувствием следила за развитием революции в Италии. Появилось даже стремление к восстановлению власти Венецианской республики, провозглашенной в городе св. Марка 22 марта 1848 г. Значительного отклика эта агитация не имела. Но она усилила сопротивление идее воссоздания Триединого королевства в рамках конституционной Австрии.

В 1848 г. в Далмации проявились две основные политические линии, борьба между которыми широко развернулась в 60-х годах: за автономию Далмации в составе Австрии или за присоединение к Хор-

ватии. Посылка депутатов в парламент в Вену, как этого требовали австрийская конституция и двор, а не в хорватский сабор в Загреб, свидетельствовала о незрелости национального движения, о господстве сил, лояльных правительству (и прежде всего защищавших корыстный интерес меньшинства далматинцев). В 1848 г. в Сплите был сформулирован тезис, что Далмацию населяют только далматинцы (“не итальянцы и не славяне”). Такая формулировка не получила распространения, и в дальнейшем италофилам и противникам национального движения пришлось выдвинуть новую формулу: далматинцы представляют собой особый славянский народ (“славо-далматы”) с итальянским литературным языком.

В 1849 г. уже ощущалось наступление абсолютизма и общественное настроение в Далмации переживало упадок. Перестал выходить ряд изданий на итальянском языке, проведовавших либеральные взгляды, а также (временно) “Зора далматинска”. Да и неудача иллиризма выдвигала вопрос, в каком направлении действовать?

Главный результат событий 1848 г. – появление в Далмации славянскоориентированной группы интеллигенции, которая в последующее время увеличивалась. Обнаружилась пока что слабая тенденция к воссозданию Тринединного королевства. Этой тенденции способствовала политика Сербии, которая поддерживала идею сплочения сил австрийских и венгерских югославян. Наконец, в Далмации выявилась часть городского населения, которая воспринимала события в Италии как свое родное дело. Это было не просто сочувствие либеральных кругов делу свободы и единения Италии, а чувство национальное: в Далмации формировалось итальянское национальное меньшинство.

Еще в 1846–1850 гг. в сплитской семинарии существовал кружок “побратимов”, члены которого интересовались национальной проблематикой. В 1849 г. он шутливо назывался “регIMENT Не бойся*”, возглавлял его Миховил Павлинович. Это была первая организованная группа в подготовительной фазе национального движения. В нее входили в разные годы более двадцати человек. Большинство в дальнейшем связали свою жизнь с церковью, а некоторые проявили себя в разных сферах гражданской деятельности (адвокат, литератор, директор музея, политический деятель, директор гимназии и т. д.).

Поколение Павлиновича вырвалось из рамок провинциального далматинского мышления. На него до 1848 г. повлияли идеи иллиризма, распространявшиеся из Загреба. Эти идеи живо обсуждались. Таким образом, возникло определенное единство возрожденческих идей в

* Регимент (нем.) – полк.

собственно Хорватии и Далмации, хотя масштабы и уровни движения весьма различались. Семинаристы издавали рукописные “Школьные новости”, где печатали свои стихотворения и прозу. Они старались разговаривать между собой не только по-итальянски, но и похорватски (что было отмечено начальством²⁹), изучали родной язык по “Зоре”, изданиям иллиров, переизданиям дубровницких классиков, эпосу А. Качича-Миошича.

Среди части учащихя католических клириков в начале 50-х годов существовал культ Сербии как свободной страны, которая начала проводить политику собирания югославянских земель. На их настроения повлияла неудача хорватского иллиризма и победа реакции в Австрии, большое впечатление производили сочинения В. С. Караджича. Так, М. Павлинович, подзабывший родной язык, усиленно учился ему у крестьян и штудировал знаменитый “Словарь сербского языка” Караджича, первое издание которого вышло в 1818 г. На этот словарь Павлинович обратил внимание своего приятеля Натко Нодило (1834–1912), будущего первого редактора национальной газеты, выходившей на итальянском языке. В переписке Павлиновича с Нодило первой половины 50-х годов говорилось о сербском языке и применялась кириллическая графика. В 1854 г. Нодило извинялся перед Павлиновичем за то, что пишет ему по-итальянски, а не по-сербски. Группа Павлиновича писала кириллицей до 1854 г., а некоторые ее члены и позднее. Противопоставления “серб” и “хорват” у них не было, в начале 50-х годов они воспринимали учение В. С. Караджича о “сербях всех трех вероисповеданий”. Они были склонны признать и тезис Караджича “сербы все и всюду”, обозначавший, что все югославыне, говорящие на штокавском диалекте, составляют единый сербский народ от Южной Венгрии до Адриатического моря и Македонии. Таким образом, группа католических клириков не только воспринимала Сербию как центр южного славянства, но и сербскую национальную идею. Несколько молодых людей в 1851 г., и в их числе Павлинович, мечтали отправиться в Сербию и стать там “учителями, литераторами, полководцами, торговцами, чтобы освободить народ”³⁰.

Но к 50-м годам, особенно ко второй их половине, относится быстрое распространение среди югославян-католиков этнонима “хорват” как национального наименования, в противовес прежнему его значению как областного названия³¹. В самой Хорватии это происходило уже в 30–40-х годах³². В 50-х годах это наблюдалось как в Славонии, так и в Далмации, несколько позднее в Истрии, а в Боснии и Герцеговине преимущественно после 1878 г.

В годы абсолютизма молодежь могла применить свои силы лишь на поприще культуры. Учащиеся записывали народные слова и песни.

Позднее, когда в Загребе начала деятельность Югославянская академия наук и искусств (1867 г.), Павлинович переслал ей большой список “хорватских слов”, услышанных от “мужиков” (как он писал). В Далмации читали загребские издания, знакомились со старой далматинской литературой. Во время Крымской войны власти считали, что эта деятельность отдаёт политикой. Павлинович был на примете у полиции как “панславист” и его письма просматривались.

Когда к середине 50-х годов Павлинович и его друзья оставили сербскую идею, они перешли к мысли о культурном объединении южных славян под “новым”, а именно славянским (словинским) наименованием.

По мнению современного хорватского историка Н. Станчича, концепция В. С. Караджича о разделении югославян по языковому (диалектному) признаку оставила большой след в умах будущих либеральных деятелей 60-х годов (“городской интеллигенции”, по классификации Станчича). При этом имелись в виду не нации, а “племена” в рамках единой югославянской нации. Впрочем, выскажем предположение, что, как ранее и в собственно Хорватии, по крайней мере часть либеральной интеллигенции Далмации в действительности воспринимала хорватское национальное самосознание, а ее славизм (точнее, югославизм) определялся политическими условиями, задачей совместной с сербами борьбы за славянизацию общественной и политической жизни Далмации, т. е. применение родного языка во всех сферах жизни и вытеснение итальянского. Разумеется, в переходный период единства взглядов среди либеральной интеллигенции не было: одни раньше осознали свою принадлежность к хорватам, другие какое-то время искренно считали себя славянами (югославянами), применяя этот термин как национальное наименование.

Предыдущие поколения этой “городской” или буржуазной интеллигенции в основном итальянизировались уже во время учебы в Далмации и тем более в Италии, где они получали высшее образование. С поколением 50-х годов было иначе. Знакомство с идеями иллиризма, малозаметные, но неуклонные сдвиги в структуре далматинского общества сделали свое дело. Внимание к своему народу становилось все более пристальным. Торговая среда проявляла интерес к родному языку, да возрастало и стремление не казаться народу чужаками и засыпать языковую пропасть между городом и селом. Обстановка Рисорджименто, окружавшая далматинскую молодежь в Италии, влияла в том же направлении. П. Чингрия, Г. Булат, М. Клаич, В. Милч и др. восхищались общественным движением в отдельных итальянских государствах, его стремлением объединить страну, были знакомы с программой Дж. Мадзини и передовыми либерально-демократическими

общественными идеями Западной Европы. Они проникались мыслью, что такого же национального единства, какого добивались итальянцы, несмотря на политическую раздробленность и наличие диалектов, можно достичь у себя на родине и создать большую сильную югославянскую страну. Михо Клаич, будущий лидер национального движения в Далмации (1829–1896), в 1848 г. вернувшийся в родной Дубровник из Италии, где работал его отец, надел кокарду иллиров. Ловро Монти, забывший родной язык, учась в гимназии в Далмации, стал изучать его, находясь на учебе в Италии. Он был свидетелем поражения австрийских войск и их ухода из Милана в 1859 г. Натко Нодилю, также забывший родной язык во время учебы в гимназии, изучал его в богословском училище, а перейдя в венский университет (занимаясь там историей и географией), не забывал о занятиях родным языком, который первоначально давался ему нелегко. Хотя часть далматинцев продолжали вместе с великой культурой Италии воспринимать итальянскую национальную идею, в конце 50-х годов сформировалась значительная группа интеллигенции, готовая к деятельности на поприще национальной (югославянской) культуры и политики. Это была разная по происхождению (так, Перо Чингрия происходил из семьи богатого дубровницкого землевладельца, а родителями Натко Нодилю были простой моряк и портниха), но буржуазно-либеральная по складу мыслей интеллигенция³³.

В целом 50–60-е годы – время дифференциации ранее национально не определившихся югославян на хорватов и сербов. В основном этот процесс имел определенные очертания: католики, как правило, причисляли себя к хорватам. Но в некоторых случаях решающее значение для самоотнесения к тому или иному народу приобретали политические симпатии – к Хорватии или Сербии. В семьях происходили споры: отец мог считать себя сербом, а сын хорватом и наоборот. Соответственно люди меняли конфессию, хотя встречались сербы-католики и православные хорваты* (даже священники). Эта ситуация отразилась в признании адвоката и историка права Косто Войновича: “Родом я серб, по политике – хорват, а по вере – католик”. Войнович происходил из старинного черногорского рода, но решающим обстоятельством в его самопричислении к хорватам явилась “политика”. Правда, к тому же он получил в детстве строго католическое воспитание.

Речь шла о приверженности сербской или хорватской государственной национальной идее. Вопрос приобретал конкретный харак-

* Русский консул в Дубровнике в 1870 г. назвал наместника Далмации генерала Г. Родича “православным хорватом”³⁴. Сербские же публицисты называли его “сербом-граничаром”.

тер: объединяться вокруг Белграда или Загреба? Эта приверженность к определенной государственности казалась решающей и в начале XX в. (Пример рассуждений Антуна Радича мы приводили в тексте, посвященном формированию хорватской нации).

Но вернемся к идейно-политическим направлениям в Далмации. Наряду с “городскими либералами” существовала “народная” (по Н. Станчичу) или сельская интеллигенция, состоявшая преимущественно из духовенства (М. Павлинович и др.). От увлечения сербской идеей ее представители также обратились к югославизму. Но Павлиновичу рано было присуще понимание существования хорватской общности (в рамках югославянской) с ее тремя диалектами и разными говорами. В этом его убеждали хорошее знание родного языка ввиду постоянных контактов с крестьянами, да и знакомство с деятелями Хорватии и Славонии.

С 1853 г. Павлинович почти постоянно жил в селе Подгора (Макарское приморье), погрузившись в стихию родного языка. Восприятие им и его сторонниками этнонима “хорват”, возможно, было связано с собиранием народных слов и песен. Он убедился в том, что в народе распространен этноним “хорват” и что местный язык несколько отличается от типа, представленного в произведениях Караджича. Уже в 1854 г. Павлинович в письме к Нодилю (еще написанном кириллицей) высказал мысль о необходимости нового словаря, об особой литературе, отличной от той, что основана на изысканиях Караджича (он писал о собранных словах: “Много моих мыслей бьется о них”)³⁵. Кроме Югославянской академии наук и искусств, о чем уже говорилось, Павлинович передал собранный материал также Д. Паричичу, который в 1874 г. издал в Задаре “Славянско-итальянский словарь” (фактически хорватско-итальянский), причем слова, собранные Павлиновичем, были помечены “П”. Повидимому, еще ранее Павлинович ощутил наличие хорватской общности в рамках южного славянства.

Павлинович, став священником, начал настойчиво возрождать глаголическое богослужение³⁶. До 1821 г. в Далмации подготовка священников для италянизируемых городов и для сел в задарском богословском училище осуществлялась отдельно. Первые готовились вести службу на латыни, вторые – на старославянском языке. Позднее преподавание хорватского и старославянского языков сохранилось лишь в качестве предметов. С 30-х годов глаголическое богослужение поэтому стало исчезать, и в 50-х годах этот процесс почти завершился. Но так как в Далмации глаголица никогда не была запрещена официально, возрожденческое поколение стало к ней возвращаться. Для Павлиновича глаголица была подтверждением самобытности славянской культуры в Далмации, важным культурным наследием и вместе с тем сред-

ством усиления воздействия на прихожан. С 1855 г. он никогда не говорил в церкви на латыни (а однажды, оказавшись в Австрии, отслужил старославянскую мессу немецким крестьянам!).

Движение за глаголическое богослужение в Хорватии возглавил епископ Й. Ю. Штросмайер. В его системе югославистских взглядов старославянский язык в римско-католической церкви мог способствовать сближению католицизма и православия, что он рассматривал как этап в создании единой югославянской культуры. Но папская курия тогда не позволяла распространение глаголицы вне районов, где она пользовалась старинным правом на существование.

Если социальной опорой либералов являлись наиболее динамичные городские слои (моряки, купечество), то упомянутая “народная” интеллигенция может быть названа так лишь потому, что хорошо знала язык народа и его этнические представления³⁷. Ее базой являлся слой зажиточного торгового крестьянства. Именно этот слой, по Павлиновичу, мог стать опорой “славянской культуры”, о единстве которой он мечтал. Этот слой вместе с духовенством должен был также предотвратить распространение радикальных социальных идей в народе. Интересуясь итальянской национальной мыслью, Павлинович читал произведения ее умеренных католических представителей.

Из национальных деятелей собственно Хорватии для национального возрождения в Далмации и тем самым сплочения хорватской нации много сделал Иван Кукулевич, прославившийся уже тем, что первым выступил в загребском саборе в 1843 г. с предложением придать хорватскому языку статус официального. Политический деятель, публицист и историк, Кукулевич совершил в 1854 и 1856 г. поездки в Далмацию с целью поиска древних хорватских письменных памятников. Он был глубоко убежден в том, что далматинцы, несмотря на внешне итальянский облик страны^{*}, коренные хорваты. После поездок Кукулевич обращался к ряду далматинских священников с просьбой сообщить, как народ называет свой язык, и получил ответы, что народ (кроме православных) называет язык “рвацким”. Так как этническое самосознание многих его собеседников и некоторых корреспондентов было туманным, Кукулевич неустанно убеждал их в том, что они хорваты, что классики далматинской литературы XVI–XVII вв. называли свой язык хорватским. Бедой Далмации Кукулевич считал глубокую пропасть между италиянизированными верхними слоями общества и массой народа. В 60-х годах Кукулевич был хорватом-югославистом. И

^{*} Кукулевич вспоминал, что в Задаре, куда он приехал морем, в городской толпе на берегу множество людей говорили поитальянски и можно было разобрать лишь отдельные хорватские слова.

в это время, и позднее он переписывался, а также обменивался книгами с далматинцами. По словам хорватского историка Т. Мацана, Кукулевич приблизил Загреб к приморцам, а последних – к Загребу³⁸.

2.

Национальное движение 60-х годов. Далматинский югославизм (словинство)

После поражения, которое Австрийская империя потерпела в войне с Францией и Пьемонтом в 1859 г., монархия оказалась в жестком финансовом кризисе. Неоабсолютизм потерпел крах. Реформы были неизбежны, так как недовольство охватило не только немецкие народы, но и австро-немецкую аристократию и крупную буржуазию. 5 марта 1860 г. император и король Франц-Иосиф I созвал “усиленный имперский совет” (рейхсрат) – совещание высших чинов и авторитетных лиц с целью обсуждения вопроса о путях реформы государственного устройства. Впервые были приглашены по одному представителю от каждой провинции или земли (Land). Выяснилось, что большинство совета склонно к автономии “исторических земель” при сохранении сильной центральной власти (монарха и правительства). Автономия обосновывалась “историческим правом”, т. е. государственно-политической традицией ряда территориальных образований¹.

Представлявшие Хорватию и Славонию предприниматель А. Враничани и епископ Й. Ю. Штросмайер предложили рейхсрату воссоединить Далмацию, как старинную землю хорватской короны, с Хорватией и Славонией. Еще до иллиризма эта государственно-правовая историческая аргументация дополнялась принципом естественного права (“наш народ”, “народ нашего языка”). Представлявший Далмацию граф Ф. Борелли, признав ее югославянский характер, заявил, что воссоединение было бы преждевременным, что обоснование этого предложения историческим правом несостоятельно и поэтому Далмации следует предоставить автономию, как и другим “историческим землям” Австрии¹.

В Далмации сторонники автономии (хорв. “автономашы”) сплотились в особую политическую группировку. Признавая славянской

¹ В исторической литературе идею этой реформы неточно называют программой федерализации монархии. В действительности речь шла о централизме с автономией земель.

основную массу населения провинции, они выдвинули идею особого далматинского славянского народа (независимо от конфессии) и языка. Литературным же языком “славо-далматов”, как они считали, должен оставаться итальянский.

Автономисты состояли из двух группировок – чиновничества, которое просто следовало воле правительства, совпадавшей с его интересами, и патрицианско-буржуазных кругов либерального толка, также опасавшихся перемен в положении Далмации. Их лидером стал градоначальник Сплита Антонио Баямонти. “Правительство, зная, что в далматинских приморских городах имеется значительное число итальянцев или, лучше сказать, поитальянившихся славян, которые ради своих личных интересов чуждаются славянского элемента и склонны больше к иностранцам, уверено было – помощью своих чиновников-немцев или людей упомянутого класса – составить сильную партию против соединения”, – писал в 1861 г. русский консул в Дубровнике К. Петкович².

Ядром автономистов являлись чиновничество и патрициат, вслед за которыми пошло вначале большинство торговой буржуазии и городской интеллигенции. Как сторонников господства итальянского языка их звали “тальянаши”.

“Далматинство” не являлось исключением. Мы уже говорили о сторонниках идеи особого “славянского народа”. Во время событий 1848 г. загребские власти еще обращались к народу: “хорваты и славонцы”. Но славонцы, по крайней мере, не считали своим литературным языком иностранный...

Теория “далматинства” в 60-х годах довольно быстро теряла сторонников. Распространению сначала славянского (югославянского), а затем общехорватского сознания и этнонима способствовала энергичная пропаганда деятелей начавшегося в конституционную эпоху национального движения”. По существу его задачей было убеждение горожан в том, что далматинцы – не особый народ, а часть югославянства. Деревня же итальянского языка не знала, а свой язык крестьяне-католики, как мы уже писали, называли хорватским.

Наиболее быстрым и радикальным способом избавления от господства в администрации и городском обществе Далмации толпы иноземцев-чиновников казалось присоединение (“аннексия”) ее к собственно Хорватии (поэтому деятелей национального движения называли

* Наименования “далматинец” или “славонец” сохранялись как локальные или субэтнические, т. е. обозначали части хорватского народа.

“аннексионистами”). Однако австрийские правящие круги, фактически не желавшие воссоединения, ссылались на волю далматинского населения.

60-е годы начались с полемики относительно языка. В частности, А. К. Матас, управляющий единственной тогда в Далмации хорватской гимназией (она содержалась францисканцами), в брошюре “Глас хрватско-словински из Далмацие” (Загреб, 1860) утверждал, что если хорватский язык не поднять до уровня официального, он вообще может прийти в упадок. Впрочем, учитывая реальное положение дел, автор высказал пожелание вводить хорватский язык “по возможности”. Не было ни подготовленных людей в достаточном количестве, ни поддержки правительства, и быстрый успех этого начинания казался фантазией. Матас считал, что в Далмации не более 15 тыс. итальянцев и отмечал, что при этом подавляющее большинство начальных школ итальянские. (Исключение составляли сербские церковные школы). Хорватов, включая далматинцев, Матас называл “народом словинского (югославянского. – В. Ф.) племени и хорватского языка”. То обстоятельство, что в Хорватии и Славонии с момента оживления политической жизни в 1860 г. хорватский язык (после 1848 г.) фактически вновь стал официальным, было важным аргументом аннексионистов. Ведь таких прав не имел никакой другой славянский народ Австрии.

Между тем Октябрьский диплом (20 октября 1860 г.) Франца-Иосифа – результат дискуссий на рейхсрате – предоставил землям ведение некоторых дел местного значения, сохранив за центром (император, правительство, рейхсрат) внешнюю политику, внешнюю торговлю, армию, финансы. Впервые земли получили право избирать представительные собрания (в Далмации – сабор), вырабатывать проекты местных законов, вступающих в силу с санкции императора. Однако Октябрьский диплом, предусматривавший опору на местные консервативно-реформистские круги, сохранял силу недолго.

Первые выборы в Далмации в сабор проходили в условиях куримальной системы, при которой землевладельцы, чиновничество и городская буржуазия имели огромные привилегии в сравнении с крестьянством. Так, курии землевладельцев, горожан и торгово-промышленных палат (примерно 1/10 населения) посылали в сабор более половины депутатов (21 место против 20 у сельских общин). Кроме того, право членства в саборе имели главы обеих церквей – католический архиепископ и православный епископ – сторонники правительства. Эта система сохранилась и в дальнейшем³.

Приверженцы воссоединения, а они составляли меньшинство, хотя и возраставшее, не были организованы, подвергались преследованиям со стороны властей. На выборах в марте 1861 г. они получили 13 мест, автономисты – 29. Австрийские власти добились своей цели. Далматин-

ский сабор, заседавший в апреле 1861 г., защищал автономию провинции, но, подчиняясь требованию императора, вступил в переговоры с Загребом, которые ни к чему не привели. После этого хорватский сабор предоставил шести далматинцам, в том числе М. Павлиновичу, места членом с “информативным” голосом.

До и во время предвыборной борьбы обе стороны изложили свои аргументы. Автономисты заявляли, что в Триедином королевстве торговая приморская Далмация заняла бы второстепенное подчиненное положение, попала бы под власть магнатов-латифундистов и граничарских генералов, тогда как получив автономию, сохранила бы самоуправление, “сама решала бы о себе”. Все это звучало демократически, но свидетельствовало о полном неприятии процесса складывания хорватской нации. Аннексионисты обещали уважать традиции Далмации, в том числе равные права итальянского языка, полное равноправие провинции в составе хорватских земель. Чтобы опровергнуть слухи о господстве в Хорватии бесправия, была переведена на итальянский язык и издана брошюра Б. Шулека о хорватско-венгерской конституции (с ее самоуправлением областей-жупаний и выборностью чиновников).

Но политический курс Вены уже изменился. По Февральскому патенту (26 февраля 1861 г.) автономистская политика, опиравшаяся на местные аристократические круги, была заменена политикой жесткого централизма. Февральские законы предусматривали учреждение – наряду с австрийским – общеимперского рейхсрата, где были бы представлены также Венгрия и Хорватия. Министр А. Шмерлинг в интересах крупной австро-немецкой буржуазии стал осуществлять авторитарными методами либеральные экономические реформы (1861–1865 гг.), фактически подготавливая переход к конституционному правлению. Но эта политика требовала больших расходов на бюрократию, и налоги продолжали быстро возрастать.

Главной задачей политики Шмерлинга было обуздание венгерской оппозиции. В этих условиях Хорватии давались неопределенные обещания рассмотреть далматинский вопрос, если в Загребе возобладают проавстрийские круги и Хорватия, поддержав Февральский патент, пошлет представителей в рейхсрат. Однако большинство в хорватском саборе 1861 г. получила Национально-либеральная партия Й. Штросмайера, Ф. Рачкого, М. Мразовича (народняки), настроенная против централизма, склонная к идеям австрофедерализма и югославизма, а также к соглашению с Венгрией на благоприятных для Хорватии условиях (прежде всего, автономии в делах местных финансов и экономики)⁴. Она же в блоке с венгерофилами имела большинство в саборе 1865 г. Об объединении Далмации с собственно Хорватией, настроенной оппозиционно к Вене, правительство не хотело и слышать.

Отдать Далмацию Венгрии (с которой Хорватия искала компромисса) означало бы резко усилить позиции “короны св. Иштвана” и лишиться территории первостепенной стратегической важности.

Для обстановки в Далмации режим Шмерлинга означал ограничение не только аннексионистского движения, но всякой автономии, что вызвало недовольство как сторонников воссоединения с Хорватией и Славонией, так и автономистов. С переменой курса правительства и неудачей хорватско-далматинских переговоров фактически завершился первый период национального движения 60-х годов, когда сторонники воссоединения хорватских земель надеялись быстро (с помощью указов императора) решить основные программные вопросы – добиться “аннексии” Далмации и равноправия родного языка. Стало ясно, что предстоит длительная борьба за политическое вытеснение автономистов и завоевание позиций в сфере языка в управлении и просвещении.

Хотя вопрос о воссоединении был временно снят, австрийское правительство сочло нужным сделать минимальную уступку далматинским народнякам. В 1860 г. министерство просвещения издало инструкцию о введении “иллирского языка” в начальных школах Далмации. Впрочем, пока местные власти в преобладающей мере находились в руках “тальянашей”, вопрос о языке фактически не решался. Поэтому народнякам предстояло развернуть борьбу за каждую общину, утвердиться на местах, главным образом в городах.

Важнейшим центром движения стала газета, о выпуске которой народняки задумывались уже в 1860 г. Еще до основания газеты одна группа патриотов во главе с Михо Кланчем, учителем математики, и М. Павлиновичем пропагандировала свои взгляды в триестинской итальянской газете “Дьяволетто”, другая группа – в загребской газете “Позор”, органе Национально-либеральной партии. Кроме того, уже в 1860 г. книготорговец и деятель национального возрождения Вид Морпурго основал ежегодник на итальянском языке “Аннуарио Далматико” (вышло два тома, в них разрабатывались идейные основы зарождавшегося организованного национального движения).

Для выхода газеты пришлось преодолеть немало организационных и финансовых трудностей. Далматинский орган национального движения еженедельник “Национале” (на итальянском языке) был создан по инициативе сплитских народняков, но выходил с 1 марта 1862 г. в Задаре, столице провинции. “Национале”, предназначенный прежде всего для италоязычных “слово-далматов” и “тальянашей”, имел вначале скромное приложение на хорватском языке “Народни лист”, кото-

рый редактировали священники Иван Данило и М. Павлинович.^{*} “Национале” под редакцией блестящего журналиста Н. Нодило (до 1867 г.) сразу же стал всесторонне объяснять преимущества для Далмации от воссоединения хорватских земель, призывать к равноправию “славянского” и итальянского языков, требовать введения народного языка в школу, суд и управление. Только повсеместное употребление родного языка способствует его совершенствованию, только оно “создает великих писателей”, – утверждала газета. Единый литературный язык южных славян сплотит их в единый народ. Здесь же рассматривались трудности решения этих задач – нехватка преподавателей хорватского языка и учебников. Вокруг газеты сплотилась Национальная партия.

В 60-х годах “Национале” знакомил читателя с югославянским миром, помещал корреспонденции из Загреба, Риеки, Сплита, Дубровника, Белграда и др. Печатались и комментарии к ситуации в Европе в целом. Газета использовала как латинский, так и кириллический шрифт, т. е. стала органом сложившегося в Далмации “славянского фронта” (Р. Петрович). Этноним “славяне” применялся в эту пору как национальное наименование.

Значительную поддержку газете, боровшейся с нехваткой средств, оказывали Й. Штросмайер и В. Морпурго. С другой стороны, когда в 1864 г. был закрыт загребский “Пóзор”, задарский “Национале” некоторое время был единственной хорватской независимой от властей либеральной газетой. Нодило и Павлинович за статьи о национальных проблемах подвергались судебным преследованиям, их обвиняли в панславизме. Нодило однажды был обвинен в подстрекательстве к бунту, но отделался штрафом. Газета постепенно окрепла и в 1866 г. приобрела собственную типографию. Тираж ее составлял 600–650 экз.

“Народни лист”, как приложение к каждому второму номеру “Национале”, выходил до 1869 г., когда роли изменились: “Национале” стал приложением к “Народному листу”, что свидетельствовало об успехах народняков в “славянизации” читающей публики. Наконец, в 1876 г. выпуск итальянского издания был прекращен: нужда в нем отпала.

Первый редактор “Национале” Натко Нодило был либералом, сторонником демократических свобод, всеобщего избирательного права, независимости церкви от государства и невмешательства церкви в

^{*} Итальянская газета отличалась тонким литературным стилем, хорвато-сербское же приложение пестрило, по замечанию современного хорватского историка П. Корунича. “варваризмами и синтаксическими ошибками”. Родным языком редакторы еще владели не в совершенстве.

политику. Эти взгляды соответствовали его представлению о едином славянском (югославянском) языке и народе в Далмации*.

Появление газеты дало Нодило возможность, в частности, развернуть полемику против Н. Томмазео, крупного итальянского деятеля и поэта, далматинца по происхождению. Томмазео выступал против воссоединения хорватских земель. В нескольких ярких статьях Нодило опроверг его доводы.

В этой полемике Нодило утверждал, что культурный, социальный и экономический прогресс Далмации возможен только в рамках всей “Южной Славии” – страны от Дуная до Эгейского моря и от Адриатики до Черного моря. Так как Томмазео обвинял народняков в том, что они хотят “хорватизировать” Далмацию, Нодило возражал, что славяне из Далмации и славяне из Хорватии имеют один и тот же литературный язык, следовательно, принадлежат к одному народу (как итальянцы разных областей), а именно к народу славянскому, и поэтому могут объединиться по естественному национальному праву, приобретающему исключительную силу в Европе. (Нодило редко ссылаясь на право историческое, только в тех случаях, когда надо было защищать народные права от политики Габсбургов). Итак, славяне далматинцы и хорваты связаны единством национальности. Кстати, логика этого рассуждения впервые была построена идеологами иллиризма в Хорватии в 30-х годах XIX в.: поскольку этноним “хорват” еще не воспринимался как национальный вне кайкавской Хорватии (области Загреба), то они и не навязывали его, а утверждали, что хорваты (жители собственно Хорватии), славонцы, далматинцы и др. – все принадлежат к единому иллирийскому народу (к нему причисляли и сербов и словенцев).

Единый народ создается из разных племен в результате “торговых связей, общности языка и чувств”, продолжал Нодило. Далматинцы и хорваты, объединившись, составят часть славянского народа. Все части этого народа очень близки друг другу “по языку и происхождению”. “Хорваты, славонцы, далматинцы, черногорцы, босанцы говорят одним языком” и “в речах в хорватском саборе и воеводинском (народно-церковном. – В. Ф.) саборе – те же способы выражения политических понятий”. Итак, всюду имелись в виду южные славяне с их языковым родством и единой (сплошной) территорией.

Хорватский историк П. Корунич, видя идейные корни взглядов Нодило в теории Яна Коллара, словацко-чешского писателя и мыслителя, уже в 30-х годах XIX в. утверждавшего, что существуют четыре

* Н. Нодило редактировал “Национале” до 1867 г., когда стал профессором задарской гимназии.

славянских народа (русские, поляки, чехи и южные славяне), обоснованно замечает, что главной причиной формулирования этих взглядов в Далмации была ситуация в самой Далмации с ее конфессиональными и языковыми противоречиями, экономической отсталостью, слабым развитием национального сознания.

Возможность разрешить эти противоречия и обеспечить культурный и экономический прогресс (Нодило писал - "неминуемость социального прогресса") Нодило видел только в масштабах "Южной Славии". Только так будет утверждена гражданская, религиозная, политическая и национальная свобода. Этнонимы "хорваты" и "сербы" он упоминал, считал, что оба этноса сохраняют самобытность, но "выпячивать" их не следует, так как они охватываются этнонимом национальным - "славяне". Относительно устройства "Южной Славии" и ее центра Нодило не говорил, наоборот, подчеркивал, что "Национале" с "равной любовью защищает права всякого славянского народа на иллирском полуострове". Он отрицал, будто народняки считают "Хорватию или какую-либо другую страну центром славянского королевства"⁵.

Полиция сообщала в Вену, что политическая тенденция "Национале" четко федералистская на основе национальных принципов. Тайно (а иногда открыто) она направлена на создание югославянского королевства на чисто народной основе. Вот за эти идеи Нодило в 1863 г. был обвинен в подстрекательстве к бунту.

Программой деятельности Национальной партии была фактически программа газеты "Национале", опубликованная за подписью Нодило в первом номере (1 марта) за 1862 г. Задача воссоединения сохранялась как историческая цель, которую надо было приблизить путем просвещения народа в гражданско-либеральном и национальном духе. Подчеркивалась необходимость реформы политического строя империи на основе равноправия народов, либерального порядка: свободы "для каждого", свободы собраний, слова, объединений, конфессий, наций. Либерализм народняков был ограниченным, обусловленным местными условиями - зависимостью интеллигенции от патрициата и церкви. В программе отсутствовала мысль о необходимости устранения остатков феодализма в аграрных отношениях. Особо подчеркивалось равноправие религий, так как единство славян было залогом успеха в борьбе за славянизацию органов управления и школы. Народняки стремились устранить недоверие, связанное с попытками осуществить унию в первой половине XIX в. "Чтобы не стало какой-либо вражды между католиками и православными ... церковь должна быть свободна от покровительства власти". Соединение с Хорватией не означало бы для Далмации изменения "обычаев, устройства, отказа от второго языка, более

развитого в учености". В центре программы – борьба за равноправие языков. Постепенное введение народного языка в общественную жизнь означало бы упрочение "нашей народности" и вместе с тем сближение Далмации с остальными югославянскими странами того же языка. Социально-экономическая сфера была представлена в программе крайне неопределенно (вроде: "открыть источники богатства" провинции). Все же это была первая политическая организация в Далмации, опирающаяся на газету, читальню, представительство в саборе, а со временем – и в австрийском парламенте⁶.

Итак, "славизм", на почве которого стояли народняки, на первых порах (в 60-е годы особенно) облегчал им привлечение на свою сторону "славо-далматов", не обладавших хорватским национальным сознанием и не готовых его воспринять⁷. Ослабляя значение областного этнонима, внедряя в сознание далматинской интеллигенции идею принадлежности к югославянской общности, народняки объективно (а некоторые вполне сознательно) подготавливали ее переход на национальные хорватские позиции. У сербов большинство интеллигенции совмещало славизм (словинство) с сербским сознанием, понимая, что сербы (меньшинство) выиграют от духа равноправия, присущего славизму, от сотрудничества православных с католиками в борьбе за национальную школу и пр.

Католики и православные проповедовали идею этнического единства славян (югославян) независимо от конфессии и совместно требовали воссоединения с Хорватией и Славонией. Перед "славянами" в отдалении открывалась вдохновляющая перспектива создания обширного государства.

Итальянская общественность Далмации имела свои клубы "казино". Выход национальных газет здесь был встречен недоброжелательно, доступ им в казино был запрещен. Тогда хорваты и сербы стали создавать собственные "славянские народные читальни". В Сплите читальня открылась в 1862 г., в Задаре и Дубровнике в 1863 г., в Шибенике и Оброваце в 1866 г. и т. д. Впрочем, попытка организации читальни была предпринята уже в 1860 г., но власти воспрепятствовали этому. Заметным событием стало учреждение Далматинской матицы (1862 г.), первым руководителем которой (1862–1874 гг.) стал Божидар

⁶ "Славо-далматство", в основном, идеология городского патрициата. Среди сербского населения представителей этого наиболее консервативного слоя было мало, а национальное самосознание сформировалось раньше. (Уже в 30–40-х годах в сербских изданиях в Далмации этноним "сербский" присутствовал – вспомним "Славяно-сербский магазин" Ђ. Петрановича). За патрициатом шла часть буржуазии и интеллигенции — за эти группы и боролись народняки.

Петранович, а затем, в 1875–1896 гг., лидер народняков Михо Клаич. Матица была задумана Петрановичем еще в 1848 г. под влиянием иллиризма и сербского национального движения (Сербская матица действовала с 1826 г., Хорватская матица – сначала под названием “иллирской” – с 1842 г.), осуществить же мечту удалось только после краха абсолютизма. Однако постоянная нехватка средств ограничила деятельность матицы, которая свелась в основном к выпуску календаря⁷.

Как газетам, так и матице денежную поддержку оказывали хорватские и сербские купцы. Первая половина 60-х годов – время особо тесного сотрудничества славян Далмации.

Пресс авторитарного режима, рост налогов, равнодушие властей к нуждам Далмации привели к временному сближению народняков и либерального крыла автономистов во главе с А. Баямонти. Возник оппозиционный правительству “либеральный союз” (1864–1866 гг.). Автономисты, признававшие себя славянами, согласились не препятствовать основанию славянских школ и переводу делопроизводства в общинах на народный язык (т. е. на хорватский, а в общинах с сербским большинством – на сербский), вопрос же об автономии и воссоединении не затрагивался. Баямонти заявил, что “за исключением воссоединения программа сторонников воссоединения – и наша программа”. Дело шло о совместной защите либерально-демократических принципов. Но либеральный союз распался вскоре после неудачи централистской политики Шмерлинга (1865 г.), которому не удалось подчинить Венгрию и создать жизнеспособный общеимперский парламент.

В 1865 г. впервые в Далмации были проведены общинные выборы на основе куральной системы. Выборы общинных управ предоставляли народнякам благоприятную возможность для национальной агитации среди крестьянства. Правда, наиболее острый вопрос – о колонате – при этом обходился, но осуждались произвол чиновничества (вдобавок иноязычного), высокие налоги, говорилось о разных нуждах деревни (дорогах, мелиорации и т. п.), и это уже привлекало крестьян. В 1865 г. напряжение в деревне во время выборов в ряде мест вылилось в столкновения с жандармами, при этом в Книне двое крестьян были убиты.

На выборах в 1865 г. народняки победили в 42 общинах, в дальнейшем одна община за другой переходили в руки славян. Борьба за города, особенно более крупные, была тяжелее.

После ухода Шмерлинга был заменен и далматинский наместник генерал Л. Мамула, покровительствовавший автономистам. Новый наместник генерал барон Ф. Филипович (1865–1868 гг.) получил напутствие Франца-Иосифа относиться одинаково к обеим далматинским партиям. Филипович не мешал применению народного языка там, где народняки получали перевес.

Дальнейшим сдвигам в этом отношении способствовала австро-пруско-итальянская война 1866 г. Часть “талыаншей” не скрывали проитальянских симпатий, ждали высадки итальянских войск в Далмации. Потеря Венецианской области Австрией пресекла источник пополнения италоязычного далматинского чиновничества.

Впрочем, перемены наметились и раньше. Еще в 1862 г. австрийское министерство юстиции дало указание записывать заседания суда “по возможности” также и на “славянском языке”, а в 1866 г. было решено принимать на государственную службу только лиц, владевших и вторым (“иллиро-далматинским”) языком. Правда, чиновники по возможности саботировали распоряжение 1862 г. Итальянский язык еще оставался в полной силе. Но в 1866 г. власти поняли необходимость идти на уступки 96–97% (по крайней мере) своих далматинских подданных. Правительство было склонно создавать начальные школы на народном языке, а средние сделать двуязычными, тогда как еще в 1864 г. на о. Корчула была открыта итальянская гимназия, где хорватский язык преподавался как предмет. Победа австрийского флота над итальянским у о. Вис в 1866 г. способствовала росту национальной гордости далматинцев, составлявших команды кораблей. Ведь Италия претендовала на Далмацию, и далматинцы защищали свою землю. Правительству пришлось с этим считаться. Но чтобы обеспечить победу в языковой борьбе, народнякам было необходимо утвердиться в общинах и завоевать большинство в саборе.

В качестве явной уступки народнякам их лидер Михо Клаич в 1866 г. был назначен инспектором народных школ Далмации. Но по кардинальному национально-политическому вопросу ни о каких переменах не было речи. Более того, в решающий период австро-венгерских переговоров о компромиссе (дуализме) в 1866–1867 гг. агитация за соединение Далмации с Хорватией и Славонией строго пресекалась. Обстановка в целом способствовала росту антиавстрийских и провенгерских настроений в Далмации. Далматинские народняки надеялись, что в венгеро-хорватском государстве получившая равноправие с Австрией Венгрия будет способствовать воссоединению Далмации, тем более, что в Венгеро-хорватском соглашении 1868 г. Венгрия обещала поддержать Хорватию в этом деле. Но данное обещание ничего не стоило. В действительности раздел империи на две части закрепил раздробленность хорватских земель. И по стратегическим, и по внутривполитическим соображениям Вена не могла отказаться от Далмации: переход последней в состав Транслейтании нарушил бы достигнутое внутривполитическое равновесие в Австро-Венгрии. Так что в споре вокруг соединения автономисты торжествовали.

Постепенно стали сказываться результаты агитации народняков и завоевания ими более прочных позиций в общинах.

После 1848 г. три далматинские гимназии – в Задаре, Сплите и Дубровнике – были итальянскими, но, наконец, в 1854 г. был признан публичный статус первой хорватской францисканской гимназии в Сине. В период реформ 1860–1866 гг. тенденцией политики правительства Австрийской империи было признание равноправия языков народов государства. Это подтвердила австрийская декабрьская конституция 1867 г. (только для Цислейтании, включая Далмацию).

В 1849–1871 гг. состояние начальных (народных) школ было таким⁸:

Годы	Всего государственных школ:			
	итальянских	двуязычных	хорвато-сербских	немецких
1849/50	18	127	12	–
1868	26	65	126	–
1871	36	38	166	1

Впрочем, реальное состояние просвещения характеризуется такими данными: в 1870/71 уч. г. начальные школы должны были посещать 61,1 тыс. детей, а посещали около 10,3 тыс. (8,9 тыс. с хорватским или сербским родным языком, 1351 – с итальянским, 34 – с немецким). Далмация оставалась в основном неграмотной.

Гимназии же и реальные училища оставались итальянскими, но под давлением национального движения в них было введено преподавание истории, географии и закона божия на народном языке. Правда, ввиду нехватки учителей и учебников это осуществлялось постепенно. С 1868/69 уч. г. славянский (хорватский) язык как предмет был введен во всех классах гимназии в Задаре, где преподавали деятели национального движения М. Клаич, Ю. Пулич, И. Данило. Тогда же дубровницкая гимназия перешла на народный язык (1869 г.). В 1852 г. в Задаре открылось итальянское двухгодичное педагогическое училище, а в 1866 г. – уже в условиях национального движения – такое же училище с преподаванием на “славянском” языке специально с целью подготовки учителей начальных школ открылось в Арбанасах около Задара. Это было крупным успехом национального возрождения. Уже в 1871 г. итальянское училище в Задаре было закрыто, вернее, слито с училищем в Арбанасах. Директором училища был священник С. Бузолич, крупный педагог и деятель национального движения.

Изменялся социальный и национальный состав поступавших в гимназии, что было очень важно, так как ряды интеллигенции пополнялись именно за счет гимназий. Дальнейшая “национализация” шко-

лы была связана с политическими успехами народняков и готовностью австрийского министерства идти им навстречу.

После войны 1866 г. автономисты открыто заявили о своих итальянских чувствах: они гордились почти полным воссоединением Италии (вне ее оставался только Рим). Представители автономистов в рейхсрате вступили в итальянский клуб.

В ходе этих перемен борьба в далматинских городах резко обострилась. Автономисты мобилизовали люмпенов, нападавших на славянских деятелей. Особые масштабы волнения приобрели в Сплите. Но все это означало, что автономисты шли к окончательному поражению. Правда, база народняков в городах все еще не была прочной (это была по преимуществу средняя и малоимущая интеллигенция, часть более зажиточных горожан), средств на издания подчас нехватало. Иное положение было в селах: здесь опорой народняков являлось влиятельное духовенство и зажиточное крестьянство.

В декабре 1867 г. в Австрии была принята умеренно-либеральная конституция, открывшая путь свободному развитию капитализма и политической жизни. Все законы принимал рейхсрат, но подписывал император, который вообще сохранил центральное место в управлении государством. Были объявлены свобода вероисповеданий, равенство граждан перед законом и право народов пользоваться своим языком в школах и учреждениях (§ 19). Этот пункт давал возможность национальным движениям легально выдвигать требования полного равноправия родного языка. На общеавстрийских выборах после провозглашения декабрьской конституции победили австронемецкие либералы, под знаком чего прошли 70-е годы. Правительство отделило школу от церкви, отказалось от конкордата с Ватиканом, разрешило браки между лицами, принадлежавшими к разным конфессиям. В 1869 г. суд в Далмации был отделен от администрации.

В Далмации новое австрийское правительство первоначально продолжало поддерживать автономистов. Был смнен наместник Ф. Филипович, симпатизировавший народнякам, школьному инспектору Михо Клаичу было предложено переехать на работу в Истрию, в связи с чем лидер народняков подал в отставку и целиком посвятил себя политической деятельности (1868 г.).

Уже из сказанного выше видно, что с зарождения Национальной партии в ней имели место идеологические разногласия, связанные с ее социальной основой. Но в первой половине 60-х годов в главном господствовало согласие, по крайней мере внешнее. Наиболее впечатляющую эволюцию претерпели взгляды М. Павлиновича. Мы изложим

содержание двух его текстов, относящихся к 1862 и 1869 гг., где эта эволюция видна наиболее четко*. Первый – “О национальности с учетом югославянства” – статья в газете “Народни лист” в первый год ее издания, второй текст остался в рукописи и обнаружен Н. Станчицем спустя столетие.

В связи с процессом объединения югославян, писал Павлинович в 1862 г., следует сказать об общем наименовании народа, “расположившегося мирно и прочно” от Эгейского моря до берегов Дуная и по всему “восточному полуострову”. “Мы накануне объединения нашего народа” (написано вскоре после объединения Италии. – В. Ф.). “Кто всем сердцем не чувствует, что эта благословенная земля предназначена для одного народа? .. Бог нам поставил рубежами три моря и Дунай, а также гряду западных гор. У нас общие язык и воспоминания, единые обычаи, жизнь и нравы, одни и те же сожаления и надежды, одни потребности и желания. Бог нам предназначил прокладывать тропы между двумя мирами и побратать народы в объятых, дал нам геройскую силу для самозащиты...” Границы отдельных народностей “не могут ныне удовлетворить сердце возвышенного... патриота”. “Мы, славяне (словинцы. – В. Ф.), на юге по природе и мощи – один народ, хотя еще не в реальности, но по делам”. Мы “еще не пришли ни к одному национальному сознанию, ни к национальной общности. Это – задача нашего века”. Задача сложная – славяне испытывают греческое, османское, немецкое, итальянское влияние... “Множество магнатства немецкого, мадьярского и турецкого. Есть провинции, где весь народ – бездуховная и бесправная райя, а есть, где при равноправии на бумаге не имеет права на свой язык. Тут и бан, и князь, и епископ, и государь, и паша, и генералы!” А культура, продолжал автор, – от итальянской, французской, немецкой, вообще какой-то пестрой – “глупцам на радость”. Искусство – то по римскому образцу, то византийскому, то готическому... Много славных людей вышло из нашего народа, а к народу пришло мало... Верхние слои далеки от народа, одеваются по-чужому, говорят на разных языках. Мы уважаем весь народ, но велики различия между черногорцами, сербами, герцеговинцами, болгарями, далматинцами и босняками, хорватами и словенцами... А еще “религиозные различия – этот наш лютый осинник”. Все эти различия приросли к народному телу, и “ни один из этих факторов сам не исчезнет”... “Давайте же соберемся, начнем договариваться – с одной любовью, одной печалью”.

* Оба текста помещены в приложениях к монографии Н. Станчица⁹.

Далее Павлинович призывал беречь полезные традиции каждой территории и вместе с тем указывал, что первейшим долгом каждого народа является освободиться от “неподвижности и изоляции”, беря все лучшее “где бы то ни было”, – в этом он видел достоинство христианства. Славянам нужно не слияние – “этому противоречит обычай, польза и закон”, но отечество, правительство, объединение “своего народа”, единая культура, искусство, деловитость, религия. Общее наименование помогло подъему великих народов, необходимо оно и нам “от края до края пространного отечества”. Это общенародное название – “славянин” (парадокс: автор возражал против наименования “югославянин”. – В. Ф.), – “словенец” или “словинец”, – это ощущал уже Качич... И далее: «Мы знаем, что это заставит нахмуриться сербоманов, они изобразят сербское имя как общее для всех славян на юге... Но радуясь за сербов, мы считаем, что имена “хорват”, “болгарин” невозможно утопить в сербстве». Итак, Павлинович предлагал старую хорватскую идею – объединить все “племена” южных славян общим надплеменным (нейтральным) названием при сохранении “племенных” наименований. Наконец, автор предлагал словенцам (настоящим словенцам. – В. Ф.), чтобы спастись от германизации, сомкнуться с хорватами, “прийти в хорвато-сербские объятия”.

В целом, при видимых отличиях от формул Нодило, автор статьи проповедовал единение южных славян. Еще в большей мере, чем Нодило (который относил объединение, слияние к отдаленному будущему), он видел трудности на этом пути. Вместе с тем он был верен югославизму, побратался с православным священником Йованом Сундечичем, искренним югославистом. Сундечич и Павлинович в 1864 г. совершили путешествие по югославянским землям. Начав с Триеста, они посетили Люблян, Загреб, Джаково (где с ними беседовал Штросмайер), Нови Сад, Сремские Карловцы (с находящейся там сербской патриархией) и Белград – здесь они были приняты премьер-министром Сербии И. Гарашаниным, организатором внешнеполитической деятельности княжества, и князем Михаилом.

По мнению Н. Станчица, поворот Павлиновича к национальному югославизму в 1862–1865 гг. являлся “жертвой”, которую Павлинович принес, идя навстречу проблемам хорватского национального интеграционного процесса в городской среде части Далмации. Сущность вопроса нами была изложена: этноним “хорват” еще не воспринимался частью далматинцев, а югославянская идея “могла легче вытеснить славо-далматинскую идею городской среды”. Югославизм убеждал горожан в том, что их не собираются “кroatизировать”, и народникам удавалось приобретать в этой среде новых и новых сторонников.

“Народни лист” отмечал, что в Далмации в 1866 г. “все назывались если не хорватами, то словинцами”.

Определенным рубежом в идеологическом развитии Далмации явился 1866 г. Это время активизации внешней политики Сербии, усилий по созданию балканского союза при поддержке русской дипломатии, время создания “Объединенной сербской молодежи” (Омладина) организации (с центром в Воеводине) формально культурного, в действительности – политического характера. Омладина (см. в части первой) поставила себе задачей упрочение сознания сербского национального единства независимо от государственных границ. Группы ее сторонников имелись и в Далмации¹⁰. Появилась и итальянская национальная идея в Далмации.

Сербское национальное сознание, как мы отмечали, укоренилось и здесь раньше хорватского. В нем проявлялись различные черты – как югославизм, так и недоверие к католикам (поэтому, например, в различных трудах содержатся разные характеристики одного из активных сербских деятелей в Задаре – Лазара Томановича и, повидимому, эти разные характеристики в какой-то степени справедливы). В 1866 г. в Далмации существовало несколько групп членов Омладины или сочувствующих ей (такие категории предусматривались уставом) – в Задаре, Боке Которской и других местах. Они посылали корреспонденции в орган Омладины “Млада Србадия”, выходящую в Нови Саде, распространяли эту газету. В одном из писем из Боки содержится просьба присылать сербские издания для распространения среди герцеговинцев. В православном богословском училище в Задаре с 1865 г. выходила рукописная газета “Првенац”, а с 1866 г. существовало омладинское общество того же названия, которое возглавлял Л. Томанович. “Првенац” был проникнут югославистским духом, точнее, сербско-югославянским. В одном из стихотворений говорилось: “Протянем руку брату нашему хорвату, тогда начнется новый век”. Другое стихотворение было посвящено католику Ловро Монти, деятелю Национальной партии, убежденному “словинцу”. “Првенац” поздравил М. Клаича в связи с назначением его инспектором школ и т. д. Существовало, однако, что если до 1866 г. “Национале” ради единства избегал упоминать этноним “хорват”, то для членов общества “Првенац” вопрос об этнониме “серб” и о сербских национальных организациях был решен. Так, например, руководство общества предлагало создать сербскую молодежную газету.

Целая группа сербской интеллигенции (Л. Томанович, С. Бьеланович и др.), придерживаясь словинства, вместе с тем в 60-х годах утверждала сербское национальное сознание в Далмации, распространяла сербские книги, популяризировала сербские традиции.

язык, этноним, сотрудничала в “Заставе” С. Милетича – центральной сербской газете, выходившей в Нови Саде. Эта группа опиралась на священников и учителей. Сербское движение ставило перед собой задачу “защиты и развития сербской идеи в Приморье”. Случалось, это Приморье называли сербским, что имело объективные основания только для района Боки Которской, где православные составляли большинство.

Итак, происходил параллельный процесс идейного сплочения частей хорватской нации и сербской нации в Далмации. Части обеих наций постепенно укрепляли связи с главными национальными центрами. Но этот процесс, происходивший в одной и той же провинции, был чреват национальным конфликтом.

В целом среди сербов Далмации, как и среди хорватов, единодушия в подходе к сербско-хорватским отношениям не было. В конце 60-х годов большинство политически активных сербов сотрудничали с хорватами в борьбе за права языка и объединение с Хорватией и Славонией. Но для сербов, по-видимому, было ясно, что речь, в сущности, идет о сербских национальных интересах, а не об интересах “словинцев”. Воссоединение с собственно Хорватией (и примыкающей к ней Военной границей), где находились сотни тысяч сербов, было бы шагом по пути к сербскому единству. Тем более, что желательное соединение с Боснией и Герцеговиной оставалось невозможным, пока там властвовали османы. Хотя с обеих сторон имели место проявления недоверия к чужой религии, особенно в церковных кругах, хорваты и сербы сотрудничали в рамках Национальной партии вплоть до Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Все это не могло не повлиять на развитие хорватской национальной идеологии. Как мы знаем, Н. Станчич видит в югославизме (словинстве) Павлиновича определенную жертву. Это значит, что Павлиновичу уже было присуще хорватское национальное сознание. Исключительный интерес представляет написанное в 1866 г. письмо Павлиновичу выдающегося хорватского югослависта Франьо Рачкого, президента Югославянской академии наук и искусств в Загребе (указ императора о ее создании был издан как раз в 1866 г.). По-видимому, как и некоторые другие хорваты, Рачкий полагал, что та форма, которую ради решения общей с сербами задачи принял югославизм в Далмации, начинает сдерживать здесь развитие хорватского национального самосознания. В письме от 11 декабря 1866 г. Ф. Рачкий писал: «Что нам не по душе... это систематическое замалчивание хорватского имени. В этом грешен и дорогой наш “Национале”. Ошибаемся, полагая, что те, кто опасается хорватского знамени, станут бороться за национальные права под знаменем “иллирским” или “словинским”. Не знаю также, по какой причине “Национале” избегает вопроса о воссоедине-

нии. Нашим противникам это нравится, но для нашего народа бесполезно. Я полагаю, об этом вопросе следовало бы говорить в далматинском саборе, даже если бы Национальная партия осталась в меньшинстве... Подобная политика мягкости не приносит того плода, который ожидают»¹¹. Павлинович оправдывался тем, что сдержанность в вопросе о воссоединении была рассчитана на то, чтобы не мешать правительству сделать для славян Далмации (в сфере языка. – В. Ф.) то немногое, что оно намеревалось. Он обещал исправить положение. В ответе Рачкому от 25 декабря 1866 г. он писал: «Чтобы не было причины раздора, мы избегали в саборе наше хорватское имя, так как имеем среди нас (народняков. – В. Ф.) четырех так называемых сербов, то есть среди меньшинства [сабора] одну треть настоящих народняков... Впрочем, будьте спокойны, в будущем мы разовьем наше хорватское знамя»¹².

Характерно, что Рачкий вовсе не убеждал Павлиновича в существовании хорватской нации, т. е. не сомневался в том, что далматинские деятели (или большинство их) придерживались того же взгляда, и не сомневался в том, что замалчивание хорватского этнонима носит тактический характер. Это вновь признал Павлинович в 1868 г.: «Принимая во внимание существование автономистской партии, мы замалчивали наше национальное и политическое имя. Должны были называть себя хорватами – говорили, что словинцы, вместо “аннексионистов” говорили “народняки”». Все было подчинено цели привлечь на свою сторону славянскую среду, проникнутую итальянской культурой. Но после 1867 г. часть далматинских автономистов “гальянаши” примкнули в австрийском парламенте к итальянскому клубу (фракции) и тем самым признали свое положение в Далмации как итальянского национального меньшинства. Таким образом, идеологическая борьба с ними была закончена. Но сохранялась сербская проблема, а вместе с ней и значение югославизма.

Ко второй половине 60-х годов относятся все более настойчивые выступления М. Павлиновича в защиту особых хорватских интересов. Постепенно это вызвало углубление разногласий в Национальной партии. Но в основном это проблема 70-х годов.

По-видимому, большинство далматинских либералов-католиков, также, как и Рачкий, в 60-х годах понимали свою принадлежность к хорватам. Так, М. Кланч заметил, что победа австрийского флота в 1866 г. является победой “хорватских моряков”. Так что и их убеждать в этом не приходилось. Проблема заключалась в тактике.

* Морским делом в Далмации, как правило, занимались почти сплошь католики – население прибрежной полосы и островов.

В “Национале”, сохранившем пока что югославистскую направленность, все же стали больше уделять внимание хорватской индивидуальности. Вместо “славяне” писалось “хорваты и сербы”, “хорвато-сербский народ Далмации” или “хорвато-сербский народ Триединого королевства”. Югославизм в городской среде Далмации еще не исчерпал себя. Но Павлинович, связанный с сельской средой, полагал, что, устранив в основном “славо-далматинство”, изолировав итальянскую группировку, югославизм свою задачу в главном выполнил и пришла пора пропаганды хорватизма как национальной идеи. Тем более, что сербская национальная идея распространялась и никогда не исчезала в югославизме. У Павлиновича югославизм пока что также сохранился как идея возможного хорватско-сербского сотрудничества на определенных условиях.

М. Павлинович с 1866 г. стал подчеркивать самобытность и историческую роль хорватов. Он говорил о героизме хорватов 16 декабря 1866 г. в присутствии наместника Ф. Филиповича в публичной речи, посвященной 300-летию защиты венгеро-хорватским отрядом под командованием Николы Зринского, хорвата (далматинца) по происхождению, города Сигетвара от османского войска. В том же духе он выступал в 1868 г.

Павлинович продолжал упоминать “хорвато-сербскую народность, народность словинскую” как этнос с общей культурой, но прежде всего стал уделять внимание хорватской и сербской нациям и их особой государственности. Качества, ранее приписываемые им же южному славянству в целом, он теперь относил к хорватам: “Хорват любит свою родину, хорват верен своему королю, хорват умирает за свою веру, умирает за свободу”¹³.

В сербском обществе в целом в масштабе всего Балканского полуострова преобладала, даже господствовала великосербская идеология¹⁴. В Далмации же сербские идеологи в силу известных условий еще придерживались югославизма, но только в политических целях, и все большее внимание сосредоточивали на сербской нации. Это был обоюдный процесс распространения сербской (несколько раньше) и хорватской (несколько позднее) национально-интеграционной идеологии. Он не мог не сопровождаться политическими расхождениями, ибо обострял вопрос о границах будущих сербского и хорватского государств. Но искать при этом, кто больше виноват – занятие пустое. Вопрос исторического значения состоял в другом: способны ли были ведущие политические силы обоих народов “развести” их мирно с тем, чтобы в дальнейшем создать какую-то форму соседского сотрудничества? Вопрос этот был крайне сложным для решения.

Перелом во взглядах М. Павлиновича (1866–1869 гг.) нашел выражение в его рукописной программе “Хорватская идея” (1869 г.) Это и есть тот “второй текст”, содержание которого мы должны изложить. В этом сочинении Павлинович пошел по пути хорватизма дальше других представителей близкой ему группы. Павлинович признал “хорватское историческое право” и католицизм как идейную основу национального движения.

В 1869 г. Павлинович сформулировал свою программу так: “Хорваты хотят хорватского права: 1) самостоятельности Хорватии; 2) объединения хорватских земель; 3) хорватскую конституцию”. В такой общей форме программа была приемлема для всех национальных группировок. Важно, каково содержание этой формы. Хорваты, по Павлиновичу, хотят самостоятельности, в каком бы государственном конгломерате они ни состояли. Хорватия признает венгерскую (точнее, венгерско-хорватскую) корону, лишь пока она в руках династии Габсбургов, свободно избранной хорватами в 1527 г. Все отношения Хорватии с Венгрией с 1102 по 1848 г. – результат насилий татар, Венеции, турок, Иосифа II, но “здоровое ядро государственной самостоятельности Хорватии” сохранилось. Соглашение 1868 г. Хорватии навязано и поэтому незаконно.

Автор выступил за церковную самостоятельность Хорватии и народный язык в церкви. “Задача патриотического молодого духовенства – всей душой прильнуть к хорватскому богослужению” (речь идет о глаголической службе). “Католическая церковь в наших землях расцветет благодаря Хорватии, Хорватия же посредством церкви восстановит свой авторитет в мире”.

Мы, продолжал Павлинович, «хотим объединения хорватских земель; Хорватия там, где живут хорваты... Ныне с помощью бессодержательного названия “королевство Далмация” иноземец пытается отрицать хорватскую принадлежность моря, денационализировать хорватское приморье... но... ныне нет нехорватского населения ни в одном приморском городе, ни на одном адриатическом острове, нет латинских поселений на хорватской земле, все похорвачено». “Века рабства” (венецианского) – вот в чем причина нищеты и беспамятства. В названии хорватского государства не следует упоминать имя далматинское, которое затушевывает национальное сознание хорватского народа. Несмотря на турецкие захваты, западная Босния и западная Герцеговина (по рекам Врбас и Плива) – хорватские. В отторгнутой турками части Хорватии люди привыкли к наименованию Славония – “вычеркнем же его из названия Хорватского государства...” “Мы не отрицаем провинциальных наименований Далмации, Боснии, Славонии, но не признаем ничего, кроме единого Хорватского королевства”.

Ссылаясь на историческое право, Павлинович претендовал и на некоторые районы Словении.

А Босния до Дрины? Она принадлежала разным государствам. “Кто имеет право на Боснию? Это по крови отечество нас всех: хорватов и сербов. На Боснию имеет право, согласно Богу и природе, тот брат, который ее первый освободит”.

Далее автор переходит к сербскому вопросу в Хорватии. До последних лет, когда Сербия, ранее восстановленная Россией, не стала обновленным сербским государством, “сербского имени не было слышно в Хорватии”. Здесь издревле или со времен турецких войн были “последователи греко-восточной церкви, но это были хорваты”. “Имя сербское пришло в Хорватию из сербского княжества, от переселенцев из Венгрии (вновь подтверждается значение Воеводины как ядра, центра распространения сербского национального самосознания. – В. Ф.), благодаря попам и монахам, воспитанным в Сремских Карловцах”. Сербия становилась небольшим независимым государством. Хорватия же еще спала, и сербизм был притягателен для хорватской молодежи, он подавал надежду. Но вот среди последователей восточной церкви сербское имя стало вытеснять хорватское в самой Хорватии. Это имя стали прочно соединять с самим вероисповеданием; геройство Карагеоргия, Милоша и др. “возбуждало национальную гордость”, которой в Хорватии не было “от Звонимира (хорватский государь XI в. В. Ф.) до Елачича”. “Войны с Турцией, немцами, французами, итальянцами под знаменами императора, сладкие объятия венгерских братьев, германизированные и итальянизированные магнаты, церковники, литераторы похоронили гордость хорватского имени”. Из-за войн в Италии хорваты стали презирать в Европе, сербское же имя благодаря геройству повстанцев и ряду литераторов – Шафарику, Стефановичу (Вуку Караджичу. – В. Ф.), Капитару, Гриму, Миклошичу “стало почетным и любимым”. “Так дошло до нынешних затруднений, тем большая обязанность хорватов осветить естественное право, стойкость и честь хорватского имени”.

Павлинович признавал в Хорватии “единый хорватский народ”. Но он не отрицал сербский этноним в Хорватии. “Хорватский гражданин греко-восточной веры предпочитает называться сербом, а не хорватом? Пусть. Хочет распространить это имя на самую конфессию? Пусть. На язык? Пусть и это. На азбуку? Да, и это. Все это не мешает хорватам. И всем этим братья греко-восточной церкви свободно пользуются в Хорватии”. Сербь равно с нами свободно участвуют в законотворчестве, в несении любой службы. Но поскольку права равны, должны быть равны обязанности – “мы все должны гордиться хорватской государственностью, перед миром являться как родные дети мате-

ри Хорватии". "Если сербы не хотят называться хорватами по народу, пусть признают, что [они] хорваты по хорватскому государству и земле, большего мы не добиваемся, с нас достаточно, что хорватская национально-государственная целостность будет ограждена". Ведь не смеют же сербы и словаки в Пеште отрицать венгерскую страну, так разве можно в Загребе отречься от хорватской государственности? Гражданин Хорватии, подчеркивал автор, не должен отречься от "хорватского имени как национально-государственного", они не имеют права на особую территорию и самоуправление... Иначе они стали бы губителями "независимости и свободы" Хорватии.

Далее автор охарактеризовал "древность и самобытность" хорватской конституции и место Хорватии как противовеса Венгрии в Габсбургском государстве: федерация земель – условие стабильности империи: объединенная Хорватия, Польша (Галиция. – В. Ф.), Словения, Чехия не имеют центра тяготения вне империи, но Хорватия не отрывается и от союза с Венгрией.

Сербия не в состоянии быть центром южного славянства, продолжал Павлинович, Хорватия выше ее в культурном отношении... Бессмыслицей было бы принижать значение и Сербии, и Хорватии. "В какой мере мы требуем самостоятельности и целостности Хорватии, в той же мере – и Сербии". И далее Павлинович предлагает следующее разграничение Хорватии и Сербии: сербам – Старая Сербия, Раша, Зета с приморьем, соединение с Черногорией. Часть Боснии до Врбаса (большая часть. – В. Ф.). "Освободят (сербы. – В. Ф.) ранее нас и турецкую Хорватию (северо-запад Боснии. – В. Ф.)? Мы не станем ее отрицать, чтобы отдать мадьярам и немцам". "Но одно Сербия пусть не требует от нас: чтобы мы для них создали Великую Сербию, ликвидируя Хорватию..." "Мы добиваемся хорватского права и хорватского государства". Никакой вражды из-за церквей, против вмешательства их в государственную жизнь, не смешивать конфессию с народностью. Отстаивать свободу вероисповедания. "Католик в Сербии, православный в Хорватии могут быть хорошим сербом и хорватом, лишь бы честно выполняли свои подданные обязанности".

"Различие сербства и хорватства – две истории, два отечества, два государства, две религии, две культуры, две цивилизации, наконец, две азбуки. Эти различия, вопреки общности крови и языка – не видимость, древний раздел не мог не сказаться. Хорватство принадлежит западу, сербство – востоку. Историю не смешать, все живое стремится к собственной жизни". "Все это можно согласовать, из этого можно создать выпуклую общность, но нельзя загнать в единство". Нравы, обычаи сербов и хорватов различны. Обо всем этом можно сожалеть, но это "живая истина": серб не хорват, хорват не серб.

Во всем этом было много реализма, но при этом Павлинович доказывал хорватское право и на преимущественно православную Боку Которскую. Он опровергал “словинство” Дубровника*. Он стремился сохранить целостность современной ему Хорватии, т.е. Триединого королевства, писал о недостатках средневековой и современной ему Сербии, в том числе о распространении безверия – результате воздействия европейских университетов, отмечал бесновательность популярного в Сербии принципа Караджича “сербы все и всюду”; он резко возражал против идеи создания сербской территории в Хорватии. В более отдаленном будущем единственная рациональная перспектива, по Павлиновичу, – “югославянский союз, во-первых, при сохранении священной самобытности словенцев, хорватов, сербов и болгар; во-вторых, при гарантии общей независимости от внешнего насилия... Все эти народы имеют различные местные интересы, но у всех равные интересы на Дунае и на Адриатическом море. Югославия будет прекрасной и великой, но не подобной единой Франции или Италии и Германии, но подобной федеративной Швейцарии или соединенной Америке. Точнее говоря, Югославия будет такой, какой ей лучше всего соответствует быть: сообществом братских народов, союзом государств, нераздельных союзников. Ошибается тот, кто думает, что в наш век национальности одна лишь общность крови и языка предопределяет создание сильных и счастливых государств”. В заключение Павлинович вновь подчеркнул взаимосвязь величия католической церкви и прочности хорватского государства, их взаимопомощь... “Хорваты католики, хорваты – самые просвященные среди южных славян”, они уважают латинское богослужение, но “гордятся хорватским (славянским) церковным языком, который сближает католиков и православных...” “Священники Хорватии – на ноги!” – закончил свою программу 1869 г. Павлинович.

Последний призыв характерен: духовенство, силу, влиятельную в массе крестьянства, Павлинович призывал возглавить национальное движение.

Программа Павлиновича не получила поддержки даже среди близких ему людей, и автор не решился ее опубликовать. Слишком значительным был разрыв со славизмом народняков. Но Павлинович в общих чертах угадал направление развития некоторых течений хорватского национального движения: лояльность Габсбургам, стремление создать хорватское государство в рамках империи, учет возможности

* В Дубровнике особенно широко распространилась идея “словинства” (югославизма) как единой народности.

создания в будущем югославянского союза вне империи. Важнейшим в его программе было признание существования четырех югославянских наций, провозглашение хорватской государственной нации в Хорватии, и, наконец, признание за сербами Хорватии этнических прав, но не национально-политических. В этом отношении Павлинович был значительно более умеренным, чем идеологи панхорватизма А. Старчевич и Э. Кватерник (начавшие свою деятельность в 50-х годах), и в конце 60-х годов был близок к позиции народняков Хорватии и Славонии (Ф. Рачкий, Д. Кушлан и др.) в вопросе о хорвато-сербских отношениях.

Новый принцип Павлиновича – “хорват и католик”. Часть историков видят в этом зарождение клерикализма. Скорее, это последнее проявилось в призыве к духовенству занять активную позицию в политике. Идеологи народняков как Далмации, так и собственно Хорватии, югослависты, выступали против выдвижения конфессии на первый план, против акцента на католицизме и противопоставления его православию, ибо это шло вразрез с идеей хорвато-сербского сотрудничества, сближения и, в отдаленном туманном будущем – слияния. В этом отношении Павлинович все более отходил от них.

Но сама констатация того факта, что хорват это католик (вопреки тезису программы, что конфессии не следует смешивать с народностью), еще не содержит клерикализма. Ведь именно так размежевание по конфессиям – шел реальный процесс формирования хорватской и сербской наций. Иное дело, что сам этот процесс создавал благоприятные условия для развития клерикализма.

Конец 60-х – начало 70-х годов ознаменовались двумя взаимосвязанными событиями, изменившими политическую обстановку в Далмации. Первое из них – восстание горцев Боки Которской в 1869 г.¹⁵

Накануне восстания обстановка была накалена. В 1868 г. К. Петкович сообщил об удвоении налогов, что обострило обстановку в сельской местности и борьбу колонов против землевладельцев. Борьба проявлялась “в поджогах и истреблении оливковых деревьев и виноградных лоз... [это] сделалось обычным...” Кроме того, народ “в высшей степени огорчен и раздражен против правительства”¹⁶. Австрийское правительство, следуя курсу на унификацию Цислейтании, отменило старинную привилегию бокельцев нести охранную службу у себя на родине, сохраняя при этом народную форму одежды. Теперь было решено ввести в Боке Которской ландвер, как и во всей монархии, что нанесло бы ущерб хозяйству крестьян. Это переполнило чашу терпения горцев, и так влачивших крайне бедное существование под беспощадной системой налогов. По образу жизни горцы Боки мало отличались от соседних герцеговинцев, поддерживали их восстания против османов, сохраняли и связи с Черногорией. Австрия всегда оставалась для

массы крестьян-пастухов чуждой державой. В 1869 г. бокельцы отказались исполнить новый закон. Императорские карательные войска были дважды разбиты бокельцами, что вызвало нескрываемое ликование в сербских радикальных кругах вплоть до Воеводины.

С этим восстанием, по-видимому, были связаны провокационные планы властей. Австрийский генштаб, следивший за народными восстаниями в Боснии и Герцеговине, а в 60-х годах – за военными приготовлениями Сербии, имел детальные планы вторжения в Боснию и Герцеговину. Имеются предположения, что события в Боке были спровоцированы, чтобы их использовать как повод для австро-венгерского вторжения. Далматинский наместник генерал К. Вагнер пытался привлечь к сотрудничеству в этом предприятии хорватских народняков, вновь подняв вопрос о возможности присоединения новых земель к Хорватии. Но Штросмайер и Мразович после первых переговоров отказались от участия в этой аванюре. Да и события в Боке приняли характер затяжного конфликта. Горели горные села, страдали австрийские подданные, в югославянских землях нарастало недовольство. Правительству пришлось назначить нового наместника генерала Гаврилу Родича, который в январе 1870 г. заключил мир с повстанцами, признав их прежние права и согласившись на возмещение понесенных ими в результате конфликта убытков.

Эти события показали, насколько обострена внутренняя обстановка в Далмации. “Такова судьба Австрии: вчера еще незначительная народность может вдруг получить значение, вчера еще... презираемый народ вдруг каким-то чудом сознает самое себя, силится иметь свой голос... В таком положении находится в настоящую минуту Далмация... Которское восстание обратило общее внимание на Далмацию, а здесь оно пробудило народное самосознание, которым поспешили воспользоваться в Вене, не давая ему обратиться прямо и неуклонно против Австрийской монархии”, – сообщал русский консул в Дубровнике А. Ионин¹⁷.

Правящим кругам было необходимо расширить свою политическую опору в провинции, а для этого пойти на соглашение со славянами. Впервые было решено не только не мешать, но содействовать победе народняков на выборах в сабор. А. Ионин утверждал: “Сама по себе славянская партия, несмотря на свою многочисленность, до победы пока бы не добралась, ибо правительство... имело в своих руках города, чиновников и большую часть населения в тех местностях, где сохранились еще остатки феодальных прав, как, например, в Рагузе. Но правительство... против своих традиций явно помогало славянской партии. Славяне нигде не могли на него пожаловаться, и во многих местах только зарские (задарские. – В. Ф.) власти обусловили их победу. Так, в

Книне были смещены два чиновника, которые по старой памяти противодействовали славянам. В Рагузе два католических священника, подстрекавшие народ против поземельных владельцев (принадлежащих к славянской партии), были посажены в тюрьму. Во многих, почти во всех других местах оказывалось то же покровительство. Между тем партии итальянской (автономам) не оказывали ни малейшего содействия¹⁸. В этих условиях в июле 1870 г. народняки завоевали 24 места, автономисты – 16, при этом 16 народняцких депутатов прошли от сельских округов, в городах же народняки остались в меньшинстве. В соответствии с законом об организации управления Далмацией народняки получили возможность сформировать из членов сабора провинциальное правительство (земельный комитет), из их среды императором был назначен председатель сабора, он же – помощник наместника по делам гражданского управления. Этим чиновником стал сербский литератор бокелец Стефан М. Любиша, ранее единственный (из пяти далматинцев) представитель народняков в австрийском рейхсрате.

В компетенции сабора и земельного комитета находились местный бюджет, сельское хозяйство, строительство местного значения, школы (но решающее слово о языке преподавания и программах оставалось за министерством в Вене), контроль за администрацией четырех округов (Задар, Сплит, Дубровник, Котор) и общин. Бюджет такой бедной провинции, как Далмация был столь невелик, что, начиная какое-либо дело, сабор был вынужден обращаться за субсидией в Вену и ждать помощи подчас несколько лет.

3.

Завершающий период хорватского национального возрождения в Далмации. Боснийская проблема в 70-х годах XIX в.

После победы на выборах в сабор в 1870 г. народняцкое большинство не было устойчивым. Каждые выборы сопровождались раздачей денег малоимущим крестьянам и горожанам, а это, особенно в часто повторявшиеся голодные годы, могло определить результаты голосования. Подкуп избирателей давал все больший эффект народнякам, что косвенно свидетельствовало о постепенном росте национальной буржуазии и, как следствие этого, нарастании превосходства народняков над автономистами в материальном отношении. Однако все же своим

средств нехватало. Клаич признавал эту ситуацию позорной, но был вынужден обращаться к Штросмайеру, ссылаясь на то, что так же поступают противники. Епископ никогда не отказывал. Обещания Клаича, что данная просьба о помощи – “последняя”, не сбывались, и впоследствии он вновь извинялся и вновь вынужден был просить денег.

В конце 60-х годов австрийское правительство воспользовалось ирредентистскими устремлениями объединенной Италии, чтобы укрепить свое влияние на славян Далмации. Но ждать полного уравниения хорватского языка с итальянским во всех учреждениях Далмации пришлось очень долго.

“Славо-далматство” стало исчезать из политической жизни, хотя сохранилось в сознании далматинских горожан. Политически его вытесняли национальная хорватская и сербская ориентация. Постепенно стала выдвигаться на первый план проблема хорвато-сербских отношений, тогда как ранее это место занимал славяно-итальянский конфликт. Именно хорвато-сербские отношения оказались в центре политической жизни Далмации в 70-х годах и, как оказалось, надолго. Их роль систематически возрастала.

Рачкий, Мразович и другие народняки в собственно Хорватии, Клаич в Далмации в этих условиях пытались удержаться в рамках югославизма, т. е. сохранить возможность хорвато-сербского сотрудничества. При этом в собственно Хорватии была сформулирована программа федерации южных славян, в которой был сделан акцент на равных правах каждого государства (1874 г.). Фактически условием хорвато-сербского сотрудничества здесь провозглашались целостность и хорватский национальный характер Триединого королевства. Но сербские идеологи не соглашались с этим.

В 70–80-х годах Рачкий полагал, что каждый южнославянский народ, в силу особых условий, может проводить свою политику, но она должна быть направлена на сближение между собой южных славян (в 1878 г. к ним добавилось Болгарское государство), по крайней мере, эта политика не должна осложнять процесс сближения, т. е. всегда иметь в виду конечную цель. Однако и в этом югославистов ожидало разочарование. Таким разочарованием, в частности, явилась сербско-болгарская война 1885 г.

В Далмации М. Клаич стремился сохранить единство Национальной партии и “старое направление” газеты “Народни лист”, когда подчеркивалась общность хорвато-сербских интересов. М. Павлинович же все более четко защищал принцип хорватского государственного права. Это было начало политической переориентации части народняков, завершившейся во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. (Впрочем, в части, касавшейся национально-политической деятельности сербов в

хорватских землях, включая Далмацию, взгляды Павлиновича и загребских народняков совпадали: все они были настроены против такой деятельности, т. е. придерживались идеи единственной “хорватской политической нации”^{*}.

Хорватское государственное право и теорию “хорватской политической нации” Павлинович сочетал с ориентацией на политику Габсбургов, т. е. с верностью династии. Однако опубликовать свою программу 1869 г. он не мог, в частности, потому, что там допускалась возможность в отдаленном будущем независимого (от Австрии) союза южнославянских государств.

После победы на выборах перед народняками встала проблема дальнейшей политической деятельности. Русский консул в Дубровнике А. Ионин сообщал по этому поводу в 1871 г.: «Из разговоров моих со здешними корифеями славянской партии я мог заключить, как вдруг переменялись их взгляды на свои цели после успеха на выборах. Прежнего озлобленного отношения к Вене уже не заметно. Прежде соблаговолители о том, что Сербия ничего не делает, обращая свои взоры на этот свободный центр, и с большим сочувствием относились и к Черногории. Теперь вдруг начали говорить, что могут добиться своего и в Австрии. До сих пор, говорил мне [Косто] Войнович (его, как и Павлиновича и Данило, А. Ионин относил к “радикалам” партии народняков. – В. Ф.), мы знали, что делать и делали, что нам хотелось. Нашей целью было противиться всеми силами австрийскому правительству и раздражать народ против него, и эта цель достигалась, теперь... на нас ложится обязанность делать уже что-нибудь более положительное, объявить наши цели. Но какие это цели? Их, собственно, нет, ибо исключительная ненависть к правительству не может быть целью большинства – тогда бы оставалось только поднять восстание... Радикально мыслящих между нами двое или трое. Остальные... обрадовались, что могут жить славянами в Австрии»².

Франко-прусская война 1870–1871 гг. также повлияла на политическую ориентацию югославян, продолжал Ионин. Господствует страх перед Германией и Италией – хорваты полагают, что раз нет лучшего, следует не ослаблять Австрию, но помогать ей дать отпор немцам (в случае попытки аншлюса. – В. Ф.). “Если нет возможности славянам

^{*} Так, Д. Кушлан заявил в хорватском саборе в 1866 г., что все права в сфере культуры, политики, управления, суда и пр. (права занимать любые должности, в частности) сербы Хорватии имеют, но “государство, корона, конституция, публичное право – все это хорват должен сохранить... Это наше государство, которое называется хорватским ... и ради какого бы то ни было согласия мы его ни с кем в мире делить не можем”¹.

объединиться для отпора, то лучше временно [сплотиться] вокруг ненавистных Вены и Пешта”³.

Итак, для радикальных планов не было места и надо было искать условия сосуществования с правительством. Первое испытание надвинулось уже в 1867 г. Народняки традиционно требовали соединения Далмации с Хорватией и Славонией, а сабору было предложено послать пять делегатов в австрийский рейхсрат. И эти делегаты были избраны и посланы. Один из них – С. М. Любиша представлял народняков, четверо были автономистами. Следовательно, фактически народняки признали автономию Далмации и действовали в ее рамках, чего и добивались автономисты.

Второе испытание обрушилось в 1873 г. Стремясь ослабить влияние на общегосударственные дела земельных сеймов, в особенности чешского с его мощной оппозицией, правительство внесло в рейхсрат законопроект о прямых выборах депутатов рейхсрата вместо прежнего порядка, при котором депутатов посылали земельные представительные собрания (сеймы, ландтаги, в Далмации – сабор). При этом реформа означала определенную демократизацию представительной системы. Так, число депутатов от Далмации увеличилось с пяти до девяти человек. Славянские деятели (чехи, поляки, словенцы) увидели в этой реформе новый шаг по пути централизации власти и упрочения австро-немецкого господства и договорились провалить законопроект. Пять голосов далматинцев в этой обстановке играли важную роль. Вопреки решению сабора “пятерка” (С. М. Любиша, И. Данило и др.) проголосовала за законопроект. Этот поступок вызвал волну негодования в Чехии, которая играла роль лидера славянской оппозиции, а вслед за ней в других славянских землях и в самой Далмации. Выяснилось, что правительство обещало “пятерке” субсидии на некоторые местные хозяйственные работы и просто подкупило депутатов.

“Пятерка” была исключена из Национальной партии. Она создала свою группу под названием “Земляк” (или Национально-центристскую партию) и стала издавать одноименную газету. Между тем, голосование пятерки в 1873 г. явилось естественным продолжением политики Национальной партии с того момента, как она приобрела большинство в саборе: это была политика сохранения и закрепления большинства, что предусматривало сотрудничество с правительством Австрии и наместником Г. Родичем. Крайне слабая буржуазия Далмации еще не могла себе позволить сколько-нибудь самостоятельную политику: нужны были систематические уступки и подачки со стороны Вены (финансирование осушения какого-нибудь болота, назначение “своего человека” на должность и т. п.)⁴. Но в сфере экономики результаты этой политики народняков оказались неудовлетворительными, в язы-

ковом же и школьном вопросе, как говорилось, перемены начались с 1866 г., но с черепашной скоростью. Так, в 1870 и 1871 гг. сабор просил хотя бы о частичном введении народного языка в органы управления и его уравнивании в правах в отдельных сферах общественной жизни.

Далматинцы поддерживали как правительство К. Гогенварта, подававшее надежду на федерализацию Австрии, так и – после неудачи Гогенварта в конце 1871 г. – централистское правительство А. Ауэрсперга. В 80-х годах далматинцы сотрудничали с правительством графа Э. Тааффе (1879–1893 гг.), умело лавировавшим между разными силами рейхсрата.

Поскольку лидером “Земляка” был серб Стефан М. Любиша (1824–1878), раздор в Национальной партии затронул и хорватско-сербские отношения. “Земляк” поднимал вопрос о положении сербов и даже – в пику Национальной партии – о положении кметов в Дубровнике (землевладельцы-патриции Дубровника поддерживали Национальную партию), а “Народни лист” к этому времени понал под растущее влияние М. Павлиновича и его сторонника священника Юрая Бьянкини, ставшего редактором газеты. Деятельность “Земляка” продолжалась несколько лет (1873–1876 гг.), причем число его сторонников возросло. Р. Петрович обоснованно отметил, что программа “Земляка” исходила из того, что соединение Далмации с собственно Хорватией пока что неосуществимо и нечего раздражать власти, выдвигая это требование⁵. Этой позиции фактически придерживался и сабор, высказавшись в своих адресах 1870 и 1871 гг., как писал “Земляк”, за сотрудничество с правительством ради обеспечения “хорватской и сербской народности (народность, по мнению газеты, единая. – В. Ф.) и ее мирного развития” в условиях “управления, руководствующегося народным духом”. Как “Земляк”, так и Национальная партия считали это возможным в конституционной Австрии⁶.

С. Любиша по тайному указанию наместника Г. Родича пошел на блок с Луиджи Лапенной, лидером чиновников-автономистов, фигурой ненавистной народнякам еще до 1870 г. В результате этого на выборах в рейхсрат в 1873 г. автономисты получили 5 мест из 9. Любиша, являвшийся более 10 лет депутатом рейхсрата, служил австрийскому правительству и вместе с тем был платным агентом сербского правительства⁶. Есть все основания считать, что за реформу 1873 г. Любиша голосовал по требованию венских властей. Но в целом “земляки”, а затем

⁵ Умеренность в политике не означала отказа от идей славянской “взаимности”. Так, католический священник, публицист и филолог Иван Данило (1820–1895) посетил этнографическую выставку в России в 1867 г., за что по возвращении был заключен в тюрьму на 36 дней. В 1873 г. он стал редактором “Земляка”.

и народняки сделали невозможным возвращение автономистов в качестве партии большинства в саборе.

Вскоре Любиша вместе с группой депутатов рейхсрата составил консорциум, замешанный в афере с получением правительственной лицензии на строительство железной дороги. В Далмации считали, что это плата за голосование “пятерки”. Поэтому, чтобы снять с себя подозрение в корыстных действиях, Клаич и Монти ушли из консорциума, а Любиша и ряд автономистов остались. Клаич вступил в другую компанию, но Любиша оказался более удачливым: его группа получила лицензию и выгодно ее продала. Дело вылилось в беспощадную конкуренцию двух деятелей, и Клаич решил устранить Любишу из политики. Наконец, отношения Любиши с группой Павлиновича обострились, по-видимому, в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине и вопросом о судьбе этих провинций.

Все эти личные отношения не стоили такого внимания, если бы они не способствовали обострению хорватско-сербских противоречий. Любиша, чтобы упрочить свои позиции, поднял вопрос о сербско-хорватских отношениях. С начала 70-х годов, не без импульса со стороны воеводинских сербов, в Далмации замечается движение “против католицизма и хорватизма”, участие в нем приняло и духовенство. Группа “Земляк”, состоявшая из хорватов и сербов, выступила против Павлиновича и связанной с ним редакции газеты “Народни лист”. “Земляк” отклонил концепцию хорватского государственного права и “политической национальности” и стремился вернуть газету к “старому направлению”, т. е. идее славянской народности. В письме к Йовану Ристичу, фактически возглавлявшему в это время Сербское княжество, Любиша и Данило формулировали свои мысли, как они считали, “близкие сердцу” Ристича, т. е. политике Сербии: “Равноправие языков (имеется в виду латиница и кириллица. – В. Ф.), веры граждан, улучшение умственного и материального положения нашего народа; .. клерикализм и хорватизм, инициатором чего является Павлинович, могли бы довести до гибели нашу страну... Все разумные и умные люди – с нами, спасшими эту народность...”⁷ Но логикой самого конфликта на первый план стали выдвигаться “национальные индивидуальности” – сербская и хорватская; это стимулировалось самим процессом формирования наций.

Противники Любиши указывали на его сербизм (хотя в его группе были и хорваты). В связи с этим конфликтом сербы подумывали о создании своей газеты и партии. В 1876 г., видя противостоящее ему хорватское народняцкое большинство в саборе, Любиша заявил, что всегда считал себя не членом какой-то партии, но частью сербского народа. Так он дал импульс “сербской идее” в Далмации. Впрочем, и во времена

“словинства” Любиша не забывал, что он “серб и православный христианин” (1867 г.). Когда Любиша обвинил народняков в хорватизме, Клаич отрицал, что хоть раз “сделал, написал или сказал” что-то, задевающее сербов, тем более, что “хорваты и сербы – один народ”. Но в деятельности Павлиновича после 1866 и особенно с 1869 г. хорватизм несомненно присутствовал.

Клаич безуспешно пытался сохранить расплывшуюся ткань “словинства” (югославизма). В программе клуба народняков в саборе в конце 1873 г. были подчеркнуты признание хорватского государственного права и задача соединения с собственно Хорватией, вместе с тем наличие единой славянской народности в Далмации, полное равноправие хорватов и сербов, свобода конфессий, обязательство, чтобы “Народни лист” проводил эти принципы⁸. Клаич хотел сохранить в партии хотя бы либералов обеих конфессий, изолировав “радикальных” клерикалов (хорватов и сербов). Новая программа клуба народняков была сформулирована в 1875 г. и опубликована в 1877 г. Здесь подчеркивалось: 1) необходимость осуществить национальный принцип, хорватское государственное право и объединить Далмацию с Хорватией и Славонией; 2) равноправие хорватов и сербов Далмации во всех отношениях, ибо они составляют один народ; 3) клубу депутатов вопросам религии не заниматься. Как видим, в отличие от 60-х годов, здесь говорилось не о словинском (славянском) народе, а о хорватско-сербском народе, о хорватах и сербах.

Но по мере расширения трактовки “хорватского права” на всю Боснию и Герцеговину (см. ниже), сама эта идея становилась неприспособленной для сербов. Так что конфликт Любиша – Клаич, конечно, способствовал расколу народняков, хотя не был его причиной. В январе 1877 г. Любиша выступил в саборе против воссоединения Далмации с Хорватией и Славонией, сославшись на неудовлетворительный статус сербов в Хорватии и Славонии. Этому он противопоставил благоприятное положение сербов в Цислейтании и говорил о горячем желании населения Боки Которской (Любиша был многолетним представителем Боки в саборе) оставаться в пределах Цислейтании⁹.

Председатель сабора Любиша в 1876 г. был обвинен в коррупции, в связи с чем сабор был распущен, а в 1877 г. депутатский мандат Любиши не был утвержден сабором и это стало концом его политической карьеры. Группа “Земляк” уже ранее распалась, а народняки, как правящая в Далмации партия, в своем отношении к австрийскому правительству фактически перешли на позицию “Земляка”.

Случай с “Земляком” стал прецедентом. Когда правительству были нужны голоса далматинцев, оно обещало открыть школу на народном языке, финансировать какие-либо необходимые работы и т. п. Эта

тактика сложилась в традицию политики властей в отношении бедной средстами Далмации. В условиях стабилизации дуалистского режима в 70-80-х годах иного выбора слабая местная буржуазия не имела.

Еще до этих событий эрозия Национальной партии была связана с международной обстановкой, событиями в Австро-Венгрии и самой Далмации. В 1870 г. Рим был занят итальянскими войсками вопреки протестам и анафеме папской курии. Далматинское католическое духовенство, связанное с итальянской культурой, уже в 60-х годах было крайне взволновано конфликтом итальянского либерального государства с Ватиканом. Италия не признавала светскую власть папы, возражала против контроля церкви над школой. Ватикан же не представлял себе отказа от тысячелетней власти над Папской областью в центре Италии и над городом Римом. Церковь держалась консервативных принципов, проповедовала взгляды, присущие феодальной эпохе. Так, в "Силлабусе" (1864 г.) и соответствующей энциклике Пия IX были преданы проклятию естественные науки, либерализм, социалистические теории и гражданский брак. Павлинович руководствовался этими постановлениями.

В Австро-Венгрии у власти находились либералы. В Далмации либералы – верующие католики – выступали против сильного влияния церкви на общественную жизнь. В 1866 г. в полемике об отношении школы и церкви М. Клаич возражал против должности церковных инспекторов школ, хотя не был против сохранения "в данное время" влияния церкви на школу вообще. Итальянский опыт секуляризации школы он считал примером для Далмации.

В 1868 г. Павлинович отстаивал противоположную точку зрения: присутствие церкви в школе – "вопрос европейского будущего, вопрос нашей веры и культуры, вопрос жизни", иначе молодежь попадет под влияние Молешотта, Фохта, Гегеля и Ренана...¹⁰

Разногласия между либералами и консерваторами проявлялись и в отношении ситуации в Италии. Н. Нодило вспоминал, что ему, как редактору (1862–1866 гг.), приходилось сглаживать статьи Клаича в "Национале", содержавшие чересчур смелые замечания по адресу папства. Толчок церковно-католическим чувствам Павлиновича и его сторонников дало занятие Рима королевской итальянской армией, а эти чувства, это огорчение сказались и на отношении к православию и сербам, тем более, что формула "хорват и католик" была уже произнесена Павлиновичем (1869 г.). Кстати, эта формула была опасна для единства Национальной партии и планов укрепления целостности Триединого королевства, поэтому ее не принимали некоторые весьма религиозные хорваты (не без влияния на них Й. Ю. Штросмайера). Все же над славизмом народняков нависло темное облако.

После победы на выборах в сабор в 1870 г. либералы ради сотрудничества с австрийским правительством приглушили проблему соединения с Хорватией и Славонией, консервативное крыло народняков согласилось с этим, но настояло на включении в адрес своих взглядов на церковь.

Более того, К. Войнович, отличавшийся своей набожностью (позднее даже епископ Штросмайер не удержался от удивления по этому поводу), в 1871 г. выступил с идеей основать в Далмации “католическо-хорватскую партию”, а Павлинович считал, что такая партия “фактически существует”. Он на некоторое время даже пересел в Задар, чтобы усилить свое влияние на газету. В “Народном листе” сторонники Павлиновича настаивали на принципе хорватского исторического права и воссоединении с Хорватией и Славонией.

М. Клаич, неоднократно обращавшийся к Штросмайеру за деньгами для газеты, в 1872 г. пожаловался, что деньги епископа Павлинович использует для поддержки национально-религиозного курса “Народного листа” (вокруг газеты шла борьба со времени прихода в редакцию в 1871 г. Ю. Бьянкини, и Павлинович, случалось, тоже жаловался Штросмайеру на ее направление). Клаич просил епископа подтвердить, что деньги предназначены для поддержки “старого курса” газеты. Этот курс Клаич обозначил так: “Защита соединения и славянской народности в Далмации, распространение славянской взаимности и, особенно, братских отношений между хорватами и сербами, оставляя полностью в стороне религиозные вопросы”¹¹. Штросмайер подтвердил, что поддерживает “старый курс” газеты.

Но стабилизация внутреннего и внешнеполитического положения Австро-Венгрии временно сняла актуальность далеко идущих югославистских планов, которыми были столь богаты романтические 60-е годы, а это объективно ослабляло значение хорвато-сербского сотрудничества. С началом же восстания в Боснии и Герцеговине (1875-1878 гг.) проблема дальнейшей судьбы этих земель особенно сказалась на хорвато-сербских отношениях. Кроме того, нельзя упускать из виду, что влиятельные круги в Вене, действуя через заместника Г. Родича, подталкивали народняков Далмации к расколу.

Усиление клерикально-консервативного крыла в Национальной партии, базой которого стала верхушка села и связанное с ней сельское духовенство, одним из источников имело нарастающую остроту социальных противоречий между колонами (кметами) и землевладельцами. Доведенные до рубежа нищеты крестьяне любыми путями избегали исполнять свои повинности. Духовенство считало своим долгом “держат в руках” крестьянство, не допускать его до бунтов. Полагаем, на эту сторону дела в литературе не обращалось достаточного внима-

ния. Разумеется, эти обстоятельства не ведут к однозначно отрицательной оценке клерикализма.

Относительно клерикализма Павлиновича крупнейший современный (недавно скончавшийся) хорватский историк Ярослав Шидак высказался осторожно: он написал об “определенных выразительных клерикальных чертах” взглядов хорватского деятеля, выявившихся особенно в связи с конфликтом папы и итальянских властей (1870 г.), а также законодательством австрийского либерального правительства (после 1869 г.). Но, полагал Шидак, до самой смерти (1887 г.) Павлинович не стал “ярко выраженным клерикалом”¹².

Убежденный либерал М. Клаич осуждал “неверно понятый католицизм” Павлиновича. В письме от 28 августа 1871 г. он писал ему: “Михо, избавься от такого католицизма или, по крайней мере, если так хочешь думать, пожалуйста, но в политику такие мысли не примешивай. Давай проводить нашу национальную политику, как и доньше, и верь мне, что будет ли папа или не будет светским государем, будет ли он непогрешимым сам или совокупно со всей церковью, от всего этого народу никакой пользы и народ этим не интересуется. Штросмайер и Рачкий резко осуждали этот беспредметный клерикализм, который пыгается распространиться в Далмации и грозит нам большими неприятностями”¹³.

Действительно, Штросмайер и Рачкий являлись противниками политического клерикализма (хотя отстаивали христианские взгляды в сфере культуры). Рачкий, например, выступил против учреждения в Загребе особой католической типографии, что, по его мнению привело бы к еще большему отчуждению между католиками и православными. Рачкий не мог понять католиков, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сочувствовавших османам. Оба высоких католических сановника на сдерживали недовольства (в письмах друг другу) по поводу антирусского заявления папы в связи с началом этой войны*.

Наращение хорвато-сербских противоречий привело хорватских югославистов в 80-х годах к разочаровывающему выводу: хорватов и сербов разделяет столь многое, что только “великие события” могут устранить эти различия (1883 г.). Но и тогда Рачкий не упоминал религию, а имел в виду культуру и политику¹⁴.

Существенно, что ни принадлежность к духовенству, ни внешне-политические события не повлияли на этих хорватских деятелей в клерикальном духе; такая эволюция вовсе не обязательна для духовенства.

* Папа ссылаясь на преследования католической церкви и национальной культуры в Польше после польского восстания 1863–1864 гг.

На взгляды Павлиновича же, по-видимому, повлияли особые обстоятельства личного и социального характера. Под социальными обстоятельствами мы имеем в виду нараставший кризис традиционных аграрных отношений в Далмации, общий застой экономики. Под личными обстоятельствами – глубину переживаний по поводу событий в Италии и Австрии.

Клерикализм в политике – это прямое участие духовенства, как одной из ведущих сил, в политической борьбе. Это участие, ощущение его необходимости у определенных слоев – свидетельство незрелости социально-экономической структуры общества в той или иной стране. Во второй половине XIX – первой половине XX в. буржуазия в ряде стран была еще недостаточно развитой для непосредственного руководства обществом и требовалась активность сильной самостоятельной католической церкви. В современных же развитых государствах – Австрии, Бельгии, Германии, Италии – действуют светские христианско-демократические и христианско-социальные партии, которые провозглашают стремление воплотить в политике христианские ценности, действовать соответственно христианской морали, осуществлять социальную доктрину католичества, основы которой были положены энцикликой Льва XIII “Рерум новарум” (1891 г.)¹⁵ Это уже не клерикализм. Церковь сохраняет лишь нравственное влияние в системе демократического общества, партии от нее независимы.

Однако уже в начале XX в. результаты активности некоторых клерикальных партий подчас весьма впечатляют. Так, в Словении, где наряду с консервативным возникло христианско-социальное течение, его лидер священник Янез Крек создал сеть крестьянских сбытовых и снабженческих кооперативов (в маленькой стране их число к 1914 г. достигло 500), избавивших деревню от ростовщиков, соорудивших мельницы и электростанции на горных реках и вообще резко двинувших вперед товарную экономику и культуру села¹⁶.

Клерикализм второй половины XIX в., проявление которого мы отмечаем в Далмации, являлся, применяя современный термин, католическим фундаментализмом. Однако состояние церкви связано с состоянием общества. Вместе с уходом с западноевропейской политической арены консервативных сил (в смысле – экс-феодалных или связанных с полуфеодалными отношениями) изменилась и католическая церковь. Крупнейшим событием на этом пути был Второй Ватиканский собор 1962–1965 гг. Католическая церковь в Западной Европе является частью современного общества.

Вернемся к хорватским землям, в частности к Далмации. Непосредственная связь клерикализма с идеей хорватского государственного права не обязательна. В Хорватии идеолог государственного права

А. Старчевич, сторонник этого принципа С. Радич, лидер крестьянской партии, являлись противниками клерикализма. Однако социальные и личные причины, как мы отмечали, воздействовали в духе переплетения принципа государственного права и клерикальных идей у М. Павлиновича и ряда других народняков, что вызвало острые споры с либералами (либеральными католиками). Так, в 1877 г. председатель общины Дубровника Перо Чингрия, либерал, на заседании общинной управы 20 голосами против 8 провел решение участвовать в чествовании папы римского (в связи с юбилеем) как “главы римско-католической веры”, но не выступать с политическими заявлениями. Против придания торжеству политического характера (т. е. направленного против итальянского государства) неоднократно выступал Михо Клаич. В связи с подготовкой поездки хорватской делегации в Рим Клаич писал Штросмайеру: “Эти почести под видом чисто церковных торжеств являются ничем иным, как демонстрацией против итальянского единства и итальянского народа, за светскую власть папы. Молодому народу, как хорватский, который также борется за свое существование и единство, подобные демонстрации не к лицу. Особенно не к лицу из-за слов Святого Отца против России, вступившей в войну за освобождение наших братьев от турецкого яра”¹⁷.

Хотя югославизм 60-х годов (теория единого народа ввиду наличия общего литературного языка или постановка задачи создания единого народа и государства) исторически относительно быстро оказался несостоятельным, стремление ряда хорватских и сербских политиков смягчить последствия этнического разделения югославян (на хорватов и сербов), в частности не привлекать в качестве аргументов в полемике материал из сферы религии, заслуживало внимание, так как продлеvalo положение, при котором было возможно сотрудничество национальных движений за достижение общих целей (в Далмации – за торжество народного языка во всех областях жизни). Но в 70–80-х годах формировался более зрелый югославизм: его содержанием была идея федерации разных народов. В 1885 г. Ф. Рачкий писал: “На Балканском полуострове речь не идет о едином государстве, однако федеративное единство не только возможно, но лишь оно спасительно”¹⁸. Впрочем, уже тогда многое разочаровывало и давало Рачкому основания сомневаться, что развитие идет в указанном направлении (особенно сербско-болгарская война). Но историческая жизненность или несостоятельность теории южнославянской или балканской федерации еще должны были быть проверены практикой, и до этого опыта судить о югославистах-федералистах как о романтиках было рано.

В годы восстания в Боснии и Герцеговине М. Павлинович продолжал эволюционировать в сторону великохорватских взглядов. В

сочинениях “для народа” (вероятно, скорее это были беседы-наставления для сельских священников, как растолковывать крестьянам национальную программу) он показывал крайнюю важность (в том числе экономическую) объединения хорватских земель, причем в это время он включал в их состав всю Боснию и Герцеговину¹⁹. Действительно, эти провинции, широким клином вдающиеся в хорватские земли, имели огромное значение для Хорватии вообще, а для Далмации являлись сухопутным путем в мир, надежным материковым тылом, экономической основой процветания ее портов и судоходства и пр. Но все это разбивалось о тот факт, что хорватское сознание среди югославян-католиков там (в Боснии) было в самом зачатке, а сами католики составляли менее 1/5 населения провинций. Казалось бы, это противоречило тезису “хорват и католик”, но здесь Павлинович прибегал к “историческому праву” и такому аргументу, как выгода. Наконец, как правило, и сербы, и хорваты в подавляющем большинстве замалчивали проблему мусульман (вернее, считали само собою разумеющейся принадлежность их к своему народу).

В своих сочинениях времени восстания, написанных в форме бесед группы лиц, Павлинович устами Петра, своего alter ego, доказывал историческое хорватское право на Боснию и Герцеговину и географическую необходимость включения их в состав Хорватии. “Все ее (Боснии. – В. Ф.) отношения, весь народный оборот и посуху, и через водную границу идет с Хорватией и Далмацией”. “И территория, и общение, и торговля – всё их (Хорватию и Боснию. – В. Ф.) неразрывно связывает”. “Лишь таким расширением Далмация получает свое лицо и свой естественный тыл, а хорватское Посавье... связывается с далматинским приморьем”. “Без Боснии Хорватия от Котора до Земуна – сплошное неудобство”. Хорватия находится в комплексе габсбургской империи, и – Павлинович верит в это – империя ради своей же пользы поможет ей обустроить страну, “что наряду с... прогрессом Хорватии придаст жизненные силы самой империи”. В этом суть взглядов Павлиновича: в отличие от Рачкого и Штросмайера, полагавших в то время, что империя (в особенности правящие круги Венгрии) готова “утопить нас в ложке воды” (Штросмайер) и, конечно, не может освободить югославян, Павлинович верил в совпадение интересов Хорватии и Австро-Венгрии.

Итак, подводил итог Петр, “хорваты хотят хорватского права, самостоятельности, целостности территории, конституции”. Всего это-

¹⁹ Сербская национальная мысль включала Боснию и Герцеговину в пределы сербских интересов уже с 1844 г., и Сербия осуществляла здесь национальную пропаганду посредством своих агентов и печати (особенно в 60-х годах).

го надо добиться законным путем... “Все славяне дороги хорвату и будут еще дороже, став свободными, прогрессивными, сильными, чтобы могли помогать друг другу как братья...”

Что касается сербов, считал автор, то они как народ живут в Сербии, в Хорватии же есть сербы по вере якобы сербской, но нет особого сербского народа (нации) с особой политической тенденцией; народ определяется государством. Итак, в Хорватии – хорваты, в Сербии – сербы. Павлинович полемизирует с сербским историком Д. Медаковицем, называющим католиков “поримлянными сербами” (1851 г.).

Славяне – общность племен, продолжает Петр, подобная англосаксам и германцам (немцы, скандинавы и т. д.). Мир знает “великое славянское государство Россию”, поэтому уместно название “славянская читальня” в Сан-Франциско или Нью-Йорке, но “славянская читальня” в Которе или Сплите – смешно, нелепо. “Славия” – сон, и не может стать нацией. У славян – разные наименования, языки, литература, сознание, государства. “Неужели нам лишиться языка, имени, истории, границ, королевства, в которые вложено столько кровавого труда и пролито столько героической крови?” Согласие между славянами против врагов возможно на основе дружбы и равенства. “Пусть русский, как более сильный и старший, будет нам опорой”, сможет нас поддержать дипломатически и военной силой... Серб путь несет знамя на восток, в этом “мы его, пусть знает, вернейшие сторонники” . Но сами не откажемся от хорватского права... “Панславизм не отвечает ни истине, ни справедливости, он не совпадает ни с желаниями отдельных славянских народов, ни с их духовными потребностями, он противоречит их правам и обязанностям. И он неосуществим”. Единства южных славян нет, у славян нет ничего, что уподобляло бы их Италии... “Я считаю, что Югославия и южное славянство в смысле единого народа и государства – пустой сон или ложь”. Югославия – это комплекс стран, сербы, болгары, хорваты, словенцы – три или четыре родственных народа, и им уже, по крайней мере теперь, не слиться. Хорваты и сербы, продолжает Петр, один народ по крови и языку, но не по истории, не духовно, не по государственному праву... “Хорватам не мешают ничьи названия, но им бы мешали нехорватские устремления”. “Ядро народности – сознание индивидов, что они принадлежат к особой общности людей”, – этого нет у сербов и хорватов. Религия также их разделяет... Хорваты верны своему государю и “историческим отношениям с Ав-

* Павлинович предлагал сербам осуществлять экспансию восточнее и южнее Боснии и Герцеговины, оставив последние хорватам: “у сербов естественная граница Дрина”... Сербские земли, по Павлиновичу, – Старая Сербия, Раша, Зета, Черногория и Албания. Различные с 1869 г. существенное (см. выше).

стро-Венгрии”. Хорваты пустили сербов на свою землю, но в новое время в Хорватию вносится “сербская идея”. Бокельцы “по крови есть и хорваты, и сербы, но все они на государственной земле Хорватии и в национально-государственном смысле – хорваты”. Сербское имя нельзя позорить, но нельзя и допускать сербской политики в Хорватии. Пожалуйста, будьте сербами по вере, но не выступайте против хорватского государства”.

В ответ на предложение принять название “сербо-хорват” и так решить все проблемы (т. е. признать национальное единство югославян, – кстати, то, что проповедовал сам Павлинович в 1862 г.) Петр заявляет, что это на руку тем, кто стремится построить “вымышленное здание, которое не имеет жизненных оснований” (так Павлинович оценивал идею единого государства, т. е. Югославии в 1876 г.). Да, добавляет он, “кто из сербов это примет?” – замечание справедливое, так как сербские национальные идеологи в XIX в. не воспринимали каких-либо “сверхнациональных” этнонимов (за редким исключением отдельных и невлиятельных сторонников иллиризма в 40-х годах и, в определенных рамках, С. Милетича в 60-х годах) и всегда отстаивали национальное имя. Исключением было “словинство” в Далмации, но оно было у сербов поверхностным и сочеталось с сербским сознанием”.

Особое значение для национальной сущности Петр придает вере: она “на века будет главным двигателем” величайших народных деяний, следовательно, по его мнению, опасно смешиваться с народом другой веры; более того, главная связь между людьми – вера, а не национальность... Не смешивая национальность и католичество, Петр считал, что католичество дает хорватам духовное единство, гарантию внутреннего мира.

В ответ на реплику, будто “международная революция” разрушит империю Габсбургов (и решит югославянский вопрос), Петр замечает, что революция уже принесла много бед Европе, особенно “самому родственному государству” – Франции (по-видимому, ввиду католицизма. – В. Ф.). “А если б после нашего конвента и коммуны пришел какой-нибудь диктатор, думаете, он был бы сербо-хорват?”. Малые наро-

* Павлинович, таким образом, как минимум хотел сохранить в составе хорватского государства все территории Тринецкого королевства. Это было общей программой-минимум всех течений хорватского национального движения.

** Югославянский этноним стал восприниматься частью сербских идеологов в период значительного упрочения сербского государства в начале XX в. и фактически служил облачением для великосербской идеи. Так, в одной публикации (1909 г.) говорилось о “единой югославянской национальной категории” (без Словении), сербской по языку. “включающей 2,915 млн католиков” (хорваты не упоминались)²⁰.

ды были бы просто раздавлены... Петр предостерегает, что среди сербов популярны радикальные идеи: «Мне известно о коммунистическом “Раденике” (газете Светозара Марковича. – В. Ф.) и о протесте студентов Великой школы (в Белграде. – В. Ф.) министру просвещения, где сказано, что религия – бессмыслица...» В устах Петра это еще один аргумент против югославизма, против единения с Сербией. Действительно, в сербском общественном движении была сильная либерально-радикальная, антиклерикальная струя. Национальный центр сербов находился вне Австро-Венгрии и поэтому сама цель национального объединения была радикальной в отношении Габсбургов.

Павлинович и ранее неоднократно принципиально возражал против “бунтовщичества” как средства достижения национальных целей. В 1870 г. в одной из речей он приводил пример “сильного и славного французского народа”, который целый век не в состоянии “излечиться от смертельных ран, нанесенных ему великим бунтом”²¹. Подразумевалось, что небольшой хорватский народ тем более не должен идти по пути революции (революцию Павлинович связывал с теорией естественного права, с вольтерьянством и руссоизмом). “Бунтовщические народы – народы-рабы, сильные и свободные народы – приверженцы порядка и законности” (1870 г.).

Высказанные здесь мысли Павлинович формулировал в речах и письмах, начиная с 1866 г., но особенно после 1870 г.

В сущности, Павлинович поступал в соответствии с реальным процессом формирования хорватской нации, проповедуя в Далмации четкое хорватское национальное сознание. Павлинович, отмечая романтические идеи “словинства”, ускорял процесс хорватизации Далмации и тем самым приближал перспективу национального единения²². Либералы же, действуя во имя конкретных целей (совместная с сербами борьба с “тальянашами” под флагом словинства) и во имя туманных отдаленных целей словинства, с какого-то времени объективно стали сдерживать процесс утверждения хорватского сознания. Впрочем, сменив словинство на хорвато-сербство, они сделали шаг в верном направлении, но шаг половинчатый – ради полезного сотрудничества (что мы уже отмечали). В этом была их историческая драма. Но Павлинович сформулировал великохорватскую программу в противовес велико-сербской. Обе они были чреваты конфликтами. И в этом была его драма; Впрочем это было драмой всех балканских народов.

* Особенно устойчиво словинство сохранялось в Дубровнике, где в 1878–1884 гг. издавался журнал “Словинец”.

Несколько слов о противоречивых принципах отнесения к хорватской и сербской нациям, связанных с государственными, языковыми и религиозными идеями. Идея хорватского государства, распространяющегося на территории с населением, исповедующим разные конфессии, противоречила принципу “хорват и католик”, т. е. совпадения принадлежности к хорватскому этносу с принадлежностью к католичеству. Аналогично, т. е. противоречиво, обстояло дело у сербов – здесь наряду с отождествлением принадлежности к сербскому этносу и православию со времени В. С. Караджича распространялась филологическая теория, что “все штокавцы – сербы”, так как сербы говорят на штокавском диалекте. Между тем часть штокавцев признавали себя хорватами и боснийскими мусульманами. Эта двойственность как у сербов, так и у хорватов имела политическую цель: претензии на земли, охватываемые историческим правом (у хорватов) или штокавским диалектом (у сербов), в сущности являлись максимальными национальными претензиями (у сербов С. Милетич, правда, выдвинул еще более широкие планы, основанные на торговом интересе – планы овладения портом Салоники и выходом в Эгейское море или планы в отношении Албании – для выхода в Адриатическое море). Все это – у сербов и хорватов – можно сказать, наступательная идеология, рассчитанная на успешную политическую экспансию. Отождествление же принадлежности к народу и конфессии можно охарактеризовать как оборонительную идеологию, рассчитанную на возможную неудачу в территориальном споре: “как бы то ни было, а уже это-то наше” (где начинается католическое население, там безусловно Хорватия и обратно: земли с православным населением – сербские). Но проблема состояла в том, что и при этой “программе-минимум” сербы претендовали на часть Триединого королевства.

Как отмечалось, уже в 1876 г. М. Павлинович сформулировал свои государственно-правовые принципы. В 1882 г. он дополнил (ужесточил) свою формулировку. Сербия, писал он, обладает государством, но не имеет “духовной самостоятельности”, ибо следуют византийской традиции, тогда как хорваты являются носителями европейской культуры. С этим автор связывал свое требование присоединения Боснии и Герцеговины к Хорватии в рамках монархии и дуализма. Он стал отрицать правомочность сербского “имени” на территории Хорватии, связывая “имя” с государственностью. Аналогичный экстремизм угнездился уже в 70-х годах среди сербских идеологов в Далмации. Так, Сава Бьеланович, будущий (с 1880 г.) лидер Сербской национальной партии, утверждал, что только сербская национальная идея подлинно народна, тогда как хорватская – продукт иноземного влияния. Так обострялась бессодержательная полемика. Выступления наиболее задиристых политиков

с обеих сторон были подобны подбрасыванию хвороста в способную вспыхнуть массу. Опасность этого нарастала, и пожар неоднократно разгорался в ХХ в.

Сущность великосербской и великохорватской идеологий состоит в полном или частичном игнорировании прав другого народа. При этом каждая из этих систем взглядов имеет свои особенности, связанные с тем, что в Триедином королевстве сербы проживали, тогда как в Сербии хорватов не было, а в Воеводине было мало. Общие для обеих сторон причины, порождавшие указанные идеологии и будущие конфликты, в частности, связаны с многонациональным составом ряда земель, прежде всего Боснии и Герцеговины, которые являлись наиболее значительной территорией с этнически смешанным населением (включая мусульман), а также Славонии, Военной границы и др. Обе стороны предъявляли территориальные претензии, задевавшие интересы другой стороны.

Изложив взгляды консерватора М. Павлиновича во время восстания 1875–1878 гг., перейдем к характеристике политики официального руководства народняков и прежде всего либерала М. Клаича. С началом восстания народняки Далмации, как и в Хорватии и Славонии, организовали пункты сбора помощи повстанцам и беженцам деньгами и оружием²³. Такие пункты действовали в Задаре (организатор М. Клаич), Дубровнике (организатор П. Чингрия) и ряде других мест. Австро-венгерские власти объявили о нейтралитете монархии, но допускали помощь повстанцам, стремясь укрепить свое влияние в Боснии. Австро-Венгрия была настроена решительно против создания еще одного югославянского государства у южных границ империи (т. е. самостоятельных Боснии и Герцеговины) или присоединения провинций к Сербии и Черногории. Первоначально граф Д. Андраши, министр иностранных дел, выдвинул программу второстепенных реформ, когда же кризис зашел далеко, монархия Габсбургов вознамерилась присоединить Боснию и Герцеговину дипломатическим путем.

Лидеры народняков как в Хорватии и Славонии (Й. Штросмайер, Ф. Рачкий и др.), так и в Далмации (М. Клаич) желали успеха повстанцам, в 1876 г. – вступившим в войну Сербии и Черногории*, а когда Сербия потерпела военную неудачу, Штросмайер выразил надежду на то, что в крайнем случае Босния добьется автономного статуса²⁴. Все упомянутые лидеры народняков, включая Клаича, в 1875 г. не желали оккупации провинций Австро-Венгрией²⁵. В конце 1875 г. Клаич писал

* До вступления Сербии в войну М. Клаич обращался к Штросмайеру с просьбой воздействовать на правительство Сербии, побуждая его к вмешательству в борьбу.

редактору “Народного листа” Бьянкини, что ни турецкие реформы, ни независимость Боснии невозможны и поэтому газета должна выступать в пользу “аннексии Боснии и Герцеговины существующими государствами (т. е. Сербией и Черногорией. – В. Ф.) и создания единого югославянского сильного государства, полностью независимого”²⁶. (Бьянкини был сторонником австрийской оккупации провинций). Клаич полагал, что именно такова позиция русской дипломатии. Известную ноту А. М. Горчакова державам, заканчивающуюся словами “неволя турецких христиан должна наконец прекратиться”, Клаич в ноябре 1875 г. трактовал в том смысле, что Россия выступает за создание сильного югославянского государства. Внешнеполитический курс России “не может быть противным славянству”, считал Клаич. Весной 1876 г. Россия выступила за широкую автономию Боснии и Герцеговины, видя в этом путь к полной независимости. Существенно, что Клаич не верил в возможность прохорватской политики габсбургской монархии в Боснии и Герцеговине, в присоединение Габсбургами провинций к Хорватии.

Позиция М. Клаича в первый период восстания (до поражения Сербии) очень важна для характеристики взглядов либералов в целом, которым были присущи крайний оппортунизм в отношении с австрийским правительством ради получения одной небольшой уступки (или даже подачи) за другой и стремление таким путем понемногу упрочить свои позиции. Но как только наступал какой-либо кризис в регионе южного славянства (Балканы, Австро-Венгрия), либералы сразу же выдвигали радикальные планы (хотя бы в газетных статьях и переписке), проявляя истинные (долговременные) лелеемые цели. Относительно Боснии и Герцеговины они придерживались мнения, согласно которому эти провинции во что бы то ни стало должны быть освобождены от власти Османской империи, кто бы это ни осуществил – Сербия, Черногория или сами повстанцы, и таким путем надо создать крепкую основу грядущего политического объединения всех южных славян (представления о формах объединения, как мы отмечали, изменялись), – это наиболее радикальный вариант. Если он невозможен, пусть делом их освобождения займется Австро-Венгрия, тогда масса южных славян в империи возрастет и в конечном счете они все освободятся и завоюют независимость (мысль М. Мразовича). Это более долгий путь, но хорватские либералы (в отличие от сербских) его не отбрасывали. Во-первых, ядро хорватских земель находилось в пределах империи (Загреб, собственно Хорватия), тогда как сербские центры – княжества Сербия и Черногория – были вне империи, и с их судьбой связывалось будущее нации. Во-вторых, настроение подавляющего большинства буржуазной среды Хорватии было в пользу второго варианта,

и, фактически, лидеры югославизма, допуская первый вариант, временно изолировали себя от своей базы. Тем больший интерес вызывает их позиция. Торговая буржуазия Хорватии экономически была крайне заинтересована в прекращении восстания (оно наносило ущерб делам) и в оккупации провинций Австро-Венгрии²⁷.

После первых поражений Сербии в августе–сентябре 1876 г. Клаич стал колебаться, считаясь с возможностью, что Австро-Венгрия добьется своей цели. Но в декабре 1876 г. Клаич в составе группы славян посетил командовавшего сербской армией русского генерала М. Г. Черняева. Делегация благодарила Черняева. Кроме того, Клаич пытался воздействовать (посредством Штросмайера) на боснийских францисканцев с целью “поддерживать согласие” с сербами, не раздувать еще больший раздор между католиками и православными.

Далматинский сабор в 1877 г. вновь поднял проблему воссоединения; с будущим Боснии и Герцеговины были связаны слова в проекте адреса императору о том, чтобы “нам были облегчены условия естественного развития”. Но еще до обсуждения адреса сабор был распущен. Так правительство ответило на надежды хорватов. Впрочем, сам Клаич не верил в осуществление хорватского государственного права Габсбургами²⁸. В 1877 г. власти запретили проведение в Далмации собраний, на которых народняки намеревались заявить о солидарности с такими же выступлениями в Хорватии и Славонии в пользу присоединения Боснии и Герцеговины. На этих собраниях было намечено также заявить о восхищении борьбой Сербии, Черногории и России. Все это для Габсбургов было панславизмом.

Если осенью 1876 г., после поражения, понесенного Сербией, Клаич допускал освобождение Боснии и Герцеговины австрийцами, то с началом русско-турецкой войны (апрель 1877 г.) в его настроении произошел очередной поворот. Клаич считал, что это “величайший год для славян”. Во время войны он желал занятия русскими войсками Константинополя, а в письме к Штросмайеру (июль 1877 г.) задумался о том, “не рухнет ли (вслед за Османской империей. – В. Ф.) еще какое-нибудь прогнившее здание”, – имелась в виду, конечно, Австро-Венгрия – и добавлял: “хуже не будет”²⁹.

В 1878 г. различие в позициях хорватов и сербов Далмации стало четким. “Народни лист” принял австрийскую сторону; для части народняков просто уже не было альтернативы: судьба Боснии и Герцеговины, как стало известно, была решена договоренностью Австро-Венгрии и России еще в 1876–1877 гг. М. Клаич соглашался с австрийской оккупацией провинций только при условии соединения их с Хорватией, но сам в это соединение не верил и поэтому продолжал считать, что лучший выход – самостоятельность Боснии и Герцегови-

ны. Он приветствовал статью Сан-Стефанского мирного договора об автономии Боснии. Смысл его взглядов в это время – австрийскую оккупацию не поддерживать, но если она неизбежна, отстаивать интересы Хорватии. В связи с этим он продолжал давить на Ю. Бьянкини, который вел “Народни лист” во все более проавстрийском духе. “Мы не будем сопротивляться оккупации, так как воспрепятствовать ей не можем.., – писал Клаич редактору газеты, – но будем держаться пассивно. Если это ничто иное, как австрийское дело ... то пожалеем о турецком господстве (когда его не станет). Прошу Вас, держитесь этого направления, иначе опозоримся”³⁰.

Когда же оккупация осенью 1878 г. была осуществлена, Клаич признал этот свершившийся факт; более того, на приеме у Франца-Иосифа утверждал, что давние национальные чаяния наконец осуществились. В письме к М. Павлиновичу он объяснял свое поведение тем, что “приходится вести себя по-мамелюкски”, чтобы не оказаться в конфронтации с монархом. Лидер народняков вернулся к прежнему оппортунизму, присущему правящей в Далмации Национальной партии в ее отношениях с властью. В соответствии с настроениями торговой среды, Клаич в речи 5 декабря 1879 г. в Делегациях³¹ заявил, что оккупация нужна “для обеспечения наших торговых связей”³¹. Гармония со своими избирателями была восстановлена. Тогда же Клаич согласился с мнением правительства, что оккупация необходима для обеспечения владычества Австрии в Далмации и занятия империей доминирующего положения на Балканах.

Но при этом Клаич в той же речи решительно возразил министру Андраши, который оправдывал оккупацию угрозой панславизма и создания “югославянской формации”. Если, продолжал Клаич, оккупация направлена против стремлений южных славян, то она может стать “гибельным предприятием”, тогда монархия пойдет к “неизбежной катастрофе”. Но панславизм – миф³².

В таком смысле рассматривали оккупацию и другие крупные деятели хорватского национального движения, несмотря на глубокие различия в их взглядах: Антун Старчевич, Франьо Рачкий. Надо отдать всем им должное: они задолго до 1914 г. ощутили возможность катастрофы Австро-Венгрии в связи с боснийской проблемой. При этом Клаич в югославистском духе подчеркнул, что в Боснии и Герцеговине “живет лишь один народ, разделенный на три конфессии, но идентичный с тем, что в Далмации, Военной границе, Хорватии и Славонии”, и

* “Делегации” – представительства парламентов Австрии и Венгрии, заседавшие в некоторых случаях совместно.

выразил уверенность (искренность которой весьма и весьма под вопросом), что монархия удовлетворит стремление этого народа к “развитию в национальном духе, цивилизации, прогрессу”. В противном случае “Сербия и Черногория получили бы свое подлинное значение... Тогда все силы южного славянства повернулись бы против монархии... и мы пошли бы к неизбежной катастрофе”³³. Прозрение замечательное, но объяснимое, так как югославы не расстались с мыслью, что Балканский полуостров во многом повторит путь Апеннинского.

Ряд хорватских и сербских деятелей предвидели новый подъем югославистского движения, направленного против Австро-Венгрии в трудный для нее момент. Предвидели и неизбежное в этом случае возрастание международно-политической роли Сербии и Черногории. Вместе с тем Клаичу были ясны последствия оккупации для сербскохорватских отношений. В хорватских землях оживилась идея триализма (Австрия, Венгрия, Хорватия с присоединенными к ней оккупированными провинциями). Сербы же не смирились с поражением.

Поддержка Национальной партией и ее газетой оккупации привела к отколу от партии ее сербской части, что, как видно из предыдущего, назревало раньше. Тонкое покрывало словинства прорывалось в разных местах. В 1879 г. на выборах в рейхсрат сербы и автономисты провалили М. Клаича – это означало открытый политический раскол хорватов и сербов. Возникла Сербская национальная партия с газетой “Српски лист” (1880 г.). Партия выступила за полное равноправие сербов в Далмации и против воссоединения ее с Хорватией и Славонией. Тем не менее либеральное крыло народняков во главе с Клаичем было сторонником сохранения контактов с сербами и в новых условиях.

Горячо преданный идее словинства Ловро Монти, который ранее (1871 г.) призывал далматинцев ориентироваться не на Вену, а на Восток – “к тому будущему, которое осчастливит нас вместе с братьями, живущими от Черного до Адриатического моря”³⁴, – в отчаянии от происшедшего в 1881 г. отошел от политической деятельности.

Уже в 1871 г. православный епископ Далмации Кнежевич высказал в саборе озабоченность судьбой православной церкви в случае присоединения Далмации к собственно Хорватии. Так что консервативно-клерикальные круги с обеих сторон сеяли недоверие. Но тогда сербские депутаты проголосовали за соединение. После же оккупации Боснии они впервые вместе с автономистами выступили против соединения. М. Клаич переживал “несчастную распрю” и считал, что если она станет постоянной, оба народа “останутся рабами чужеземцев”³⁵. “Сербско-хорватские отношения в Далмации в период 1870–1880 гг. и позднее проявляются как непрерывный и органически связанный ряд противоречий”, – отмечает Р. Петрович³⁶, сербский историк, профессор Сара-

евского университета до 1991 г. Это, разумеется, не могло способствовать освободительному движению против австро-венгерской политики.

Однако в конце XIX – начале XX в. произошло новое сближение части хорватов и сербов – новая волна югославизма, обусловленная как внутренними причинами, так и международной обстановкой.

После 1878 г. народняки продолжали прежнюю политику, которую Клаич назвал политикой “филологических побед”, т. е. постепенного, с разрешения Вены, расширения сети учебных заведений на хорватском языке. В конце 70-х годов двумя оплотами “тальянашей” оставались управы наиболее крупных городов – Сплита и Задара. Как значительный успех народняки оценили “хорватизацию” сплитской гимназии в 1880 г. Наконец, в 1882 г. сплитские народняки во главе с юристом Гайо Булатом (1836–1900)* после энергичной избирательной кампании овладели управой общины Сплита, затем в их руки перешли остальные общины центральной Далмации. Победа в Сплите, однако, не означала наступления эры спокойствия. Автономисты, поддержанные Сербской партией, продолжали борьбу. В 1890 г. они победили на выборах в Дубровнике.

Цитаделью итальянского языка до распада Австро-Венгрии оставался Задар (впоследствии оккупированный Италией и освобожденный только во время народно-освободительной войны в 1943 г.). Кроме Задара, в 1884–1985 гг. итальянские начальные (основные) школы имелись в Сплите и Трогире, а на следующий год только в Сплите (в Трогире имелось итальянское отделение в школе, вскоре закрытое). Итальянский язык остался в реальных и мореходных училищах. В связи с таким оборотом событий итальянское меньшинство с помощью общества “Лега национале”, центр которого находился в Триесте, создавало частные школы.

В 80-х годах “филологическая” борьба велась в основном вокруг вопросов содержания школьных программ. Последние утверждало министерство в Вене. Народняки добивались переработки учебников в национальном духе. Но многое зависело и от состава учителей. При этом проявилось различие между хорватскими и сербскими школами. Уже в 1870 г. начальная школа в Кистане называлась “Сербско-народной школой”. Сохранение в Дубровнике группировки сербов-католиков связано, в частности, со взглядами преподавателей-филологов гимназии П. Будмани и Л. Зоре, которые отстаивали сербско-католический патриотизм, имевший здесь давнюю традицию.

* После смерти М. Клаича в 1896 г. Г. Булат возглавил партию народняков.

Вопрос о программах и учебниках приобрел большую остроту в 1892 г., когда народняки заявили протест правительству в связи с тем, что в книгах для чтения не были упомянуты хорватский и сербский этнонимы. Это послужило поводом для группы Юрая Бьянкини уйти из партии, так как эта группа не желала упоминания в учебниках о сербах³⁷. Вскоре сторонники Бьянкини вступили в новосозданную в Далмации Партию права³⁸. Так произошел очередной раскол в Национальной партии.

В заключение текста о просвещении надо отметить, что во время национального возрождения Далмация дала Хорватии ряд крупных ученых. Таковы академик С. Брусина, зоолог международного класса, историк Н. Нодило и юрист К. Войнович, ставшие профессорами Загребского университета в 1874 г., т. е. с момента его основания.

Клаич, как лидер партии большинства, стал символом оппортунистической политики, но сам он придавал большое значение “филологическим победам”: в конечном счете, не без оснований считал Клаич, они имеют политическое значение, укрепляя нацию. В 1884 г., в “темный” (для сторонников радикальных национальных планов) период стабильности Австро-Венгрии, Клаич выразил удовлетворение в письме к Рачкому по поводу совпадения их политических взглядов на будущее. Клаич считал, что без “внешней катастрофы” политическое устройство монархии не изменится (т. е. объединение хорватских земель невозможно), но, задавался он вопросом, переживет ли Австрия эту катастрофу? В связи с чем автор письма делал вывод: надо, приспособившись к условиям, укрепляться и предоставить будущее Провидению...³⁹ Если позиции национального движения в хорватских землях будут прочными, никакие неожиданности не опасны.

Поэтому пока что Клаич выступал против громких фраз о воссоединении. В 1877 г. он протестовал против включения требования воссоединения в адрес сабора (в связи с таким проектом адреса сабор был распущен). После этого вопрос воссоединения надолго исчез из документов сабора. Народняки поддерживали австрийское правительство в рейхсрате. В период правления графа Э. Тааффе (1879–1893 гг.) далматинцы входили в клуб К. Гогенварта, на который опиралось министерство.

Возникновение Партии права во главе со священником Иваном Проданом (1892 г.) было результатом нараставшего недовольства курсом народняков в разных, но преимущественно в мелкобуржуазных кругах, испытывавших тяготы и не видевших смысла в политике сотрудничества с министерством и выпрашивания мелких уступок, когда экономика Далмации оставалась в тяжелом положении. Партия И. Продана в конце 90-х годов была близка франковцам Хорватии и

Славонии⁴⁰, т. е. при всей оппозиционности ориентировалась на монархию и династию.

Праваша Далмации провозгласили решительную борьбу за воссоединение хорватских земель, включая в их состав Боснию и Герцеговину. Наличие сербов в Далмации сторонники Продана отрицали.

В принципе задачей национального возрождения является утверждение национального самосознания у большой массы народа (идеально – у подавляющего большинства). Относительно конца национального возрождения в Далмации в хорватской историографии высказываются различные мнения. Предлагалось считать им 1882 г., когда народняки одержали важную победу в Сплите, после чего борьба с автономистами потеряла прежнюю остроту. Другое предложение – считать таким рубежом 1899 г. – переход в руки народняков управы Дубровника, где ранее управлял блок автономистов и сербов. Нам кажется возможным также относить искомым рубежом к 70-м годам XIX в. в связи переходом школьного дела в вѣдение народняков и концом “словинства”, символична также ликвидация италязычного “Национале”.

Вскоре появились очертания новой эпохи, когда проблематика политической жизни круто изменилась.

Символическим для кануна новой эпохи явился следующий мало-значущий, на первый взгляд, факт. В 1892 г. старый лидер народняков Михо Клаич на пароходе, шедшем из Далмации в Триест, встретил начинающего журналиста из Дубровника Франо Супило, члена Партии права. Клаич, стремясь не вызвать каких-либо политических осложнений, избегал поездок в Хорватию. Супило же направлялся в Риэку на совещание с хорватскими правашами. Клаич не скрыл своего неудовольствия и беспокойства в письме к П. Чингрия⁴¹. Но патриарх далматинской политики отстал от требований нового времени. Связи в рамках хорватской нации сделали встречи далматинских и “хорватских” хорватов необходимыми. Супило пересек не только границу Далмации, но и границу Цислейтании, не обращая внимания на возможную реакцию австрийских министров...

Началась перестройка хорватских политических партий, вызванная как социальными сдвигами в хорватском обществе, так и международной обстановкой. В Далмации либеральные праваша не только были настроены оппозиционно к австрийской политике, но и склонны пересмотреть всю хорватскую политику. Объективно они выражали интересы той части национальной буржуазии, которая не видела перспектив для успешного развития в условиях австронемецкой и германской конкуренции. Главный противник виделся в политике “Дранг нах зюдостен”⁴².

З а к л ю ч е н и е :
Далмация и политическая борьба
в хорватских землях в начале XX в.
(обзор)

Решение имперских правящих кругов о месте Боснии и Герцеговины в системе Австро-Венгрии нанесло тяжелый удар по надеждам тех хорватов, что без оснований рассчитывали на благодеяния Габсбургов: эти земли были подчинены имперскому министру финансов. Они были изолированы от Хорватии, Славонии и Далмации не только политически (в саборе Далмации было запрещено даже рассуждать об их положении), но и экономически было сделано все, чтобы не возник южно-славянский хозяйственный блок: в Боснии и Герцеговине строились железные дороги, которые непосредственно соединялись с имперской сетью. Боснийский вывоз (лес и другие природные богатства) пошел на север, участь далматинских портов стала еще более жалкой. Связи Далмации с Боснией и Герцеговиной упали до небывалого ранее уровня.

После многолетних ходатайств далматинцев в начале 900-х годов были готовы проекты железных дорог, предназначенных для связи Далмации с собственно Хорватией (Ликой) и Боснией (Сплит-Бугуйно). Однако проекты лежали без движения. Только в 1913 г. началась прокладка первого пути, в этом сказался нажим генштаба. Но было поздно, дорогу достроили в 1925 г.¹

Эта политика подтвердила худшие ожидания тех дальновидных хорватов, сербов и словенцев, которые не ждали добра от оккупации. В Далмации усилились радикальные настроения.

Кроме того, в 80-х годах начался упадок важнейшей отрасли хозяйства – далматинского виноделия в связи с регенерацией французских виноградников и закрытием границ Франции для ввоза вина. Парусное судоходство и судостроение было близко к полному исчезновению (упадок начался в 70-х годах). Наконец, 80-е годы были временем крайней раздробленности и низкой рентабельности крестьянских участков (большинство колонов обрабатывало парцеллы до 0,5 гектара). К концу XIX в. обозначился процесс фактического превращения массы мелких колонов в работников с наделом: землевладелец указывал, когда и что делать, когда убирать урожай, где и по какой цене продавать вино – даже ту его часть, которая формально являлась собственностью колона. Полуфеодалная натуральная аренда (колонат) в этих условиях вообще была невыносима для работника, и тем не менее, медленно сокращаясь, она продержалась еще десятки лет.

В 1909 г. группа депутатов обратила внимание сабора на то, что “в некоторых районах Далмации с необычайной остротой” проявилось аграрное движение, в Задарском же округе этого не было, так как здесь целые кметские села или группы крестьян-соседей “выкупились от господ”. “В последнее время” это произошло на ряде островов, а также в пригородах Задара и др., причем господа получили свыше 1 млн крон. Постепенный выкуп продолжался. Два года назад, говорили депутаты, крестьяне заявили о желании выкупить землю, принадлежащую министерству просвещения и культов. Министерство дало согласие, но все эти два года тянет и этим “возбуждает народ”². Ко всему сказанному выше добавилась “оговорка” (“клаузола”) в торговом договоре Австро-Венгрии с Италией 1891 г., согласно которой – вопреки своим экономическим интересам, но ради укрепления союза Германии, Австро-Венгрии и Италии (примкнула к союзу в 1882 г.) – австрийцы разрешили почти беспошлинный ввоз итальянского вина. Эта злосчастная “клаузола” добила далматинское виноделие, которое до 1918 г. так и не смогло по-настоящему возродиться. “Клаузола” стала предметом беспрерывных жалоб хорватских виноградарей, которые и без того с трудом выдерживали венгерскую конкуренцию. Вдобавок в 90-х годах виноградарники были поражены филлоксерой. Кризис виноградарства ударил по всем слоям – от колона до купца и землевладельца³. Винная “клаузола” имела политические последствия: убедила многих, что со стороны правящих кругов ждать благоприятной политики не следует и что поэтому вся политика народняков “вымаливания” мелочей неверна, так как не предохранила Далмацию от хозяйственной катастрофы. Экономические же связи с Австрией (экспорт) не имели существенного значения для Далмации (в отличие от части буржуазии собственно Хорватии) и не могли влиять на ориентацию большого числа политиков. (Иное дело часть духовенства, положение которого побуждало его поддерживать династию.)

Австро-германский блок (с 1879 г.) означал, что Австро-Венгрия открывает путь немецкой экспансии на юговосток и рассчитывает на помощь сильного соседа в той же политике, которая угрожала южным славянам.

В отличие от Хорватии и Славонии, где примерно с середины 90-х годов было заметно оживление экономики, в том числе промышленности, Далмация ощутила эти сдвиги в незначительной мере. В 1910 г. здесь насчитывалось 645,7 тыс. населения, причем в шести городах с числом жителей более пяти тысяч (в каждом) проживало всего 10,7% населения⁴, да и из них множество было занято земледелием. Все же с конца XIX в. термин “фабрика” чаще встречается в отчетах торгово-промышленных палат. Все более значительные предприятия принад-

лежали итальянскому, австро-немецкому и французскому капиталу (цементный, мыловаренный и химические заводы, небольшие гидро-станции на реках Крка и Цетина, угольные шахты). Местная буржуазия основала несколько предприятий по производству ликера. Но в целом на территории сплитской торгово-промышленной палаты 4,8 тыс. “предпринимателей” нанимали всего 5,7 тыс. рабочих (1895 г.). Спустя 14 лет (в 1909 г.) в Далмации насчитывалось 12 тыс. предприятий с 26,4 тыс. рабочих.⁵ К экономике Далмации проявили интерес словенские и чешские предприниматели, а в 1908 г. был учрежден судоходный консорциум “Далмация” – наиболее крупное объединение местного национального капитала до 1918 г. (примерно 3,5 млн крон)⁶.

“Два тяжелых кризиса в важнейших областях хозяйственной жизни провинции, т. е. исчезновение парусных судов и застой экспортной торговли вином в конце XIX в., сильно повредили далматинскому предпринимательству и нанесли удар накоплению капитала. Так в основном был задержан начальный процесс вложения накопленных средств в перерабатывающую промышленность; деятельность местных предпринимательских кругов в сфере промышленного строительства до развала монархии оставалась ограниченной малыми предприятиями, главным образом обработкой пищевых продуктов, опиравшейся на локальную сырьевую базу”⁷.

Из городов Далмации большая интенсивность развития в начале XX в. отмечена в Шибенике (13 тыс. населения накануне войны). Здесь же находилась “Народная сберегательная касса” – филиал Адриатического банка в Триесте⁸. Вообще, в это время впервые устанавливаются связи кредитных учреждений разных хорватских и словенских земель, чему содействовал чешский капитал.

Чтобы нагляднее представить состояние и возможности далматинского хозяйства и связанные с этим “заботы” сабора, приведем примеры выступлений депутатов на сессии 1910 г. Учтем, что в сравнении с последними десятилетиями XIX в. это было время относительно благоприятной конъюнктуры.

Итак, экономика и финансы.

Председатель сабора и земельного комитета признает быстрый рост расходов бюджета и в связи с этим косвенных налогов, признает, что финансовое положение тяжелое.

Депутаты требуют прокладки железных дорог к портам Далмации.

⁵ И. Караман отмечает, что экономка “несомненно в некоторой мере определила направление” политической активности буржуазии Шибеника (см. сноску 8).

В связи с падением рентабельности виноградарства ряд общин просит разрешить сажать табак (правительство медлит и выдает разрешения каждой общине в отдельности); в связи с “кризисом” и “общим оскудением” просьба к правительству повысить закупочные цены на табак*; виноградари просят разрешение на замену сортов в связи с гибелью виноградников; владельцы виноградников жалуются на нехватку рабочей силы (эмиграция и кризис системы колоната. – В. Ф.); в районе Сплита важнейшая после винограда культура – вишня, но более 50% деревьев поражены вредителем, депутаты просят власти нанять специалиста.

Запрос ряда депутатов: “Налоговые органы принудительно собирают налоги, штрафы, платы, подати и заставляют нести трудовую повинность. Эти принудительные изъятия у нашего уже и без того истощенного крестьянина и рыбака, сохранивших лишь кожу и кости, производится, за редким исключением, татарскими и башибузукскими способами. Конфискуют, уносят, угоняют: рогатый скот, лошадей, мулов, волов, вино, утварь разную, одежду, обувь и разный инвентарь. У матерей, жен и сестер выворачивают сундуки, из ушей вытаскивают серьги – и все это за недоимку по налогу на сына, мужа, отца или брата ... сборщики налогов... с молотка продают за бесценок все собранное разным спекулянтам, а эти позднее тем же крестьянам перепродают по вздутым ценам”.

Те же депутаты от оппозиции: обустроить заброшенные бухты и пристани; огромный вред торговцам наносится “Австрийским пароходным обществом” (товары в Триест доставляются только с перевалкой); дом настоятеля церкви развалился, нужен ремонт; там-то необходимо построить мост; там-то нужно осушить болото и провести питьевую воду, о чем ходатайства идут уже многие годы.

Много жалоб на препятствия, чинимые властями при разрешении заниматься промыслами и ремеслом, на незаконные штрафы в связи с этим, запреты на профессии со ссылкой, что работников этой специальности достаточно (типично средневековая система. – В. Ф.)** и опять-таки штрафы за незаконный промысел.

Последние 30 лет “вся Далмация” выращивает табак, для Загоры это единственный экспортный товар, так как скота у народа уже нет (животноводство в XIX в. было важной отраслью Загоры. – В. Ф.), ибо “австро-венгерские власти изгнали нас с пастбищ Боснии” (при турках

* В Австрии существовала казенная табачная монополия.

** Так, на о. Корчула власти не разрешали расширять каменотесное дело; эти разработки известны со времени Древнего Рима – камень шел на вывоз (аргумент властей: “населению это не нужно”).

скот свободно перегонялся на откорм в Боснию. – В. Ф.), нет хлеба, так как лучшие земли заболочены... Нужно повысить цену на табак, так как заработок поденщиков повысился. Теперь нет “клаузола” (“клаузола” была в силе десять лет. – В. Ф.), но нет и вина из-за неурожая. Нехватка во всем, “господствуют экономическая непогода и кризис”.

Скот продан в прошлые голодные годы, хлеба нет. Налоги растут ежегодно. Страна не имеет ценных товаров для вывоза. Нарастает эмиграция: дороговизна (рост цен на сахар, хлеб, одежду) вынуждает больше платить работникам (за 10 лет оплата выросла вдвое). В Далмации “ненормальные условия”.

Скрадинская община сообщает, что зимой голодает, поэтому участились грабежи. Нужны общественные работы.

Задар просит организовать телефонную связь с хорватским Приморьем, в этом нуждается вся северо-западная Далмация.

Сын пахаря Скурич заявляет: полвека назад было много вина, пшеницы, скота – теперь этого нет, земля истощена, нужны мелиорация и образцовые хозяйства.

“Мы изолированы от остального мира, не имеем железнодорожного сообщения и современных средств связи, что является условием прогресса. Котар Имотски изолирован даже от соседей, крестьянину трудно передвигаться, а ведь мы около моря, что же в более отдаленных местах?” Депутат от Имотски продолжал: когда-то город Имотски связывал Боснию с морем благодаря римской дороге, но так было до оккупации... Имотски – центр большой торговой округи; за 100 лет не построена новая дорога, лишь французы проложили небольшой отрезок; полвека мы просим о ремонте римской дороги. Сейчас лишь вьюками возим или повозками, до Сплита с товаром добираемся за четыре дня, а можно было бы организовать перевозку автомобилями (! – В. Ф.). Частные предприниматели (Бабич и Ко) уже действуют: в Сплите и Макарске создан консорциум для строительства автодороги. Правительство должно ему помочь. Имотски производит много табака, и надо вывозить автомобилями, а не телегами. В этом году неурожай, голод, и народ нельзя гнать на строительство дороги, тогда как раньше община много делала своими силами.

...А вот нечто еще более интересное: “Сейчас многие в администрации считают, что для экономического подъема Далмации надо больше хороших гостиниц”. Справедливо, но есть более важные задачи: для гостиниц дадут 100 тыс. крон, на современные плуги и 1 тыс. не дадут, земледелие у нас на последнем месте. Раздробленность участков мешает прогрессу, в других землях была проведена обязательная кома-

сация*, а у нас – ничего. Правительство создает сельскохозяйственную школу, привозит породистых быков, паровой плуг, но без комасации результата не будет.

Это голос зажиточных хозяев и свидетельство некоторых сдвигов в экономике села. Но главное – Далмация начинает строить гостиницы – это зародыш индустрии туризма. Наконец-то было нащупано “золотое дно” адриатического побережья.

Мы привели небольшую часть выступлений по хозяйственным вопросам на одной сессии сабора. Информативная ценность их велика.

Наряду с политикой экономической изоляции Далмации правительство стремилось воспрепятствовать политическому и идейному влиянию собственно Хорватии в Далмации: сюда долго не допускалась хорватская оппозиционная печать; оскорбительным для хорватов было непризнание на территории Цислейтании (формально до 1904 г., но фактически и позднее) прав на преподавание и занятие должностей лиц, окончивших Загребский университет. Не изменило ситуацию даже утверждение Загребом университетских программ, аналогичных австрийским. Наконец, попытки далматинцев ввести хорватский язык во внутреннее делопроизводство администрации долгое время отклонялись.

Многое свидетельствует о том, что в сфере экономики и политики в Далмации накапливались факторы, обусловившие подъем оппозиционных настроений в конце XIX – начале XX в.

Для политической жизни Далмации, как и Хорватии и Славонии, на рубеже XIX и XX вв. характерна перегруппировка партий, политических сил. Направление этой перегруппировки в основном сходно с тем же процессом в собственно Хорватии. И развитие событий в Далмации было связано с изменением ситуации в собственно Хорватии. Излагать последнее здесь нет возможности⁹. Но особое внимание в этом кратком и схематичном Заклучении будет уделено тем фактам истории Далмации, которые свидетельствовали о заметном возрастании ее политической роли в общенациональных, общехорватских рамках, и, кроме того, в хорватско-сербских отношениях¹⁰.

В 1884 г. Национальная партия провела в сабор 41 депутата вместо прежних 25. Господствовали в партии умеренные либералы во главе с М. Клаичем, кроме того, небольшим влиянием пользовался М. Павлинович. В 1885 г. народняки приняли программу партии, где “воссоединение” не упоминалось. Но в “филологической” сфере имелись успехи: к 1890 г. все общины, кроме двух, вели дела на хорватском

* Комасация – “округление” земельных владений, сведение ряда участков, иногда парцелл, в один крупный комплекс.

(или сербском) языке, он же был языком преподавания в начальных и средних школах. Официальным языком сабора “хорватский или сербский” язык стал в 1883 г. Государственные чиновники уже с 60-х годов должны были знать “иллиро-далматинский” язык наряду с итальянским, но на большее власти не шли, несмотря на систематические требования.

В 1888 г. сербско-автономистский блок в последний раз избрал в рейхсрат автономиста, а в 1890 г. победил на общинных выборах в Дубровнике. Однако в 90-х годах наметилась тенденция нового хорватско-сербского сближения.

В 1889 г. народняки Национальную партию переименовали в Национальную хорватскую партию и за основу программы приняли хорватское государственное право и равноправие хорватов и сербов как якобы одного народа. Партия намеревалась поддержать старославянское богослужение вопреки его преследованию со стороны имперских властей^{*}. Партия обязалась в “подходящий момент” обратиться к императору по поводу воссоединения. Но премьер Э.Тааффе в 1889 г. пригрозил роспуском сабора, если тот затронет эту проблему.

Народняцкая политика приспособления к имперской власти стала вызывать все более острую критику. Как отмечалось, появилась оппозиционная группировка правашей, которые, однако, в отличие от А. Старчевича, имели в виду объединение хорватских земель только в пределах монархии. Само появление оппозиции в среде народняков свидетельствовало о решении некоторых трудных проблем национального возрождения, о новом облике и содержании политической борьбы, т. е. о переходе ее к новому этапу.

Еще в 1877 г. священник Иван Продан стал редактором газеты “Католичка Далмация” (до 1880 г. выходила на итальянском языке), где проводил линию М. Павлиновича и правашей. Он все более прониклся клерикальным духом, в 1883 г. возглавил группу правашей-священников и в 1884 г. записал в своей программе: “Прежде всего Бог и вера, потом отечество”. Сербов как нацию он “не признавал”. Ориентация правашей была следующей: твердо держаться Вены, но покончить с бесконечными уступками правительству. Однако влияние Продана было незначительным.

В 1891 г., сразу после “клаузолы”, возникла новая группа молодых правашей во главе со сплитским адвокатом Анте Трумбичем и журналистом из Дубровника Франо Супило. Они опирались на либеральную

^{*} В 1910 г. в саборе раздавались призывы поддержать старославянский язык в литургии и хорватское пение в церкви¹¹. Против первого выступало правительство, против второго – курия.

и югославистскую традицию народняков, но имели четкое национальное сознание и твердо выступали за воссоединение земель (взяв от Павлиновича только эту тенденцию и отбросив клерикальные идеи), против дуализма, против австро-германского блока. Идеи опорой их было государственное и естественное право хорватов. Супило был противником особой Сербской партии, но признавал сербское "имя" и нацию (вне хорватских земель). В 1890 г. он начал издавать в Дубровнике газету "Црвена Хрватска" ("Красная Хорватия)". В направленности либеральных правых против австро-германского блока – тенденции, которая постепенно созрела к 1905 г., сказались новые веяния в международной обстановке (наличие франко-русского союза).

В связи с вопросом о социальной основе далматинских партий Национальной хорватской партии и правых (клерикалов и либералов) – приведем содержание одной важной дискуссии в саборе в октябре 1910 г. Часть депутатов подчеркивали, что Далмация – сельскохозяйственная страна. В ответ либерал А. Тресич-Павичич воскликнул: "Далмация, господа, не земледельческая страна. Будущее Далмации должно быть таким, как ее прошлое, а это значит, что она должна быть торговой страной. Мы полностью предназначены для торговли!.." Полей мало, но много крша". Мы "в высшей степени торговая, промышленная страна"; то, что сейчас главное место занимает виноградарство, продолжал оратор, ничего не значит. "Мы имеем все условия: водную энергию, отличные гавани, возможность строить доки, условия для металлургии, цементной и разной прочей промышленности, а вследствие этого – колоссальной торговли. Сейчас развитие тормозится властью"¹²***. И. Караман отмечает: "Далмация стремилась к тому, чтобы в новых условиях создания системы железнодорожных и паромных связей сохранить и развить свою традиционную роль торгового посредника"¹⁴.

Так вырисовывалась основа для оппозиции не только клерикальной и прогабсбургской, но и антигабсбургской и либеральной. Здесь же можно увидеть источник симпатий к идеям югославизма. Наиболее

* Древнее название южной части Далмации.

** Крш – сухая слоистая порода, карст.

*** Любопытное сообщение появилось недавно в нашей печати. В Хорватии, в доках на Адриатике, строят для России 12 танкеров примерно на 30000 тонн нефти каждый. Стоимость заказа 360 млн долларов. Два дока – в Далмации (Сплит, Трогир), один в Истрии (Пула) и один в Риеке. Отметим, что последние два сооружены при Австро-Венгрии, но далматинские крупные доки – достижение более позднего времени. Так сбывается мечта о промышленной Далмации, граничившая в начале века с фантастикой¹³.

яркими деятелями этого второго направления были Ф.Супило и А.Трумбич. Со временем с либеральными правашами стала сближаться Национальная хорватская партия.

В первой половине 90-х годов наиболее сильным было влияние “Хорватского клуба” Ю. Бьянкини, который с пятью депутатами-священниками покинул Национальную хорватскую партию после “клаузолы”, в 1892 г. Позднее, в 1894 г., клуб объявил, что придерживается взглядов правашей. Бьянкини, продолжавший редактировать “Народни лист”, в конце 80-х годов склонялся к позиции либеральных католиков, но с влиянием идей Павлиновича расставался медленно. Так, он был не согласен с программой народняков 1889 г., признававшей сербскую нацию в Далмации.

В рейхсрате Бьянкини резко выступал против дуализма, связывал принципы Партии права с требованием реального изменения экономической политики в Далмации и воссоединения хорватских земель. При всем том, как и клерикалы Продана, он сохранил верность империи и ориентацию на Вену. Но за резкость выступлений власти считали группу Бьянкини радикалами и “фанатичными попами”.

Постепенно Бьянкини перешел к поддержке триализма (в этом была сущность позиции правашей в Хорватии и Славонии, их программы 1894 г.). Триализм означал присоединение Боснии и Герцеговины к Хорватии и признание “миролюбивой” миссии монархии на Балканах. В 1894 г. группа Бьянкини вступила в Партию права, где, таким образом, соединились три группировки (Продан, Бьянкини, Трумбич).

В 1893 г. хорваты и словенцы в рейхсрате покинули фракцию сторонников правительства и создали оппозиционный “Югославянский клуб” (здесь находились и далматинские правашаи и народняки).

С середины 90-х годов главной целью правашей Далмации стало создание сильной единой организации правашей всех хорватских земель. Это свидетельствовало о тенденциях сплочения нации. В 1897-1902 гг. правашаи укрепляли свое влияние за счет народняков, ибо – как отмечалось – выражали оппозиционные настроения мелкой и средней буржуазии и духовенства в условиях экономического застоя Далмации. Часть народняков также сближалась с ними на основе оппозиции Вене, тем более, что в социальных вопросах правашаи были умеренными (социальной программы не имели), несмотря на громкие фразы об интересах народа.

Политическая ситуация в Далмации изменялась также под влиянием роста антидуалистской оппозиции в Венгрии и острого конфликта чехов с немцами. Все это означало нарастание кризиса дуализма.

В 1897 и 1901 гг. народняки (Национальная хорватская партия) и правашаи на выборах выступили в блоке. Их противник – клерикальная

группа Продана в 1898 г. вышла из Партии права и основала “Чистую партию права” (аналог франковцам Хорватии и Славонии).

С 1900 г. Национальную хорватскую партию возглавлял Перо Чингрия, градоначальник Дубровника. Он продолжал сближение с правшами, во главе которых находились Ю. Бьянкини (заседавший в рейхсрате) и А. Трумбич – инициатор важных политических действий в 900-х годах. Народняки проявляли склонность к сотрудничеству с сербами, и эта тенденция усиливалась. Со своей стороны, правши все более склонялись к признанию “сербского имени”. В 1897 г. народняки на выборах в рейхсрат заключили блок с Сербской партией против автономистов и итальянцев и победили. С этого времени Далмацию представляли в парламенте только хорваты и сербы. Но окончательно сближению хорватов и сербов мешало сопротивление сербов (и итальянцев) воссоединению Далмации с Хорватией и Славонией. Однако при всех разногласиях и итальянцы, и хорваты, и сербы были в оппозиции экономической политике имперской власти, а хорваты и сербы требовали официального статуса для своего языка. Сербская партия в Боке была связана с Черногорией (о чем уже говорилось), что усиливало ее оппозицию Вене. В целом, за исключением высшей православной иерархии, которая поддерживала правительство, Сербская партия сближалась с хорватами на оппозиционной основе.

На рубеже веков зародилось слабое социалистическое движение, на которое влияли итальянская социал-демократия Триеста, словенская (Любляна) и – очень немного – хорватская (Загреб) социал-демократия. Социалисты впервые начали агитацию среди колонов Сплитского округа – сельской бедноты.

На политическое движение в Далмации (а также Истрии) сильно воздействовали бурные события в собственно Хорватии в 1903 г. Под влиянием слухов (неверных) о массовых смертных приговорах участникам выступлений в Хорватии вся Далмация встрепетнулась. Вывешивали траурные флаги, служили мессы, организовывали собрания, посылали деньги пострадавшим. Францу-Иосифу было послано множество телеграмм. В ответ на отказ императора принять делегатов от Далмации и Истрии (ибо им якобы не должно быть дела до событий в другой части монархии) делегаты издали прокламацию о единстве хорватского народа в разных землях и солидарности с ним “единокровных братьев” сербов и словенцев. Впервые в Далмации широко распространилась мысль о том, что в рамках Австро-Венгрии хорватский национальный вопрос не решить.

События в Хорватии, июньский переворот в Сербии (1903 г.) – одной из его целей был отказ от прогабсбургской ориентации страны, – деятельность в Хорватии либеральной “прогрессивной молодежи”

ускорили хорвато-сербское сближение. Прогрессисты проповедовали “малые дела” в пользу народа для втягивания масс в национальное движение.

События 1903 г. означали начало стадии острого кризиса дуализма. Венгерская оппозиция требовала проведения таможенной границы между Австрией и Венгрией и введения венгерского языка как командного в венгерских частях армии, а в конечном счете – замены дуализма личной унией.

В этих условиях осенью 1903 г. далматинские лидеры сформулировали идею “нового курса”. Дополнительный импульс радикализации политических взглядов далматинцев дал разразившийся очередной тяжелый голод. Выступление далматинской оппозиции, естественно, было направлено непосредственно против имперских властей и политики “дранга” на юго-восток. Тон задавал “Нови лист”. Газета выходила в Риэке с 1899 г. под редакцией Ф. Супило, представлявшего интересы хорватской буржуазии в Далмации и хорватском Приморье. В Дубровнике наиболее радикальной была “Црвена Хрватска”, которую редактировал прогрессист М. Марянович. Не случайно в газете “Нови лист” большое место занимали экономические проблемы: Супило, постепенно эволюционируя, приходил к доказательству того, что существующая политическая система крайне опасна для развития экономики не только южных славян, но и Балкан в целом и Венгрии¹⁵. К мнению “Нового листа” прислушивались далеко от Риэки. Так, по-видимому не без санкции Рима, к далматинской оппозиции примкнула итальянская партия, выражавшая настроения кругов, обеспокоенных усилением Германии.

Сущность “нового курса” (в его наиболее радикальном смысле, как он сложился в 1905 г.) состояла в борьбе за независимое югославянское государство мирным политическим путем. Его первой “жертвой” стал наместник Э. Хандель, который наряду с расширением применения хорватского (или сербского) языка стремился узаконить немецкий язык в наместнической администрации. В момент обострения антинемецких чувств это сделать не удалось. В 1903 г. все партии выступили против намерения наместника, а итальянцы при этом не возражали против укрепления позиций хорватского языка и воссоединения хорватских земель. В 1904 г. Хандель был отозван.

Именно в это время лидер Партии права А. Трумбич произнес слова, с которыми вошел в историю: “От Альп до Марицы – все на защиту от германизма” (среди “всех” имелись в виду также итальянцы и венгры). Никогда ранее далматинская политика не играла такую заметную роль в международных отношениях, как в 1904–1906 гг. Это была ак-

тивная реакция далматинцев на игнорирование правящими кругами монархии нужд Далмации почти в течение столетия.

Весной 1905 г. Национальная хорватская партия и Партия права объединились в Хорватскую партию. Это объединение ведущих сил хорватской буржуазии Далмации назревало давно. Вне партии остались “чистые” правашаи (Продан) и прогрессисты, во главе которых находился Йосип Смодлака.

“Новый курс” из Далмации распространился на Хорватию и Славонию, т. е. получил общенациональное значение. В “новом курсе” было много противоречивого и неясного, но основная его тенденция была опасна для Габсбургов. В среде хорватской буржуазии имелись непреодолимые противоречия относительно целесообразности проведения таможенной границы с Австрией, на эту тему продолжались споры, свидетельствовавшие о неустойчивости радикальных (антиавстрийских) тенденций. Но далматинские сторонники “нового курса” были наиболее энергичными и активными в выработке политической тактики (переговоры с венгерской оппозицией вел Трумбич, с Белградом Супило).

На совещании в Риеке 3 октября 1905 г. было представлено большинство хорватских депутатов из Хорватии, Славонии и Далмации. Они подписали важную резолюцию, вошедшую в историю под названием “Риекской резолюции”. Она означала поворот в хорватской политике: сторонники резолюции объявили о поддержке борьбы венгерской оппозиции за самостоятельную Венгрию при условии объединения хорватских земель и введения в Хорватии конституционного парламентского режима.

Сербские депутаты саборов тех же земель 17 октября 1905 г. приняли “Задарскую резолюцию”, в которой была выражена готовность поддержать венгерскую оппозицию и воссоединение Далмации при условии полного равноправия сербов и хорватов. Характерно, что обе резолюции были приняты в Приморье (Риека) и Далмации. Далматинские Хорватская и Сербская партии первыми договорились о союзе, за ними последовали партии Хорватии и Славонии. В обоих случаях было подчеркнуто, что хорваты и сербы равноправны и составляют один народ. Это неоднократно повторявшееся в XIX – начале XX в. заявление было внутренне противоречивым, имело служебную политическую цель (сплочения политических сил) и не соответствовало действительности, что раньше или позже должно было проявиться.

В Хорватии и Славонии в декабре 1905 г. была создана Хорватско-сербская коалиция (манифест от 11 декабря 1905 г.). Это явилось завершающим организационным актом формирования “нового курса”. Манифест был пронизан буржуазно-демократическим духом, что

должно было обеспечить поддержку со стороны широких слоев населения. Действительно, краткое время коалицию поддерживала хорватская социал-демократия. Ближайшей крупной целью коалиции являлось воссоединение Далмации.

В 1905 г. прогрессисты Хорватии, Славонии и Далмации (Демократическая партия Й. Смодлаки) объединились в общую Прогрессивную партию, югославистскую и антиклерикальную по духу. Прогрессисты рассматривались в Вене как главные противники государства.

В 1908 г. в Далмации оживилось аграрное движение. Колоны требовали передачи им земли в собственность с выплатой возмещения владельцам при посредничестве специального банка. Предложение землевладельцев несколько снизить причитающуюся им часть урожая (это доля составляла от 1/2 до 1/6) никого не удовлетворило. Назревала стачка виноградарей – прекращение работ на Сплитском поле. Две трети площади этого поля (8 тысяч парцелл, 25 тыс. гектаров) принадлежало церкви, епископству, капитулу, монастырям, остальное – горожанам и немного крестьянам. В некоторых местах работа уже была прекращена. Хорватская демократическая партия много сделала, чтобы удержать движение в организованных и мирных рамках. Й. Смодлака выступал на больших митингах “тежаков”. Внимание, которое партия уделяла крестьянству, способствовало его высвобождению от влияния автономистов. Так что одновременно прогрессисты решали и национальную задачу. Еще в 1906 г. был создан Союз тежаков, представлявший интересы крестьян на переговорах с землевладельцами. Быстро распространялась сеть снабженческой и кредитной кооперации. Теперь Смодлака требовал издания закона о выкупе (ликвидации) колоната и кметства. Движение распространилось на некоторые острова (Брач, Хвар), на юг и север Далмации. Под руководством партии Смодлаки в некоторых местах крестьяне добились выкупа земли.

Все эти события побудили далматинский сабор впервые обсудить аграрный вопрос (1909 г.). В 1910 г. Смодлака сблизился с Хорватской партией (партией собственников земли) и был избран делегатом рейхсрата. Там он говорил об общегосударственном значении аграрного вопроса в Далмации. Но до закона о выкупе дело не дошло вплоть до конца мировой войны, хотя венские власти готовили соответствующий акт¹⁶.

В Хорватии и Славонии лидером Хорватско-сербской коалиции был Ф. Супило. В мае 1906 г. коалиция победила на выборах в хорватский сабор. С резкой критикой Хорватско-сербской коалиции выступили “чистые правши” и Хорватская крестьянская партия (С. Радич),

ориентировавшиеся на укрепление государства Габсбургов и его реформирование*.

Тяжелейший удар “новому курсу” нанесла капитуляция венгерской оппозиции перед Францем-Иосифом и создание в Венгрии министерства, верного дуализму. Хорватско-сербское сотрудничество (коалиция) в хорватских землях сохранилось до 1918 г., но об осуществлении целей коалиции не могло быть и речи. После ряда конфликтов с венгерскими властями Хорватско-сербская коалиция, в которой возобладало умеренное крыло, в 1913 г. заключила союз с Будапештом на основе некоторых уступок последнего (в частности, расширения избирательного права в Хорватии и Славонии в 1910 г.). Коалиция стала правительственной партией Хорватии и Славонии. Это положение сохранилось до 1918 г. В Далмации, как и в Хорватии и Славонии, прогрессисты слились с умеренными партиями, в чем сказался спад политической активности накануне Балканских войн.

Наиболее значительным событием в Далмации в период после аннексии монархией Боснии и Герцеговины (1908 г.) было признание хорватского языка официальным в 1909 г., когда власти в условиях международной напряженности на Балканах сочли необходимой эту уступку славянскому населению.

В 1909 г. на совещании представителей далматинских партий и австрийского правительства был в основном решен этот вопрос**. Австрийское законодательство не определяло порядок решения языковых проблем в землях Цислейтании. На этот счет имелись разные мнения: такие решения должны приниматься либо высшей властью, либо путем соглашения правительства с представителями земель, либо, наконец, самими земельными собраниями (так хотели далматинцы, но правительство не выпускало этот рычаг политики из своих рук). Был применен второй путь. Правительство отстаивало право чиновников, “недостаточно знающих хорватский”, составлять важные бумаги на итальянском. Контрольные органы могли пользоваться и немецким языком. Он же остался фактически языком переписки с наместником. Но в основном долго откладывавшаяся проблема наконец была решена.

Еще в 1883 г. сабор ходатайствовал, чтобы вопрос о языке был в его компетенции. По предложению М. Павлиновича было заявлено: сабор считает, что все дела, кроме военных, должны вестись на “национальном языке – хорватском или сербском”. При первом гражданском (не генерале) наместнике Э. Ханделе в 1902 г. вопрос не был

* Напоминаем, что изложение истории Хорватии и Славонии не входит в нашу задачу.

** В документах сабора всегда применялся термин “хорватский или сербский” язык.

решен, ибо наместник хотел все центральное делопроизводство вести на немецком. Это стало причиной конфликта и отставки Ханделя. В 1905 г. все три фракции – Хорватская партия, Сербская партия и правши сделали совместное заявление: “В Далмации язык всего делопроизводства и переписки должен быть хорватским или сербским”. В 1907 г. все партии подтвердили позицию сабора 1884 г. (народники тогда согласились, что на документ, поданный на итальянском языке, должен быть дан ответ на итальянском).

Теперь “Инструкция” правительства от 6 апреля 1909 г., по замечанию Ю. Бьянкини, решила вопрос на 9/10, тогда как раньше итальянская партия все держала в своих руках... Конечно, это был компромисс с итальянской партией. Но Бьянкини добавил, что исключения со временем исчезнут сами собой. Кончилось вековое господство итальянского языка. Отныне хорватский язык получил статус официального. Ни один язык славянских народов Австрии, подчеркнул оратор, таких прав не имеет. Чехи поздравляли далматинцев. “Инструкция” касалась всех, кроме военного министерства и министерства железных дорог. Практически хорватский язык использовался и в судах, хотя обосновать свое мнение можно было на любом языке. С трудом было достигнуто соглашение о печатях и объявлениях: было решено делать их двуязычными только в приморских городах¹⁷. Реформа вступила в силу 1 января 1912 г. Напомним, что для решения языковой проблемы потребовалось полвека.

Балканские войны 1912–1913 гг. вызвали манифестации в Далмации. Проводился сбор средств для сербского и черногорского Красного креста. Вывешивались сербские флаги. В Сербию и Черногорию перебирались добровольцы – сербы и хорваты. В Хорватии и Боснии активизировались хорватские и сербские радикальные молодежные организации югославистского толка. Усилилось влияние идеи “единого народа” – идеи наивной, но для властей опасной. В ответ наместник Далмации разогнал общинные управы Сплита и Шибеника¹⁸.

В конце 1912 г. Ф. Супило в газете “Нови лист” писал о будущем с оптимизмом. Появилась уверенность в том, что освобождение и объединение югославян произойдет вне Австро-Венгрии. “Новая эра начинается для всего нашего хорватского и сербского народа независимо от политических границ, наш народ именно под воздействием событий новой истории сильнее ощутил в своем сознании народное единство, совпадение народных стремлений и идеалов в условиях политической раздробленности. События на Балканах открыли наши сердца до сих пор далеким народам, вере в нашу национальную будущность и величие нашей культурной миссии”¹⁹.

Это был подъем новой волны югославизма. Все сомнения и противоречия отодвигались вдалеке перед лицом реальной задачи освобождения всех югославянских народов. Но чем больше в этом югославизме было романтики, тем острее было разочарование впоследствии, причем не только хорватов, но и многих сербов. Югославизм мог означать поиск компромисса между нациями (но не слияние их). Задача крайне непростая, но нельзя утверждать, что исторически она в принципе неразрешима. Однако условием решения являлся исключительно высокий социально-культурный уровень региона, существование зрелого гражданского общества, от чего Юго-Восточная Европа была далека.

Во время первой мировой войны Трумбич и Супило были ведущими деятелями эмигрантского Югославянского комитета, который отстаивал интересы южных славян Австро-Венгрии как перед союзными державами (особенно против итальянских претензий на Далмацию и Приморье, которые по Лондонскому договору 1915 г. союзники обещали удовлетворить), так и перед сербским правительством (Н. Пашича) в эмиграции. Ф. Супило, успевший избежать ареста и перейти австро-итальянскую границу, жил в Италии, затем в Лондоне, приезжал в Петроград для переговоров с русским министерством иностранных дел. Он скончался в сентябре 1917 г., до этого безрезультатно отстаивая принцип федерации как основу будущей Югославии²⁰. А. Трумбич возглавлял Югославянский комитет, а в 1919 – начале 20-х годов в Югославии был министром иностранных дел. М. Дринкович, праваш, после колебаний пришедший в лагерь противников Габсбургов, в начале войны был интернирован, а в Югославии дважды был министром. Писатель А. Тресич-Павичич, член сабора, также в 1914 г. был интернирован, а в Югославии занимал дипломатические должности.

После войны небольшая часть Далмации была оккупирована Италией и освобождена в ходе народно-освободительной войны в 1943 г.

Хорваты, боровшиеся во время войны 1914–1918 гг. за югославянскую федерацию, были разочарованы централистским режимом Королевства сербов, хорватов и словенцев. Со временем в оппозиции оказалась и часть сербской общественности (С. Прибичевич и др.). Нет оснований утверждать, что буржуазно-демократическая федерация обеспечила бы прочность и устойчивость нового государства. Да и силы, способные создать такое устройство, были недостаточны. Но

* Последствием деятельности некоторых представителей далматинской политической элиты на службе централистно-монархического режима стало оттеснение их на обочину хорватской политической жизни, так как в Хорватии возникла мощная оппозиция режиму во главе с Хорватской республиканской крестьянской партией. Ее лидер Степан Радич отстаивал переустройство Югославии на началах федерации или конфедерации.

централизм обрек страну на перманентный внутривластный кризис и беззащитность перед лицом внешней агрессии в 1941 г.²¹

П р и м е ч а н и я

Введение

1. *Березин А. В.* Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница. Т. 1–2. СПб., 1879. Т. 2.

Часть первая

Очерк формирования хорватской и сербской наций в пределах монархии Габсбургов

1. Общее представление о нациях Центральной Европы.

1. *Hroch M.* Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Praha, 1968; *Hroch M.* Obrození malých evropských národů. Praha, 1971; *Hroch M.* Evropská národní hnutí v 19 století. Praha, 1986.

2. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973; Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980, 1981; Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1984; *Мильников А. С., Фрейдзон В. И.* Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе в XVIII–XIX веках // Вопросы истории. 1987. № 8; Чешская нация на заключительном этапе формирования. М., 1989; *Фрейдзон В. И.* Изучение процесса складывания наций в Центральной Европе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 70–80-е годы (историографические заметки) // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX–начале XX в. М., 1991; *Геллнер Э.* Нации и на-

ционализм. М., 1991; *Breuilly J.* Nationalism and the State. Manchester, 1982; *Smith A. D.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986; *Chlebowczyk J.* On Small and Young Nations in Europe. Wrocław etc., 1980; *Kann R. A., David Z. D.* The Peoples of the Eastern Habsburg Lands. Seattle, 1984.

2. Хорваты

1. *Crnja Z.* Kulturna historija Hrvatske. Zagreb, 1965. S. 363 etc.
2. *Данилова А. В.* Просвещение в хорватской литературе // Литература эпохи формирования наций. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982. С. 251 и др.
3. *Бершадская М. Л.* Становление хорватского национального самосознания в творчестве хорватских просветителей XVIII–начала XIX в. // У истоков формирования наций... С. 141–143.
4. [*Sipus J.*] Temely hitne trgovine polag narave i dogaczajev. Zagreb, 1796.
5. *Crnja Z.* Op. cit. S. 394.
6. [*Mihanovich A.*] Rech domovini od Hasznovitosti Piszanya vu Domorodnom Jeziku. V Bechu, 1815.
7. *Šidak J.* Hrvatske zemlje u razdoblju nastajanja preporodnog pokreta // Historijski zbornik. 1980–1981. S. 93.
8. *Šidak J.* Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeća. Zagreb. 1973. S. 181–194.
9. *Nemeth K.* Zagrebačka akademija uoči Narodnog preporoda // Iz starog i novog Zagreba. Zagreb, 1957. S. 175.
10. Povijest školstva i pedagogije u Hrvatskoj (D. Franković). Zagreb, 1958. S. 72.
11. *Stančić N.* Ideologija pripremnog razdoblja hrvatskog narodnog preporoda (1830–1835 godine) // Myskenkovy vyvoj Čechů, Slovaků a Jihoslovanů od poloviny 18. století do buržoazni revoluce 1848–1849. Praha, 1985. S. 233–258.
12. *Stančić N.* Hrvatska nacionalna ideologija preporodnog pokreta u Dalmaciji. Zagreb, 1980. S. 23–60.
13. Hrvatski narodni preporod u Dalmaciji i Istri. Zagreb, 1969; *Stančić N.* Hrvatska nacionalna ideologija ...; *Petrovic R.* Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX stoljeću. Saraevo, 1968.
14. Подробно об утверждении этнонима “хорват” в Хорватии и Славонии см.: *Gross M.* Počeci moderne Hrvatske. Zagreb, 1985. S. 371–380.
15. Pozor. 1867. 7, 17.II; 3.III.

16. Формирование национальных независимых государств на Балканах. М., 1985.
17. *Šidak J. Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981. S. 297 etc.*
18. *Antologija ilirskog pokreta. Beograd. 1953. S. 59–61.*
19. *Branik. 1971. N 81.*
20. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Г.А. У А₂. Д. 1017. Л. 78 (1863 г.).
21. *Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970. С. 152–158.*
22. Там же. С. 155.
23. *Radić A. Sabrana djela. Sv. I–XVIII. Zagreb, 1936–1939. Sv. VII. S. 10.*
24. *Stančić N. Hrvatska nacionalna ideologija... S. 273–339.*
25. *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskoga naroda 1860–1914. Zagreb. 1968. S. 327.*
26. *Hrvatska misao. Zagreb. 1906. S. 499.*
27. *Hrvatska misao. Zagreb. 1904. S. 89.*
28. *Šidak J. et al. Op. cit. S. 197.*
29. *Ibid. S. 322.*
30. *Ibid. S. 325.*
31. *Lovrenčić R. Geneza politike “novog kursa”. Zagreb, 1972. S. 28, 37.*
32. *Radić A. Op. cit. Sv. V. S. 226.*
33. *Stenografski zapisnici sabora. 1906–1911. Zagreb. Sv. II. D. II. S. 800.*
34. *Lovrenčić R. Op. cit. S. 37.*
35. *Društveni razvoj u Hrvatskoj (M. Gross). Zagreb, 1981. S. 185–187; Gross M. Društvene strukture i nacionalni pokreti jugoslavenskih naroda uoči I. svjetskog rata // Nastava povijesti. 1975. N 4. S. 219, 224.*
36. *Lokatoš J. Narodna statistika. Zagreb, 1914. S. 65.*
37. *Radić A. Op. cit. Sv. III. S. 102.*
38. *Ibid. S. 354; Povijest školstva... S. 153.*
39. *Povijest školstva... S. 243.*
40. *Šidak J. et al. Op. cit. S. 275, 297, 300.*
41. *Lovrenčić R. Op. cit. S. 22.*
42. *Gross M. Vladavina hrvatskosrpske koalicije. Beograd, 1960. S. 45.*
43. *Zgodovinski arhiv KPJ. Beograd, 1951. T. V. S. 199–201.*
44. *Pozor. 1962. 1.II.*
45. *Gross M. Počeci moderne Hrvatske... S. 474.*

3. Сербь в пределах монархии Габсбургов

1. *Поповић Д. Срби у Војводини. Нови Сад, 1963. Књ. III. С. 37.*

2. Паскалева В. Средна Европа и земите по Долния Дунав през XVIII–XIX в. София, 1986. С. 17–32.
3. Историја српског народа. Београд, 1981. Књ. V. Т. 2. С. 9.
4. Крестић В. Историја српске штампе у Угарској. 1791–1914. Нови Сад, 1980. С. 17.
5. Гавриловић С. Митровица (1716–1848). Београд, 1984; Нови Сад. Развитак Новог Сада од оснивања до наших дана. Нови Сад, 1963. В XVIII в. мануфактуре здесь не упоминаются, некоторый сдвиг в их развитии отмечен во второй четверти XIX в.
6. Историја српског народа... С. 14.
7. Matković P. Hrvatska i Slavonija u svojih fizičnih i duševnih одношajih. Zagreb, 1973. S. 39–40; Krestić V. Srbi u Hrvatskoj od 1850. do 1868. godine // Jugoslavenski istorijski časopis. 1975. N 3–4. S. 33; Ракић Ј. Радикална странка у Војводини. Нови Сад, 1975. С. 8–9.
8. Относително большая часть сербов Австро-Венгрии в начале XX в. находилась в Боснии и Герцеговине (38,7% в 1900 г.). См.: Lovrenčić R. Op. cit. S. 22; Pleterski J. Nacije, Jugoslavija, revolucije. Beograd, 1985. S. 42.
9. Gavrilović S. Srbi u Habsburškoj Monarhiji pred ugarski sabor 1790 // Jugoslavenski istorijski časopis. 1965. N 4. S. 22–27.
10. Mirković M. Pravoslavna crkva u Srba na njihovom putu od naroda do nacije // Postanak i razvoj srpske nacije. Beograd, 1969. S. 67.
11. Krestić V. Srbi u Hrvatskoj... S. 34.
12. Povijest školstva... S. 112.
13. Толстой Н. И. Литературный язык у сербов в конце XVIII начале XIX века // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978; Он же. Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербскохорватского, болгарского и словенского языков) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; Гудков В. П. Книжнописьменный язык у сербов в XVIII–начале XIX в. // Там же. Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Караджич и его реформа сербскохорватского/хорватосербского литературного языка. Ленинград, 1984.
14. Wendel H. Aus dem südslavischen Risorgimento. Gotha, 1921. S. 1–29.
15. Postanak i razvoj srpske nacije... S. 210; Лециловская И. И. Взгляды Досифея Обрадовича по национальному вопросу // Славяне и Россия. М., 1972. С. 89 и др.
16. Крестић В. Историја српске штампе... С. 13–15.
17. Там же. С. 23.

18. Културно-политички покрети народа Хабсбуршке монархије у XIX веку. Нови Сад, 1983.
19. Temišvarski sabor 1790 (S. Gavrilović, N. Petrović). Novi Sad – Sremski Karlovci, 1972. S. VI.
20. Грађа за историју српског покрета у Војводини (Р. Перовић). Београд, 1952. С. 123.
21. Там же. С. 177.
22. Формирование независимых национальных государств на Балканах. М., 1986. С. 217.
23. Там же. С. 217–218, 237–238.
24. Кириловић Д. Српски народни сабори. Нови Сад, 1937. Т. 1.; Формирование независимых национальных государств на Балканах. С. 210–225.
25. Цит. по: Postanak i razvoj srpske nacije... S. 87.
26. Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1981. Т. 2. Гл. III, § 6; Застава, 1966. 9. II.
27. Милетић С. Изабрани чланци. Нови Сад, 1939. С. 163.
28. Застава. 1871. 1. III.
29. Милетић С. Указ. соч. С. 23.
30. Застава. 1866. 2. III.
31. Грађа за историју... С. 281, 311–312.
32. Застава. 1871. 17. III.
33. Борђевић М. Српска нација у грађанском друштву. Београд, 1979. С. 109–114.
34. Освободительные движения... С. 210–214.
35. Застава. 1866. 14. XII.
36. Уједињена омладина српска. Зборник радова. Нови Сад, 1968; Освободительные движения... С. 175–176.
37. Панчевац. 1871. 29. VIII.
38. Petrović N. О неким специфичностима развита српске нације у Хабсбуршкој империји // Jugosloveski istorijski časopis. 1970. N 1–2. S. 52.
39. На пример, см.: Застава. 1866. 9. II.
40. Панчевац. 1870. 7. V.
41. Панчевац. 1870. 19. IV.
42. Крестић В. Историја српске штампе... С. 8.
43. Ракић Л. Радикална странка у Војводини. Нови Сад, 1975. Т. 1. С. 32.
44. Ракић Л. Указ. соч. Нови Сад, 1983. Т. 2. С. 121–123.
45. Ракић Л. Указ. соч. Т. 1. С. 15.
46. Там же. С. 21.

47. Гаћеша Н. Поседовни односи у Војводини // Југословенски народи пред први светски рат. Београд, 1967. С. 176–177.
48. Mirnić J. Radnički pokret u Bačkoj. Novi Sad, 1963. S. 51–53.
49. Фрејдзон В. И. Эволюция социальной структуры Воеводины в XIX–нач. XX в. // Социальная структура общества в XIX в. М., 1982.
50. Erić M. Agrarna reforma u Jugoslaviji. Sarajevo, 1958. S. 55 (данные приближительные).
51. Ракић Ј. Указ. соч. Т. 2. С. 16.
52. Там же. С. 30.
53. Лотух Ј. Прилози о економском стању у Угарској и у нашем народу. Нови Сад, 1908. С. 34–36, 74, 122.
54. Крестих В. Историја Срба у Хрватској и Славонији. 1848–1914. Београд, 1992.

Часть вторая

Национальное возрождение в Далмации

- 1. Далмация под властью Венеции, Австрии и наполеоновской Франции (до 1814 г.). Создание предпосылок национального движения (30–50-е годы XIX в.). Социально-экономическая ситуация (до 1878 г.)**

1. Novak G. Prošlost Dalmacije. Zagreb. 1944, Т. 2. S. 221–235.
2. Ibid. S. 303–311.
3. Petrović R. Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX stoljeću. Sarajevo, 1968. S. 19.
4. Ibid. S. 48–58. См. также: Stančić N. Narodni preporod u Dalmaciji // Društveni razvoj u Hrvatskoj od 16. do početka 20. stoljeća (М. Gross). Zagreb, 1981. S. 231–250.
5. АВПРИ. Ф. Г.А. VA₂. Д. 723. Л. 253–254. См.: Фрејдзон В. И. Русские консульские донесения из Дубровника о положении в Далмации в 60-х–начале 70-х годов XIX в. // Historijski zbornik. 1976–1977. S. 366.
6. Perićić S. Oskudica i glad u Dalmaciji u XIX i početkom XX stoljeća // Radovi. Institut za hrvatsku povijest. Zagreb, 1980. Vol. 13. S. 1–32.
7. Petrović R. Op cit. S. 53. О читальнях см.: Grabovac J. Narodne čitaonice i njihova uloga u narodnom preporodu u Dolmaciji (1862–1870) // Zadarska revija. 1963. N 5.
8. Stančić N. Hrvatska nacionalna ideologija preporodnog pokreta u Dalmaciji. Zagreb, 1980. S. 23–60.
9. Цит. по: Petrović R. Op. cit. S. 35.

10. *Karaman I. Privreda i društvo Hrvatske u 19. stoljeću. Zagreb, 1972. S. 117.*
11. *Ibid. S. 122–123.*
12. *Ibid. S. 131.*
13. Цит. по: *Karaman I. Privreda i društvo... S. 270.*
14. АВПРИ. Ф. Г. А. VA₂. Д. 727. Л. 192–194.
15. АВПРИ. Ф. Г. А. VA₂. Д. 723. Л. 11 (1861 г.).
16. *Milutinović K. Vojvodina i Dalmacija. 1760–1914. Novi Sad, 1973. S. 17–50; Бакотић Ј. Срби у Далмацији од пада Млетачке републике до уједињења. Београд, б/г. С. 30–33.*
17. *Novak G. Op. cit. S. 325.*
18. *Kačić Miošić A. Razgovor ugodni naroda slovinskoga. Zagreb, 1956.*
19. Цит. по: *Novak G. Op. cit. S. 65.*
20. *Petrović R. Op. cit. S. 70.*
21. *Obad S. Nacionalno pitanje u Dalmaciji 1848–1849. godine // Jugoslovenski istorijski časopis. 1969, N 4. S. 66.*
22. *Dokumenti za naše podrijetlo hrvatskog preporoda (1790–1832) (F. Fancev). Zagreb, 1933.*
23. *Мыльников А. С., Фрейдзон В. И. Указ. соч.*
24. *Obad S. Nacionalno pitanje...*
25. *Historijska čitanka za hrvatsku povijest. I. Zagreb, 1952. S. 191.*
26. *Petrović R. Op. cit. S. 77.*
27. *Ibid. S. 91.*
28. *Ibid. S. 77–82.*
29. *Stančić N. Hrvatska nacionalna ideologija... S. 83.*
30. *Ibid. S. 100.*
31. *Gross M. Povijest pravaške ideologije. Zagreb, 1973. S. 374–381; Gross M. Poceci moderne Hrvatske. Zagreb–Ljubljana, 1985. S. 371–390.*
32. *Šidak J. Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeća. Zagreb, 1973. S. 48–51, 68–69.*
33. *Korunić P. Natko Nodilo i narodni preporod u Dalmaciji do 1867. // Historijski zbornik. 1974–1975. S. 95–138; Pavlinović Marin. Odnosi između Natko Nodila i Mihovila Pavlinovića // Historijski zbornik. 1962; о деятелях национального возрождения в Далмации см.: Zadarska revija. 1961. N 4–5; Могућности. 1962. N 2; 1963. N 1, 11, 12.*
34. АВПРИ. Ф. Г. А. VA₂. Д. 735. Л. 118.
35. *Stančić N. Hrvatska nacionalna ideologija... S. 114–115.*
36. *Bratulić J. Mihovil Pavlinović i borba za glagoljicu u Dalmaciji u 19. stoljeću // Mihovil Pavlinović u politici i književnosti. Zagreb, 1990. S 377–390.*
37. *Stančić N. Dalmacija 1870 // Historijski zbornik. 1972–1973. S. 536.*

38. *Macan T.* Ivan Kukuljević i narodnopolitički razvitak Dalmaciji // Historijski zbornik. 1974–1975. S. 73–94; *Šidak J.* Politička djelatnost Ivana Kukuljevića Sakcinskoga // *Šidak J.* Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeća. Zagreb, 1973. S. 221–277.

2. Национальное движение 60-х годов. Далматинский югославизм (словинство)

1. О событиях начала 60-х годов, связанных с проблемой воссоединения, см.: *Novak G.* Pitanje sjedinjenja Dalmacije s Hrvatskom 1860 1861 // Historijski zbornik. 1953.

2. АВПРИ. Ф. Г. А. VA₂. Д. 723. Л. 8–10.

3. АВПРИ. Ф. Г. А. VA₂. Д. 722. Л. 32–33.

4. *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970, С. 74–163.

5. См.: *Šidak J.* et al. Op. cit. S. 58.

6. *Petrović R.* Op. cit. S. 242–250; *Korunić P.* Op. cit. S. 116–123.

7. *Karlič P.* Matica Dalmatinska. Zadar, 1913.

8. Povjest školstva... S. 140–146.

9. *Stančić N.* Hrvatska nacionalna ideologija... S. 268–272, 340–354.

10. Уједињена омладина српска и њено доба. 1860–1875. Грађа. Нови Сад, 1977; Уједињена омладина српска. Нови Сад, 1968; *Milutinović K.* Vojvodina i Dalmacija... S. 85–111. О контактах Далмации с Србијом см.: *Milutinović K.* Veze Dalmacije i Srbije u doba narodnog preporoda // *Zadarska revija.* 1961. S. 368–391; *Вучковић В. Ј.* Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије 1859–1874. Београд, 1965.

11. *Zelić B.* Prilog diskusiji o Mihovilu Pavlinoviću // Historijski zbornik. 1963. S. 232.

12. Ibid. S. 233. В целом об этой проблематики см.: *Stančić N.* Hrvatsvo, srpstvo i jugoslavenstvo u Dalmaciji u vrijeme narodnog preporoda // *Časopis za suvremenu povijest.* 1970. N II.

13. *Stančić N.* Hrvatska nacionalna ideologija... S. 282–283.

14. *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958.

15. *Војводић В.* Устанак у Боки Которској 1869 године // *Годишњак филозофског факултета у Новом Саду.* Нови Сад, 1970. Књ. 13/1 С. 165–202; *Устанак у Боки Которској 1869.* Kotor–Budva, 1969.

16. АВПРИ. Ф. Г. А. VA₂. Д. 732. Л. 64.

17. Там же. Д. 735. Л. 116.

18. Там же. Л. 117.

3. Завершающий период хорватского национального возрождения в Далмации. Боснийская проблема в 70-х годах XIX в.

1. *Šidak J.* Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeća. Zagreb, 1973. S. 77.
2. АВПРИ. Ф. Г. А. VA₂. Д. 735. Л. 122.
3. Там же. Л. 148.
4. *Petrović R.* Op. cit. S. 398 etc.
5. Ibid. S. 409.
6. *Вучковић В. Ј.* Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије. 1859–1874. Београд, 1965 (см. Именной указатель, с. 493).
7. *Petrović R.* Op. cit. S. 143.
8. *Macan T.* Saradnja i sukob Miha Klaića i Stefana Mitrova Ljubiše // Historijski zbornik. 1978–1979. S. 157.
9. Ibid. S. 160.
10. *Petrović R.* Op. cit. S. 373–374.
11. Iz korespondencije Miha Klaića (T. Macan) // Historijski zbornik. 1968–1969. S. 463.
12. *Šidak J.* Studije iz hrvatske povijesti... S. 58–59.
13. Korespondencija Mihovola Pavlinovića (A. Palavršić, B. Zelić). Split, 1962. S. 181.
14. Korespondencija Rački – Strossmayer. Т. I–IV. Zagreb, 1928–1931. Т. III. S. 56 (15.III.1883); *Фрейдзон В. И.* Корреспонденция Рачкий Штроссмайер как источник по истории Хорватии второй половины XIX в. // Славянский архив. М., 1959. С. 160.
15. 100 лет христианского социального учения. М., 1991.
16. *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina. 1792–1918. Ljubljana, 1966. S. 277–285.
17. Iz korespondencije Miha Klaića... S. 472–473.
18. *Strossmayer I. I., Rački F.* Politički spisi. Zagreb, 1971. S. 477.
19. *Pavlinović M.* Pučki spici. Zadar, 1876.
20. См.: *Pleterski J.* Nacija, Jugoslavija, revolucija. Beograd, 1975. S. 28.
21. *Petrović R.* Op. cit. S. 349.
22. Ibid. S. 354.
23. Iz korespondencije Miha Klaića... S. 467–468
24. Korespondencija Rački – Strossmayer. Т. II. S. 144 (11.II.1878).
25. *Macan T.* Gledišta Miha Klaića na bosansko-hercegovačku problematiku od 1874. do 1890. // Radovi. Institut za hrvatsku povijest. Zagreb, 1980. Vol. 13. S. 36.
26. Ibidem.

27. Pavličević D. Odraz bosansko-hercegovačkog ustanka 1875–1878 na gospodarske prilike u Hrvatskoj // Časopis za suvremenu povijest. 1971. N 1.
28. Iz korespondencije Miha Klaića... S. 472.
29. Ibid. S. 468–469, 472, 492.
30. Macan T. Gledišta Mina Klaića... S. 42.
31. Ibid. S. 43.
32. Ibid. S. 43–44.
33. Ibid. S. 44.
34. Petrović R. Op. cit. S. 351.
35. Iz korespondencije Miha Klaića... S. 474.
36. Petrović R. Op. cit. S. 363.
37. Stančić N. [peč.] J. Perić Borba za ponarođenje Dalmatinskog školstva 1860–1918. Zagreb, 1974. // Historijski zbornik. 1974–1975. S. 406–409.
38. О правах Хорватии см. монографию: Gross M. Povijest pravaške ideologije. Zagreb, 1973.
39. Iz korespondencije Miha Klaića... S. 494.
40. Šidak J. et al. Op. cit. S. 176.
41. Iz korespondencije Miha Klaića (N. Beritić) // Arhivski vjesnik. Zagreb, 1960. T. III. S. 14.
42. Обзоры событий в XIX – начале XX в. см.: Бианкини J. Народни препород у Далмацији. Београд, 1927; Horvat R. Hrvatski препород u Dalmaciji. Zagreb, 1935.

Заклучение:

Далмация и политическая борьба в хорватских землях в начале XX в. (обзор)

1. Šidak J. et al. Op. cit. S. 265.
2. Brzopisna izvješća XLIII zasjedanja pokrajinskog sabora dalmatinskoga. 1909–1910. U Zadru, 1911. S. 637–638.
3. Šidak J. et al. Op. cit. S. 160–162.
4. Karaman I. Problemi privrednog razvitka Dalmacije pod austrijskom upravom // Karaman I. Privreda i društvo... S. 268.
5. Ibid. S. 278; Brzopisna izvješća... S. 1018. См. также: Juras I. Pregled gospodarstva i trgovine u Dalmaciji. Zadar, 1910.
6. Karaman I. Problemi... S. 289.
7. Ibid. S. 290.
8. Karaman I. Uloga Šibenika u dalmatinskoj privredi 19. i na početku 20. stoljeća // Karaman I. Privreda i društvo... S. 290–301.

9. См. подробнее: История Югославии. М., 1963. Т. 1.

10. Факты из политической истории Далмации приводятся по книге: *Šidak J. et al. Op. cit.*, если нет ссылки на иную работу. За выводы и обобщения, независимо от того, имеются ли они в этой книге, отвечает автор.

11. *Brzopisna izvješća...* S. 467.

12. *Ibid.* S. 710.

13. Сегодня. 1995. 10 февр.

14. *Karaman I. Uloga Šibenika...* S. 290.

15. *Lovrenčić R. Ekonomska problematika u Supilovu "Novom listu" 1903–1905 // Radovi Filozofskog fakulteta. Odsjek za povijest. T. 3. Zagreb, 1960; Ekonomska problematika u Sapilovu "Novom listu" 1906–1914 // Radovi. Historijski institut. Zagreb, 1974. Vol. 6. S. 129–272.*

16. *Obad S. Josip Smodlaka i agrarno pitanje u Dalmaciji uoči prvoga svjetskog rata // Časopis za suvremenu povijest. 1974. N 1. S. 57–70.*

17. *Brzopisna izvješća...* S. 433–436, 823–845.

18. *Milutinović K. Vojvodina i Dalmacija...* S. 370 etc.

19. *Horvat J. Frano Supilo. Beograd, 1961. S. 249.*

20. *Horvat J. Supilo. Život jednog hrvatskog političara. Zagreb, 1938.*

21. Кроме упомянутых в тексте, приводим некоторые источники и труды, касающиеся истории Далмации в начале XX в.: *Trumbić A. Suton Austro-Ugarske i Riečka resolucija. Zagreb, 1936; Radić A. Protiv Riečke rezolucije. Zagreb, 1938; Supilo F. Politika u Hrvatskoj. Zagreb, 1953; Gross M. Vladavina hrvatsko-srpske koalicije. 1906–1907. Beograd, 1960; Gross M. Hrvatska uoči aneksije Bosne i Hercegovine // Istorija XX veka. Beograd, 1962; Gross M. Uloga šibenskog pravaštva u dalmatinskoj i općehrvatskoj pravaškoj politici uoči prvog svjetskog rata // Radovi. Institut za hrvatsku povijest. T. 1. Zagreb, 1971; Bogdanov V. Hrvatski narodni pokret 1903/4. Zagreb, 1961; Grabovac J. Narodni pokret u Hrvatskoj 1903 i njegov odraz u Dalmaciji // Mogućnosti. 1954. N 3; Jelavich Ch. South Slav Nationalisms. Columbus (USA), 1990; Ganza-Aras T. Pojava politike "novog kursa" u Dalmaciju god. 1903 // Radovi. Filozofski fakultet u Zadru. Historija. N 2. Zadar, 1962–1963. Живановић М. О догађајима у Далмацији за време анексионе кризе 1908–1909 // Историски часопис. 1957. Т. VII.*

Содержание

В в е д е н и е	3
-----------------------	---

Часть первая

Очерк формирования хорватской и сербской наций в пределах монархии Габсбургов.

1. Общее представление о нациях Центральной Европы.....	6
2. Хорваты.....	12
3. Сербы в пределах монархии Габсбургов.....	34

Часть вторая

Национальное возрождение в Далмации.

1. Далмация под властью Венеции, Австрии и наполеоновской Франции (до 1814 г.). Создание предпосылок национального движения (30–50-е годы XIX в.). Социально-экономическая ситуация (до 1878 г.).....	55
2. Национальное движение 60-х годов. Далматинский югославизм (словинство).....	86
3. Завершающий период хорватского национального возрождения в Далмации. Боснийская проблема в 70-х годах XIX в.	111

З а к л ю ч е н и е :

Далмация и политическая борьба в хорватских землях в начале XX в. (обзор)	136
--	------------

П р и м е ч а н и я	152
----------------------------------	------------

Владимир Израилевич Фрейдзон

Далмация

**в хорватском национальном возрождении XIX в.
К истории югославизма и его неудачи**

Монография

Ответственный редактор *Т.М.Исламов*

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ИСБ РАН
Компьютерный набор - *Т.В.Матвеевой*
Компьютерная верстка - *М.И.Леньциной*

Л.Р. № 020935
от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 30.09.1997
Тираж 150 экз.
Цена договорная

10,2 печат. л.
Заказ № 244

Типография НИТК «Логос» 129164 Москва, Маломосковская, 8

